

c.1826984

Н. В. ЕМЕЛЬЯНОВА

АНГЛИЯ И ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

Надежда Васильевна Емельянова

АНГЛИЯ и ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

М.: Наука. 1981

2009

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Глава I. Английская буржуазная печать
о Парижской Коммуне

Глава II. Английская прогрессивная интеллигенция
и Парижская Коммуна

Глава III. Английские очевидцы
о Парижской Коммуне

Глава IV. Выступления английских рабочих
в защиту Парижской Коммуны

Закключение

Библиография
Указатель имен

Все материалы о Парижской Коммуне 1871 года
<http://istmat.info/node/28030>

COMMUNE OF PARIS.

ANNIVERSARY

PROCLAMATION

COMMUNE OF PARIS

will be celebrated on
Wednesday March 19th, 1890

SOUTH PLACE INSTITUTE,

SOUTH PLACE, FINSBURY, E.C.

(Close to Moorgate Street and Liverpool Street Stations)

The following Committee will address the Meeting
John Turner, H. H. Sparling, C. W. Mowbray

THE

PALL MALL GAZETTE

An Evening Newspaper and Review.

No. 10986 (Vol. XLII)

MONDAY, APRIL 17, 1871

Price Two-pence.

any active coal in favour of a Government the first act of which

Веб-публикация: Vive Liberta

В книге раскрывается влияние Парижской Коммуны на основные политические партии, на рабочее и социалистическое движение Великобритании; освещается кампания солидарности английских рабочих, в организации которой большую роль сыграл К. Маркс, с коммунарками. Парижская Коммуна обострила классовые противоречия в Англии и содействовала росту политической сознательности пролетариата этой страны. Автор использовала прессу, письма, мемуары, материалы архивов Великобритании и СССР.

Ответственный редактор
доктор исторических наук

Виктор Моисеевич Далин

ВВЕДЕНИЕ

Парижская Коммуна 1871 г. ознаменовала начало нового этапа в развитии капитализма и мирового рабочего движения. Она показала всему миру, что пролетариат вырос в такую политическую силу, которая способна вести борьбу за уничтожение капиталистического строя. Впервые в истории к власти пришло революционное правительство рабочего класса.

Это было событие огромного значения. Со времени Великой французской революции XVIII в., которая «вымела вон хлам сеньюральных, местных, городских и провинциальных привилегий, очистив таким образом общественную почву от последних средневековых помех для этой государственной надстройки»¹, развитие капитализма шло по восходящей линии. По мере укрепления буржуазного строя углублялись противоречия между трудом и капиталом. Июльская революция, по определению Маркса, закрепила политическую победу капиталистов, отстранив от власти земельных собственников и передав ее «из рук более отдаленного врага рабочих в руки непосредственного их врага. Поэтому государственная власть занимает по отношению к рабочему классу более ясно выраженную позицию враждебности и подавления»². Это в свою очередь способствовало процессу консолидации сил пролетариата и росту его политического сознания. Франко-прусская война ускорила этот процесс, подготовленный всем ходом исторического развития. Революция, начавшаяся 18 марта 1871 г. в Париже, положила начало новой эре — эре пролетарских революций.

Прошло сто лет после этих великих событий, но и сейчас буржуазные ученые рассматривают Парижскую Коммуну как явление чисто национальное, даже локальное, как «феномен», возникший во Франции, а точнее, в Париже. Они доказывают, что революция 1871 г. не имела серъ-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-изд., т. 17, с. 613.

² Там же.

езных последствий ни у себя на родине, ни тем более за ее пределами, и отрицают ее влияние на международное рабочее движение. Чтобы снизить значение Коммуны, историки подчеркивают слабые стороны революции и ошибки коммунаров.

Советские исследователи стоят на принципиально иных позициях революционного марксизма и считают Парижскую Коммуну логическим завершением определенного этапа в историческом процессе. Эту мысль впервые высказал К. Маркс в самый разгар революционных событий. Уже тогда он смог в полном объеме оценить Коммуну и назвать ее «началом социальной революции XIX века»³. К. Маркс понимал, что значение Парижской Коммуны выходило не только за рамки одной страны, но и за пределы всего континента. «...Какова бы ни была ее судьба в Париже, — писал он, — она обойдет *весь мир*»⁴. Исходя из такого понимания Коммуны, нашу науку интересуют не только возникновение и деятельность первого государства победившего пролетариата (они в настоящее время изучены достаточно глубоко), но и непосредственная реакция на события в Париже, их связь с рабочим и демократическим движением в странах Европы и Америки, влияние Коммуны на дальнейшее развитие революционного процесса.

Эти проблемы еще не получили должного освещения в литературе и требуют дальнейшей разработки, хотя первые шаги уже сделаны. В двухтомнике «Парижская Коммуна 1871 года» и особенно в юбилейном издании «История Парижской Коммуны 1871 г.», а также в коллективном труде «Международное рабочее движение» большие разделы посвящены откликам на события во Франции в различных странах⁵.

Предлагаемая вниманию читателей книга является попыткой проанализировать позицию самой развитой капиталистической страны той эпохи — Великобритании в отношении революции, начавшейся 18 марта в Париже и провозгласившей Коммуну.

Что представляла собой Англия к этому времени? Британская империя, достигшая в 50—60-е годы XIX в. наибольшего расцвета, к 70-м годам не утратила своего могущества. Она оставалась «мастерской мира», и ее буржуазия все еще «играла в эти годы роль мирового банкира», ее валюта оставалась «барометром и до известной степени даже регулятором мирового рынка»⁶. То, что апогей экономического могущества Англии уже был позади, что империя постепенно, хотя и медленно, начала сдавать ведущие позиции более молодым капиталистическим странам, стало ясно позже, а в 1871 г. это почти никем не осознавалось⁷.

В 1868 г. политическое соперничество двух ведущих партий — консерваторов и либералов — окончилось победой на выборах последних и образованием правительства во главе с У. Гладстоном. Для либерального правительства была характерна политика лавирования. Рост недовольства пролетариата, память о чартизме заставляли его уделять особое внимание рабочему вопросу. С одной стороны, буржуазия создавала рабочую аристократию, углубляя тем самым раскол рабочего движения, с другой — проводила некоторые реформы. К примеру, в 1871 г. профсоюзы были признаны юридическим лицом. И хотя профсоюзы находились в руках реформистских лидеров, а значит, под контролем буржуазии, это все-таки была уступка пролетариату. Вместе с тем в том же, 1871 г. был принят закон о запрещении пикетирования, что ограничивало возможности проведения стачек.

В годы правления либералов начала складываться империалистическая идеология английской буржуазии. Некоторые видные политические деятели этой эпохи прославляли себя как борцы за «рабочее законодательство», за

⁶ Ерофеев Н. А. Очерки по истории Англии. 1832—1917. М., 1959, с. 80.

⁷ Имеется целый ряд глубоких исследований по истории Великобритании эпохи ее экономического расцвета. Назовем некоторые из них: Ерофеев Н. А. Указ. соч.; История Парижской Коммуны 1871 г.; Clapham J. N. An Economic History of Modern Britain. Cambridge, 1932. Vol. 2; Knowles L. C. The Industrial and Commercial Revolution in Great Britain during the Nineteenth Century. London, 1953; Court W. H. B. British Economic History. 1870—1917. Commentary and Documents. Cambridge, 1965; Checkland S. G. The Rise of Industrial Society in England. 1815—1885. New York, 1964.

³ Там же, с. 546—547.

⁴ Там же, с. 547.

⁵ Парижская Коммуна 1871 года. М., 1961. Т. 1, 2; История Парижской Коммуны 1871 г. М., 1971; Международное рабочее движение. М., 1976. Т. 2.

признание «политических прав рабочих» и в то же время выступали как рьяные проповедники британского империализма. Таков, например, известный член парламента Ч. Дилк.

Внешняя политика нового кабинета определялась экономическим превосходством Великобритании над всеми странами. В международных отношениях кабинет Gladstone придерживался политики так называемой «блестящей изоляции». Суть ее сводилась к тому, чтобы не иметь длительных союзов и по возможности сохранять нейтралитет в военных конфликтах.

В 1870 г. началась франко-прусская война⁸. Британия объявила нейтралитет, но была не прочь руками Пруссии подорвать силы своего давнего конкурента и соперника в колониальных завоеваниях. В стране много лет культивировался дух превосходства над Францией. В результате, как справедливо отметил Н. А. Ерофеев, «эти антифранцузские настроения, в частности, помешали английской дипломатии вовремя правильно оценить усилия Пруссии»⁹. Когда же правящие круги, хотя и с некоторым опозданием, поняли намерения Бисмарка, они изменили свое отношение к воюющим державам. Англия не могла допустить полного разгрома Франции и появления в Европе еще более могущественного государства в лице Германской империи. Она резко изменила ориентацию и выступила в роли защитника побежденной стороны.

Но война, исход которой уже был ясен всем, кончилась неожиданным взрывом, взрывом, которого никто не ждал, — восстанием народных масс в Париже. Известие застало английскую буржуазию врасплох. Однако, быстро поняв, что события принимают очень острый характер, она пустила в ход все средства для создания общественного мнения, резко враждебного революционному выступлению французских рабочих.

Давая оценку Парижской Коммуны, В. И. Ленин пи-

шет: «Как передовой боец за социальную революцию, Коммуна снискала симпатии всюду, где страдает и борется пролетариат. Картина ее жизни и смерти, вид рабочего правительства, захватившего и державшего в своих руках течение свыше двух месяцев столицу мира, зрелище героической борьбы пролетариата и его страдания после поражения, — все это подняло дух миллионов рабочих, возбудило их надежды и привлекло их симпатии на сторону социализма. Гром парижских пушек разбудил спавшие глубоким сном самые отсталые слои пролетариата и всюду дал толчок к усилению революционно-социалистической пропаганды»¹⁰.

Слова В. И. Ленина имеют прямое отношение и к английскому пролетариату. Парижская Коммуна была событием такой политической силы, что «разбудила» не только рабочих, она всколыхнула все слои буржуазного общества.

Цель настоящей работы — проследить процесс формирования общественного мнения в Англии, проанализировать, как менялось восприятие революции и Коммуны всеми классами и политическими группировками, включая правящие круги, либеральную и консервативную буржуазию, радикально настроенную интеллигенцию. Автор стремился показать, как по мере нарастания революции и в дни ее жестокого подавления увеличивался интерес и сочувствие к ней, определить, какое влияние оказали события во Франции на рабочих Великобритании, на писателей и журналистов, художников и общественных деятелей. В книге отражена борьба всех левых сил против буржуазной прессы, прослежен путь организации движения солидарности, которое возглавили английские члены Генерального Совета I Интернационала и поддержали лучшие представители прогрессивной интеллигенции. В книге сделана попытка показать, в каких трудных условиях передовой отряд рабочих боролся за изменение общественного мнения в пользу коммунаров и сколь велика была в этом роль I Интернационала и К. Маркса.

Краткий по времени, но яркий период Парижской Коммуны отражен в самых разнообразных документах. Особую ценность представляют произведения Маркса и Эн-

⁸ Об отношении Англии к франко-прусской войне см.: *Millman R. British Foreign Policy and the Coming of the Franco-Prussian War. Oxford, 1965; Ramsay A. A. W. Idealism and Foreign Policy. London, 1925; Knaplund P. Gladstone's Foreign Policy. London, 1970; Newton L. Lord Lyons. A Record of British Diplomacy. London, 1913. Vol. 1, 2.*

⁹ *Ерофеев Н. А. Указ. соч., с. 96.*

¹⁰ *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 221—222.*

гельса, написанные непосредственно по следам событий. Они являются не только методологической основой настоящего исследования, но и имеют огромное значение в качестве первоисточника. Это прежде всего относится к работе «Гражданская война во Франции». Воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих, написанное К. Марксом в разгар революции, живо и остро отражает политическую обстановку во Франции, блестяще характеризует руководителей восстания и их врагов, дает классовый анализ революции, подчеркивает ее интернациональный характер и большое влияние на общеевропейское движение.

В книге широко использована переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с Л. Кугельманом, Г. Эккартусом, Л. Франкелем, Г. Юнгом, Э. Бизли и другими известными деятелями международного рабочего движения, а также протоколы заседаний Генерального Совета¹¹.

Марксистское понимание революционных событий 1871 г. получило дальнейшее развитие в работах В. И. Ленина. Как известно, В. И. Ленин внимательно и скрупулезно изучал историю Парижской Коммуны, ее деятельность, опыт и ошибки, цели и уроки. Статьи В. И. Ленина «Памяти Коммуны», «Уроки Коммуны», анализ Коммуны не только в теоретическом, но и в практическом плане в произведениях «Что делать?», «К. Маркс» и особенно в работе «Государство и революция» имеют огромное идейное и методологическое значение.

В нашей литературе не было специального исследования, рассматривающего влияние Парижской Коммуны на английское общество в целом. Ученых интересовал прежде всего вопрос о ее влиянии на рабочее движение. Именно этой проблеме уделяет серьезное внимание В. Э. Кунина в книге, посвященной лондонскому периоду жизни К. Маркса¹². Ту же тему разрабатывал и Ф. Г. Рябов¹³.

¹¹ См.: Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны. М., 1941; Первый Интернационал и Парижская Коммуна. М., 1972; Генеральный Совет Первого Интернационала. 1870—1871: Протоколы. М., 1965.

¹² Кунина В. Э. Карл Маркс и английское рабочее движение. М., 1968.

¹³ См. гл. 13 в кн.: Парижская Коммуна 1871 года, т. 2; раздел III в кн.: История Парижской Коммуны 1871 г.

В центре внимания В. Э. Куниной и Ф. Г. Рябова находится деятельность К. Маркса, Ф. Энгельса и I Интернационала.

Большой интерес представляет сборник «Парижская Коммуна и марксизм», в котором авторы задались целью показать «огромное воздействие Парижской Коммуны на развитие самой марксистской теории, на процесс соединения научного коммунизма с рабочим движением»¹⁴.

Что касается английской историографии, то специальных работ по избранной теме нет. Интересующий нас вопрос ставился в некоторых произведениях, посвященных либо проблемам рабочего и социалистического движения, либо истории самого революционного выступления 1871 г. Следует отметить, что исследований по истории Парижской Коммуны, созданных английскими авторами, не так много. И если большинство работ, относящихся к 70-м годам XIX в., носит чисто описательный характер или представляет собой мемуары, то в последнее время появились труды, в которых выражена совершенно определенная концепция: буржуазные ученые, следуя традициям зарубежной историографии, рассматривают Парижскую Коммуну как явление чисто французское, связанное лишь с условиями развития самой Франции.

Во многих исследованиях развивается мысль, высказанная в 30-е годы американским историком Мэзоном¹⁵, будто Коммуна во время своего существования не играла той роли, которую ей приписали позднее марксисты, якобы сотворившие «миф о Коммуне». Одна из глав книги Мэзона так и называлась «Коммуна в социалистической мифологии». Революция 18 марта для Мэзона всего лишь «патриотический, даже скорее шовинистический бунт». Некоторые английские историки (например, Г. Коллинз, Ч. Абрамски¹⁶) повторяют этот тезис. Другие, подчеркивая чисто французский характер движения 1871 г., утверждают, что Коммуна если и оказывала влияние, то лишь на очень незначительную группу английских радикалов. Такие мысли высказаны, в частности, в недавно

¹⁴ Парижская Коммуна и марксизм. М., 1973, с. 5.

¹⁵ Mason E. S. The Paris Commune. An Episode in the History of Socialist Movement. New York, 1930.

¹⁶ Collins H., Abramsky Ch. Marx and the British Labour Movement. London, 1965.

переизданной и значительно дополненной монографии Ф. Джеленика¹⁷.

К столетию Коммуны была выпущена книга Элистера Хорна «Страшный год»¹⁸. Это юбилейное издание, с большим числом отлично выполненных иллюстраций, является по существу сокращенным вариантом его более раннего исследования «Падение Парижа»¹⁹. Обе книги носят ярко выраженный антифранцузский характер, англичане предстают перед читателем людьми более высокой морали. Основная идея исследований — показ ужасов войны и особенно революции. В этом духе подобраны и иллюстрации. Э. Хорн имел доступ к нескольким частным собраниям и опирался на неопубликованные письма и дневники англичан — очевидцев событий. Однако подбор цитат из мало доступной литературы и документов, хранящихся в архивах Великобритании, с которыми автору настоящей работы удалось ознакомиться, показывает заведомую тенденциозность Хорна в выборе материала.

Поэтому его выводы расходятся подчас с цитируемыми документами.

В интересной статье Р. Гаррисона «Э. С. Бизли и Карл Маркс» и в его книге «До социалистов»²⁰, хотя и говорится о движении солидарности рабочих Лондона с Коммуной, заслуга в организации этого движения приписывается исключительно небольшой группе английских позитивистов. Роль I Интернационала сводится по существу на нет. Эта же мысль, но в еще более резкой форме высказана Р. Гаррисоном в комментариях к сборнику документов «Английские защитники Коммуны 1871»²¹.

Среди немногих работ английских историков, в которых поднимался вопрос о влиянии Парижской Коммуны на рабочее движение Великобритании, следует назвать статьи

¹⁷ *Jellinek F. The Paris Commune of 1871. London, 1971 (1st ed London, 1937).*

¹⁸ *Horne A The Terrible Year London, 1971.*

¹⁹ *Horne A The Fall of Paris. London, 1965.*

²⁰ *Harrison R E. S. Beesly and Karl Marx. — International Review of Social History, Amsterdam, 1959, N 4; Idem Before the Socialists. Toronto, 1965.*

²¹ *Harrison R Introduction and Commentaries — In: The English Defence of the Commune 1871. London, 1971.*

А. Ф. Ротштейна, Палма Датта, А. Л. Мортон, П. Уинкола, Дж. Линдсея²².

Использованные в настоящей работе документы служат неопровержимым доказательством того, что Парижская Коммуна заставила весь буржуазный мир напряженно следить за революционной борьбой, развернувшейся во французской столице.

В работе использованы материалы советских архивов — Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Архива внешней политики России, Центрального государственного архива литературы и искусства.

Из опубликованных в Англии документов наибольший интерес для нас представляли: многотомное английское издание стенографических отчетов парламента²³. Голубые книги, в частности том «Франко-прусская война. Сессия 9 февраля — 21 августа 1871 г.»²⁴, а также сборник документов «Английские защитники Коммуны», опубликованный Р. Гаррисоном²⁵.

Во время научной командировки в Англию автор имела возможность ознакомиться с материалами ряда архивов, прежде всего Государственного архива Великобритании. В фонде министерства иностранных дел особенно ценными оказались не использованные по сих пор в исторической литературе донесения и письма английского посла во Франции Р. Лайонса за 1871 г. министру иностранных дел Дж. Гренвиллю и некоторые документы из фонда Дж. Гренвилля.

Очень интересным оказался и другой не менее известный архив — Отдел редких книг и рукописей Британской

²² *Rothstein A Paris Commune — British Witnesses — Labour Monthly, 1971 Mar; Dutt R P The Commune and Today — Ibid; Morton A I, Britain and the Paris Commune — Marxism Today, 1971, Mar.; Wuncoll P The First International and Working Class Activity in Nottingham, 1871—1873 — Ibid, 1968, Dec; Idem Thomas Smith: A Working Class Defender of the Commune — Ibid, 1971, Mar; Lindsay J The Commune of Paris and English Literature — Marxist Quarterly, 1954, vol 1, N 3*

²³ *Hansard's Parliamentary Debates, 3rd Ser, vol. 204, 205, 206. London, 1871.*

²⁴ *Blue-books. Accounts and Papers. Franco-Prussian War. Session 9 February — 21 August 1871, vol. LXXI London, 1871.*

²⁵ *The English Defence of the Commune, 1871.*

библиотеки, где были просмотрены три обширных фонда У. Гладстона, У. Морриса и Ч. Дилка. Записи последних любопытны как очевидца событий, дважды побывавшего в Париже в период Коммуны. Ч. Дилк вел дневники, а в старости лет решил подготовить к печати свои воспоминания. Правда, этот труд так и не был издан, но рукописи сохранились. Кроме мемуаров, в бумагах Ч. Дилка много писем известных общественных деятелей, в частности письма Ф. Гаррисона, активно выступавшего в защиту Коммуны. Фонд самого Ф. Гаррисона находится в рукописном отделе Лондонской школы экономических и политических наук. Среди документов есть письма, адресованные Ч. Дилку, Дж. С. Миллю, Дж. Морли, бывшему в те годы главным редактором либерального журнала «Фортнайтливью».

В архиве лондонской экономической школы имеется целый ряд ценных фондов, в том числе документы тред-юнионов, собранные Веббами, коллекция личных бумаг и писем Дж. С. Милля. В отделе редких книг и рукописей библиотеки Уотсона Лондонского колледжа хранятся личные бумаги Э. С. Бизли, общественного деятеля 60—70-х годов, многие годы сотрудничавшего с К. Марксом.

Продолжая традиции старых колледжей, молодые университеты Англии создают свои отделы редких изданий и рукописей. Так, в Сассекском университете, открытом в 1955 г., в настоящее время имеется богатая коллекция книг и документов о Парижской Коммуне. Часть из них — газеты, афиши, карикатуры, рисунки — в подлиннике, часть — в ксерокопиях. Сбор этой коллекции начал преподаватель университета Е. Шулькин, изучающий историю Парижской Коммуны 1871 г., ему помогала сотрудница библиотеки Н. Фортескью. Они не только собрали уникальную коллекцию, но и опубликовали ее описание²⁶. Шулькин любезно предложил автору монографии ознакомиться с этими материалами.

Одним из основных источников при работе над монографией была периодическая печать. Автор имела возможность познакомиться не только с лондонскими изданиями, частично представленными в библиотеках Москвы и Ленинграда, но и с провинциальной прессой, собранной

в Британской библиотеке, где хранятся периодические периферийные издания с 1700 г., столичные издания с 1801 г., а также иностранные газеты, журналы и периодика британских колоний.

Считаю своим долгом с благодарностью вспомнить научного руководителя А. З. Манфреда, предложившего тему исследования и оказавшего неоценимую помощь при работе над ней. Автор признательна И. А. Бах и товарищам по сектору за ценные консультации и дружескую поддержку. Большую помощь оказали английские друзья и коллеги, прежде всего историки-коммунисты А. Л. Мортон, А. Ф. Ротштейн и П. Уинкол; последний содействовал автору в розысках в ноттингемских архивах и подарил копии документов из фонда Юнга, отобранные им в Амстердамском международном институте социальной истории.

²⁶ The Paris Commune 1871. Brighton, 1975.

АНГЛИЙСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ ПЕЧАТЬ О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ

2 января 1871 г., в первый понедельник нового года газета «Таймс» поместила большую редакционную статью, посвященную Франции. Тревога и неуверенность в судьбе французского государства — ее основная мысль. События, завершившие ушедший год, не вселяли спокойствия. Они имели значение не только для Франции, но и для всей Европы. «Люди обычно склонны преувеличивать значение современных им событий, — говорилось в статье, — но к нынешнему новому году Европа оказалась в таком положении, что нам не грозит подобная ошибка»¹.

Год действительно начался тревожно. Франко-прусская война была в самом разгаре, и хотя 26 февраля был заключен предварительный мир, условия его, как известно, были кабальными для Франции и вызвали всеобщее возмущение. Немецкие войска не покинули оккупированной территории, и часть их расположилась у стен столицы. В стране росло возмущение, сложилась революционная ситуация.

Наиболее полно события 1871 г. во Франции освещались одной из самых влиятельных английских газет того времени — «Таймс», отражавшей взгляды правящих кругов Великобритании². Ее главным редактором с 1841 г. был Джон Тадеус Делейн. Незаурядный организатор, он сумел так поставить работу редакции, что «Таймс» имела обширные источники информации. Главный редактор был в дружеских отношениях с министром иностранных дел Гренвилем и хорошо знаком со многими политическими деятелями. Сообщения газеты были достаточно обстоятельными и полными. Хотя сам Т. Делейн симпатизировал больше либералам, газета процветала как во времена кон-

сервативного правительства Дизраэли, так и в эпоху либерального правительства Гладстона.

«Таймс» имела большой и квалифицированный штат журналистов и у себя дома, и за границей. В кратких корреспонденциях из французской столицы, в подробных дневниковых записях журналистов, в больших обзорах лондонских комментаторов достаточно полно отражались события франко-прусской войны и Парижской Коммуны. Из газеты можно было узнать и реакцию английской общественности на французские события. Здесь помещались отчеты о митингах, демонстрациях и собраниях рабочих в защиту Коммуны. Газета была настроена крайне враждебно к Коммуне и ее английским защитникам. Ставя знак равенства между коммунистическими и республиканскими идеями, она требовала объявить войну всем политическим направлениям, подрывавшим основы существовавших в Англии порядков. В том же духе преподносили читателям материал и такие консервативные газеты, как «Стэндард» и «Пэлл Мэлл газет».

Первый главный редактор «Пэлл Мэлл газет» Ф. Гринвуд называл себя «независимым консерватором» и был убежденным противником Гладстона. В 70-е годы газета выступала с критикой внутренней и внешней политики правительства с позиций яростных консерваторов³. Не имея собственных корреспондентов в Париже, «Пэлл Мэлл газет» регулярно помещала информационные сообщения и статьи, опубликованные в других органах печати⁴.

19 марта, в воскресенье, лондонские газеты не выходили. О событиях, происшедших в Париже 18 марта, англичане узнали только в понедельник. Крупные заголовки — «Гражданская война в Париже», «События во Франции», «Резня в Париже», «Восстание в Париже» — бросались в глаза. Сообщения из Франции занимали целые страницы. Первые известия были очень сумбурными. Корреспонденты и не пытались анализировать происходящее. Они прислали самые подробные описания «ужасных событий». Не

¹ Заметим, что в последующие годы «Пэлл Мэлл газет» превратилась в самую рьяную защитницу английского либерализма.

² О газете «Таймс» см.: The History of the «Times»: Vol. 1—5. London, 1935—1952. Vol. 2. 1841—1884.

³ О газете «Пэлл Мэлл газет» см.: Schultz L. R. Crusader in Babilon. Lincoln, 1972; Scott J. W. R. The Life and the Death of a Newspaper. London, 1952.

имея собственных представителей в Париже, многие газетоводители «черни» оспаривать все действия властей. «Ру- ты просто перепечатывали целиком статьи из «Таймс». «Таймс» решительно была единодушна в оценке французских событий. Бульварно вся печать, как консервативная, так и либерально-демократическая, объявила парижское восстание «мятежом черни», чтобы получить наиболее полное представление о первом восстании в Европе. Следуя установившимся традициям и претендуя на объективность, «Таймс» поместила 20 марта на своих страницах и первые телеграммы агентства Рейтер, и обширные обозревания всего происходящего во французской столице. Ее корреспонденты описывали час за часом восставших на высотах Монмартра, о красных знаменах, поднятых на Пантеоне и площади Бастилии. Здесь же было опубликовано обращение Центрального комитета национальной гвардии к парижанам с провозглашением в столице «истинной республики», а рядом — прокламация Тьера с обещанием «свергнуть власть революционного комитета, почти все члены которого совершенно незнакомы жителям Парижа». «Временный успех» восставших «Таймс» объяснял растерянностью правительства и полной деморализацией армии⁵.

Помимо сообщений из Парижа, газета поместила большую статью лондонского обозревателя, писавшего в этот день: «Новости, полученные из Парижа, чрезвычайно тревожны. Республика испытывает боевое крещение. Тьер и его коллеги отступили в Версаль»⁶. Разобраться во всем многообразии информации предоставлялось самим читателям.

Все статьи «Таймс» свидетельствовали о том, что английская буржуазия в эти дни видела в парижском восстании только разгул анархии, его победу называла «случайной», «кратковременной». Со страниц газеты не сходили слова «ужас», «анархия», «беспорядки», «резня». «Монмартрские повстанцы не имеют политических целей», — писал корреспондент «Таймс», — у них негативные намерения». Восстание, по его мнению, вызвано единственным

желанием «черни» оспаривать все действия властей. «Ру- ты просто перепечатывали целиком статьи из «Таймс». «Таймс» решительно была единодушна в оценке французских событий. Бульварно вся печать, как консервативная, так и либерально-демократическая, объявила парижское восстание «мятежом черни», чтобы получить наиболее полное представление о первом восстании в Европе. Следуя установившимся традициям и претендуя на объективность, «Таймс» поместила 20 марта на своих страницах и первые телеграммы агентства Рейтер, и обширные обозревания всего происходящего во французской столице. Ее корреспонденты описывали час за часом восставших на высотах Монмартра, о красных знаменах, поднятых на Пантеоне и площади Бастилии. Здесь же было опубликовано обращение Центрального комитета национальной гвардии к парижанам с провозглашением в столице «истинной республики», а рядом — прокламация Тьера с обещанием «свергнуть власть революционного комитета, почти все члены которого совершенно незнакомы жителям Парижа». «Временный успех» восставших «Таймс» объяснял растерянностью правительства и полной деморализацией армии⁵.

Несмотря на бегство правительства в Версаль и победу повстанцев, «Таймс», а вслед за ней и остальные буржуазные газеты уверяли читателей, что «мятеж» будет подавлен в ближайшее время. Но в это не верили сами авторы таких заявлений. «А что если движение победит? Если смутьяны удержатся несколько недель или даже месяцев?» — спрашивал один из комментаторов газеты⁹.

Кто же поднял восстание? Этот вопрос вставал вновь и вновь. По словам парижских корреспондентов, рабочие столицы не принимали в нем участия; организаторами и исполнителями назывались «красные социалисты» и «неистовые революционеры», которых поддерживала незначительная часть парижского населения, тогда как большинство парижан настроено лояльно к «законному правительству». «Любой прохожий, — сообщал корреспондент «Таймс», — имеющий приличный вид, осуждает восстание»¹⁰. Причины «беспорядков» автор статьи объяснял изменными чувствами национальных гвардейцев, не желавших лишиться 30 су за военную службу. Сведя на нет героическую борьбу парижского народа во время блокады зимой 1870 г., журналисты изображали гвардейцев «бездельниками, привыкшими к праздной жизни и легкому заработку»¹¹. Однако такая трактовка событий не могла

⁵ The Times, 1871, 20 Mar., p. 8. ⁶ Ibid.

⁷ Ibid. ⁸ Ibid. ⁹ Ibid., 21 Mar., p. 8. ¹⁰ Ibid., 22 Mar., p. 5. ¹¹ Ibid.

объяснить, как удалось «презренному меньшинству» только овладеть почти всем городом, но и удерживать власть в своих руках в течение нескольких дней.

Англичане надеялись на «благоразумие» французов, они со дня на день ждали решительного отпора повстанцам. Франция «не допустит такого позора!» — писал «Таймс»¹². Не жалея красок, рассказывали корреспонденты о жестокостях парижской «черни», в самых мрачных тонах рисовали расстрел генералов Тома и Леконта.

Прошло пять дней, а восстание все еще не было подавлено. Надежды на регулярную армию не оправдались, пришлось срочно вывести в Версаль. Английская буржуазия надеялась, что «бунтовщики» окажутся в безвыходном финансовом положении. Как известно, делегаты министерства финансов, Журд и Варлен, обратились 19 марта за деньгами во Французский банк и получили требуемую сумму. Управляющий банком Рулан выдал деньги, можно сказать, без возражений, но на второй запрос коммунаров, 22 марта, он ответил решительным отказом. К зданию банка немедленно были направлены национальных гвардейцев, и деньги были получены. Эти события вызвали в Лондоне ярость. «Мы получили, наконец, жестокий урок коммунизма», — писала «Таймс», — «но должны будем усвоить, что Бельвиль и Монмартр имеют такое же право на нашу собственность, как мы сами»¹³.

В Англии ослабевала уверенность в быстром подавлении «бунта». Новости из Франции вызывали все большую тревогу правящего класса. «События в Париже развиваются быстрее, чем рука может описать их, и они теперь принимают такую мрачную окраску, что невольно начинаешь сомневаться, стоит ли их воспроизводить», — писал один из парижских корреспондентов «Таймс»¹⁴. «Париж напоминает большой сумасшедший дом», — вторил ему другой¹⁵.

Если в первых заметках говорилось о малочисленности «мятежников», то через неделю обозреватели предпочитали не поднимать этот вопрос. «Ничего нет более неопределенного, чем сила французской черни», — читаем в одной

заметок. Англичане узнавали о растущей популярности движения. Судя по корреспонденциям, к нему присоединялись все более широкие слои населения. «Революция опирается не только на тех, кому нечего терять, но и на тех, кто больше выиграет, чем потеряет», — писал из Парижа один из журналистов¹⁶.

Полное неповиновение, продолжал он, «царит и в армиях. Солдаты выступают против своих офицеров»¹⁷. Корреспонденты обращались к событиям недавнего прошлого, указывали упущенные возможности предотвращения восстания. Один из них писал: «Единственная, но решительная демонстрация лояльных жителей с выражением желания подчиниться правительству — и восстание умерло бы в самом зародыше еще две недели назад». Он заканчивал с сожалением: «Теперь все слишком поздно»¹⁸.

События во Франции не нашли сочувствия и на страницах либеральных газет. Каждая из них вносила некоторые нюансы в понимание восстания, но в целом отношение к нему было отрицательное.

Наиболее популярными газетами либерального направления были «Дейли ньюс» и «Дейли телеграф». Главным редактором последней был в 70-е годы Леви Лоусон. Человечек, не менее энергичный, чем главный редактор «Таймс», по свидетельству современника, члена парламента Гамильтона, обладал «незаурядными способностями получать первоклассную информацию». Благодаря его энергии «Дейли телеграф» стала одной из самых читаемых газет. В первые годы правления Гладстона Л. Лоусон был его горячим сторонником. Однако позднее начал критически относиться к некоторым политическим шагам Гладстона, и «Дейли телеграф» превратилась «в сильного и упрямого оппонента премьер-министра»¹⁹. В эпоху Коммуны «Дейли телеграф», отражавшая взгляды более умеренных либералов, выступила с резкими статьями против правительства французских рабочих и объясняла победу Коммуны исключительно неправильной политикой Тьера. Одним из парижских корреспондентов газеты был журналист Уайтхэд, обладавший острым пером и полностью поддерживавший

¹⁶ Ibid., 24 Mar., p. 8. ¹⁷ Ibid. ¹⁸ Ibid., p. 9.

¹⁹ Hamilton G. Parliamentary Reminiscences and Reflections, 1868 to 1885. New York, 1917, p. 30—31.

¹² Ibid., 21 Mar., p. 8.

¹³ Ibid., 23 Mar., p. 9.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

взгляды главного редактора. Видимо, большинство корреспонденций из Франции принадлежало ему.

В отличие от «Таймс», «Дейли телеграф» не верила в внезапность и слабость восстания. «Франция давно являла собой уснувший на время вулкан революции», — писал она²⁰. Газета выступала решительно против Тьера. Она обвиняла его во лжи и трусости. Обращаясь к манифесту версальского правительства, опубликованному 21 марта, она писала: «Если бы мы поверили прокламации, изданной Тьером во вторник, мы бы считали, что восстание в Париже просто шутка, а положение во Франции превосходное»²¹. «Дейли телеграф» нападала на Тьера за непростительную медлительность. Если бы правительство приняло решительные меры «за неделю до восстания, говорилось в газете, мятеж мог бы быть подавлен за несколько часов ценой нескольких жизней». Но Тьер прозевал за рождение мятежа, дал возможность восставшим организоваться и окрепнуть. «Теперь борьба может продолжаться недели и будет оплачена несколькими тысячами жизней»²².

Из номера в номер «Дейли телеграф» требовала «свержения революционного комитета». Это, по мнению газеты, было главной обязанностью Тьера. Промедление создавало угрозу распространения восстания по всей стране, «ибо Париж — это Франция... в том смысле, что он держит в своих руках спокойствие нации»²³. Правительство национальной обороны создало благоприятные условия для повстанцев. Они «получили уверенность, что могут сами определять, какую власть следует установить во всем государстве. Необходимо немедленно рассеять эту уверенность», писал журналист. Несмотря на авторитет столичного правительства, оно обязано «показать, что Франция не Бельгия и даже не Париж». В претензиях «Дейли телеграф» к французскому правительству звучал страх английской буржуазии перед восставшим Парижем, страх, что это революционное выступление окажет влияние и на английское общество, прежде всего на рабочих. Париж в глазах защитников буржуазных порядков «всегда будет язвой для всего цивилизованного мира»²⁴.

²⁰ The Daily Telegraph. 1871. 25 Mar., p. 4.

²¹ Ibid., 23 Mar., p. 3.

²² Ibid., 25 Mar., p. 4. ²³ Ibid., 23 Mar., p. 3. ²⁴ Ibid.

Совершенно с других позиций подходила к революции в Париже «Дейли ньюс» — довольно популярный орган либеральной буржуазии.

На ее страницах можно было обнаружить все оттенки английского либерализма — от крайне умеренного до ультра-радикального. В материалах газеты хорошо прослеживаются малейшие колебания в понимании и толковании острых политических вопросов, встававших в связи с Парижской Коммуной.

Во многих статьях события рассматривались с позиций умеренных буржуазных республиканцев, обвинявших французских рабочих не только в разрушении уже существовавшей во Франции республики, но и в потере на многие годы возможности установления республиканской формы правления. 18 марта, говорили они, была убита республика. Не понимая целей восстания, один из сотрудников «Дейли ньюс» в первой корреспонденции от 20 марта писал: «Чего хотят повстанцы? Республики? Но нынешнее правительство Франции и есть республика, его можно рассматривать только так, ибо оно осуществляет власть, основанную на воле нации». Говорят, продолжал он, парижане не позволили принести республику в жертву, «но кто предлагал ее в жертву?»²⁵. Из дня в день на страницах «Дейли ньюс» звучало все то же обвинение: «Это так некстати начавшееся движение парижской толпы сделало невозможной республику»²⁶.

Впоследствии «Дейли ньюс» определила цели революции несколько по-иному, но пока до этого было далеко. Корреспонденты пытались внушить читателям мысль о том, что революционное правительство не пользуется доверием парижан. «Общественное мнение все более и более определенно высказывается против комитета, который обосновался в ратуше и делает вид, будто он и есть правительство Франции». Однако, замечала между прочим газета, «факт остается фактом: в Париже правит пролегарнат, а в Версале — крестьянство»²⁷. И хотя победа мятежников признавалась случайной, само восстание, писал один из обозревателей газеты, было предопределено всем ходом событий, оно «не было неожиданным», не было «сюрпри-

²⁵ The Daily News, 1871. 20 Mar., p. 4. ²⁶ Ibid., 23 Mar., p. 4.

²⁷ Ibid.

зом». Оно зародилось еще при Империи. Это «наследство страшной войны... и не менее ужасного мира»²⁸. «Дейли Ньюс» колебаний взяла под защиту правительство национальной обороны — «испуганное республиканское правительство». Она защищала Тьера и его приверженцев от всех нападков.

Спустя неделю после начала революции со страниц газеты прозвучал призыв к «самым гуманным» представителям английского общества поддержать Тьера и «законное правительство Франции», оправдывая при этом любовь «решительные действия», применяемые при подавлении «черни». «Не следует быть слишком щепетильными в отношении мер, видимо, необходимых для спасения положения», — писала газета²⁹.

В ответ на выступление прогрессивных общественных деятелей в защиту Коммуны «Дейли Ньюс» опубликовал большую статью, в которой предостерегала читателей от ошибки отождествления Коммуны с республикой. Когда во Франции была провозглашена республика, говорилось в статье, «здесь в Англии... многие приветствовали ее как зарю новой эры. Среди них были люди, которых Англия поставила в первые ряды поэтов и философов». Но постепенно при виде «преступлений, совершаемых против человечества и якобы во имя Свободы», ряды сочувствующих Франции таяли. «Не может быть большей ошибки, — делал вывод журналист, — чем отождествление настоящего восстания с республиканизмом»³⁰.

События в Париже привлекли внимание не только лондонских газет и журналов, они получили широкое освещение и в провинциальной прессе, тоже игравшей не последнюю роль в формировании общественного мнения. Не было ни одного, большого или малого, периодического издания, которое игнорировало бы революцию, а позднее Парижскую Коммуну. Но если многие лондонские газеты не имели своих постоянных корреспондентов в Париже, то тем более их не было у провинциальных органов печати. Источником информации по международным и наиболее острым внутривнутриполитическим вопросам служили все те же «Таймс», «Пэлл Мэлл газет», «Дейли те-

леграф», «Дейли Ньюс», из которых перепечатывались, иногда целиком, статьи и сообщения из Парижа. Обычно в конце недели появлялись обзоры лондонской периодической печати.

Весь огромный штат газетчиков и журналистов, находившийся в полной экономической зависимости от правящих классов, призван был пропагандировать идеи, поддерживавшие существовавшие в Англии порядки, и служил для укрепления и усиления класса буржуазии. Впрочем, ни одна лондонская газета не отражала реального положения дел во Франции, ни одна из них не показала и действительного отношения англичан к событиям в Париже. Лондонским газетам нельзя было верить, и это понимали не только прогрессивные общественные деятели, о чем будет сказано ниже, но и правящие круги, о чем красноречиво свидетельствует, например, письмо министру иностранных дел Гренвиллю, написанное по просьбе королевы ее личным секретарем Понсонби. Характеризуя жестокость руководителей парижского восстания, Понсонби добавляет: «Если сведения в газетах действительно верны»³¹.

В одном из донесений русский посол в Англии Ф. И. Бруннов сообщал канцлеру А. М. Горчакову об отношении англичан к французским событиям и при этом делал такую оговорку: «Впечатления английской общественности, выраженные прессой, видимо, неверны»³².

Прекрасную своей острой критикой характеристику ведущих английских газет дал эдинбургский «Риформер». В статье, посвященной Коммуне, анонимный автор писал: «Чувства, с которыми правящие классы следили за действиями коммунаров, можно проследить по тону газет, которые им представляют... „Standard“, орган консервативных, самая воинствующая газета... „Telegraph“ давно считается субсидированным рупором Наполеона, его парижские корреспонденты — низкопоклонники и панегиристы Империи, ее наслаждений и разврата, а „Daily News“, которая преподносит себя как образец самого крайнего

²⁸ The Letters of Queen Victoria, 2nd Ser., vol. 2. 1870—1878. London, 1926, p. 128.

³² АВПР, ф. Канцелярия, 1871 г., д. 67, л. 26.

²⁸ Ibid. ²⁹ Ibid., 25 Mar., p. 4. ³⁰ Ibid.

либерализма, едва ли отстают от консервативных газет в своей враждебности» к Коммуне³³.

Таковы источники провинциальной прессы, а на основании местных журналисты сочиняли и собственные редакционные статьи. Зачастую их размышления и политические прогнозы опережали выводы столичных корреспондентов.

Периодические издания разных промышленных районов отражали то политическое направление, которое преобладало там. Газеты Брайтона, Ливерпуля, Бирмингема придерживались консервативных взглядов. Печать Ноттингема, Шеффилда, Эдинбурга выражала преимущественно настроения либеральных кругов. Они вслед за лондонской «Дейли ньюс» яростно напали на «мятежников» с позиций умеренных республиканцев. Эдинбургский «Риформер» 25 марта писал: «Республика во Франции не может служить образцом. Введенные в заблуждение коммунары Парижа остановили колесо истории и отбросили развитие республиканизма на целое столетие назад»³⁴.

Типичным консервативным органом провинциальной печати была брайтонская «Дейли ньюс». Она, опережая некоторые центральные газеты, стала одним из самых ранних центров борьбы с Интернационалом. С 21 марта газета начала открытую атаку на Международное Товарищество Рабочих. На страницах газеты Товарищество выглядело огромным чудовищем, протянувшим щупальцы «по всей Европе и имеющим секретный штаб в Париже». По утверждению брайтонского журналиста, Интернационал давно искал «наиболее благоприятную почву для посева зерен социализма». Он нашел ее во Франции, где с легкостью прижилась его основная доктрина — «поделить все между всеми». «Общество рабочих», писала газета, сделало уже не одну попытку организовать политическую борьбу. Оно было начинщиком «нескольких серьезных забастовок»: сначала на заводах Крезю, потом в Бельгии. После этого Интернационал обратился к Парижу и «поддержал Монмартрскую организацию»³⁵.

³³ The Reformer, Edinburgh, 1871, 13 May, p. 8. British Library Collection (далее — B. L. C.).

³⁴ Ibid., 25 Mar., p. 4. B. L. C.

³⁵ The Brighton Daily News, 1871, 21 Mar., p. 3. B. L. C.

Тем временем революция разрасталась, положение с каждым днем становилось все серьезней. 24 марта «Таймс» сообщила о провозглашении Коммуны в Лионе, а еще через несколько дней в Лондоне узнали о восстании в Марселе, где над ратушей было поднято знамя Коммуны. В этот же день поступили сведения о волнениях в Алжире. «Таймс» не заостряла внимания читателей на этих событиях, ограничившись лаконичным сообщением, зато в вечернем выпуске консервативной газеты «Стандард» говорилось о серьезной угрозе революции, охватившей уже три главных города Франции. Они «не подчиняются властям... и находятся в состоянии мятежа против единственного правительства, могущего в данный момент претендовать на верность всего народа»³⁶.

Интересно заметить, что в первые дни почти все газеты, в том числе и «Таймс», избегали самого слова «революция». Они говорили о «бунте», «мятеже», «восстании». Но спустя неделю «Таймс» все чаще называла парижские события «революцией».

Редакционная статья, помещенная в «Таймс» 25 марта, говорила о «четвертой французской революции». Считая ее, впрочем, не «такой жестокой», как три предыдущие, обозреватель писал в то же время о «полном разложении общества». Франция «стоит на самом краю бездны» и представляет собой «некоторое подобие туманности, состоящей из атомов, вращающихся вокруг своих собственных независимых центров: ультраконсервативного, с одной стороны, и ультрареволюционного — с другой»³⁷. Журналист рисовал мрачную картину окончательного распада французского государства на части. «Париж, все еще находящийся во власти Центрального комитета; Венсен, оккупированный повстанцами; Лион, провозгласивший Коммуну... Национальное собрание, продолжающее дебаты о пруссаках, которые... в ожидании своих пяти миллионов приостановили возвращение батальонов на родину, — таково в настоящее время положение вещей во Франции»³⁸.

И вот в такой обстановке в Париже на 26 марта, к удивлению английской буржуазии, были назначены вы-

³⁶ The Evening Standard, 1871, 27 Mar., p. 1.

³⁷ The Times, 1871, 25 Mar., p. 9.

³⁸ Ibid.

боры в Коммуну. Об этом англичане узнали из газет накануне, 25 марта. После твердых заверений во временном успехе восстания, его беспочвенности и слабости, надо было как-то объяснить читателям решение, принятое ЦК национальной гвардии о проведении выборов в Коммуну.

Правда, парижские корреспонденты продолжали писать о полной изолированности восстания, его отрывности от жителей Парижа, поддерживающего, по их словам только некоторые мероприятия ЦК и то лишь в силу боязни и полной растерянности. «Предоставленные самим себе, парижане в отчаянии... без направления, без вождя они не знают, на что решиться. Голосовать или нет?» — писал из Парижа корреспондент «Таймс» 27 марта³⁹. Для англичанина само слово «выборы» означало многое, и результаты ждали с большим интересом. Но «Таймс» удовлетворила любопытства своих читателей. Она ограничилась лаконичным сообщением. 27 марта были опубликованы только телеграммы агентства Рейтер, дававшие сам факт состоявшихся выборов в Коммуну. «В городе полное спокойствие», — говорилось в одной телеграмме⁴⁰.

Вскоре после провозглашения Коммуны тон ведущей газеты изменился. За ней последовали и остальные. Коммуну не приходилось смотреть как на случайное явление. Она пришла к власти легальным путем, через выборы. В ней английское буржуазное общество почувствовало открытого классового врага. «Таймс» прежде всего яростно обрушилась на правительство национальной обороны, она обвиняла в полном бездействии «законное правительство Франции. Выборы в Коммуну показали организованность и твердость парижских рабочих. Корреспондент «Таймс» в очередном сообщении из Парижа писал: «Я не симпатизирую движению под руководством комитета, но справедливость требует признать, что дисциплина, поддерживаемая их отрядами, исключительно хорошая»⁴¹. Напомнив читателям английскую поговорку — «Власть раскрывает суть человека», — журналист подчеркнул, что за несколько дней правления коммунары не совершили ни одного акта насилия, грубости или же

стокости, к тому же «они отважны и, видимо, по-своему верят в добро». Автор статьи не мог найти слов, чтобы выразить свое удивление по поводу организаторских способностей руководителей восстания: «Они действительно превзошли все ожидания»⁴². Сравнивая в этом отношении повстанцев с «партией порядка», корреспондент, колеблясь, отдавал предпочтение первым. Объяснить успех выборов в Коммуну «срагом» партизан перед ЦК национальной гвардии или только организаторскими способностями руководителей движения было бы крайне неубедительно. Консервативная печать предпочитала не отвечать прямо на этот вопрос, а перейти к резкой критике Коммуны и ее целей. Между тем в Англию различными путями доходила совершенно иная информация о революции в Париже. Она просачивалась и в республиканские клубы, и в среду радикально настроенной интеллигенции, попадала в руки либеральной прессы все чаще стали появляться статьи в защиту Коммуны, английские рабочие под руководством I Интернационала развернули движение солидарности с Коммуной. В ответ на это английская печать начала наступление на Коммуну. Главную опасность консервативные круги видели в распространении социалистических идей. 27 марта газета «Ивнинг стандарт» опубликовала редакционную статью «Революция в Париже», где писала: «Мы полагаем, что главнейшей идеей этого и большинства предыдущих восстаний была идея социализма, взлелеянная одним классом и отвергнутая другим». Социализм, говорилось дальше, давно был «сокровенной мечтой бедняков, населяющих города континента»⁴³. Они, руководимые «агитаторами» и «усовершенствователями мира», опять подняли восстание во Франции. Газета вновь говорила о «бездельниках, бродягах и хулиганах», но теперь они не изображались главной силой революции, они лишь «содействовали» ее успеху. Организаторами движения, по мнению автора, были «социалисты». Он выражал опасение, как бы в Париже не началась открытая «политическая борьба». Если только это произойдет, «социалистическая борьба».

³⁹ Ibid., 27 Mar., p. 5⁴⁰ Ibid.⁴¹ Ibid., 29 Mar., p. 5.⁴² Ibid. ⁴³ The Evening Standard, 1871, 27 Mar., p. 1.

лизм станет лозунгом, как красное знамя социализма уже стало ее символом»⁴⁴.

Что означал социализм? Автор делил его на теоретический и практический. Он готов был признать первый. В социалистических идеях, говорил автор, есть даже «благородные импульсы и некоторые полезные принципы». Он милостиво разрешал «социалистическим мечтателям» строить свои теории и даже с уважением называл некоторых его идеологов. Особо он выделял Прудона и Луи Блана. Что касается практического социализма, то он, по мнению автора, представлял собой «зависть, ненависть и злобу» и вел «к грабежу и резне». Подтверждением тому являются события в Париже, подхваченные уже другими промышленными городами⁴⁵.

Консервативная пресса не могла простить Тьера, допустившего «разгул анархии в Париже». «Пэлл Мэлл газет» обвиняла главу французского правительства в недооценке сил революции. Не имея собственных корреспондентов за границей, газета с недоверием относилась к сообщениям всех парижских корреспондентов. Она подозревала и английских журналистов, находившихся во Франции, в неправильном освещении событий на континенте с самого первого дня⁴⁶.

Приняв факт существования Коммуны, буржуазные газеты попытались разобраться в ее существе, выяснить ее цели, определить классовый характер. Автор редакционной статьи «Коммунисты и коммуналисты», опубликованной 29 марта в «Таймс», обращался к «мыслителям и ученым Великобритании», дабы они обратили внимание «на единственное в своем роде явление», свидетелями которого они были. Он писал о классовой борьбе пролетариата против капитала. «Во Франции,— говорилось в статье,— началось первое представление грандиозного спектакля», являющегося серьезной угрозой всему буржуазному миру. «В случае успеха,— писал журналист, — он не преминет повториться и в других местах». Каковы цели борьбы? Коммуна добивалась «превосходства пролетариата над зажиточными классами, рабочих над хозяевами

ми, труда над капиталом»⁴⁷. Доля участников революции на две основные партии — коммунистов и коммуналистов,— автор особое место среди руководителей Коммуны отводил коммунистам, имевшим «широкую известность как в Англии, так и в Германии, Швейцарии, Франции». Именно они, по его словам, и представляли главную опасность.

Коммуна названа в статье «новым государством». «Видимо, мы далеко ушли от муниципальной революции», — писал автор. Рисуя будущее Франции, журналист делал предположение о возможном появлении федерации отдельных Коммун, «имеющих свой бюджет, свои финансы, свои армии». Они «будут строить свои отношения с остальной нацией, как равные»⁴⁸. Второй партии, так называемым коммуналистам, автор, несмотря на все сказанное о коммунистах, приписывал ведущую роль в Коммуне. Единственная цель этой партии — достижение местного самоуправления, органом которого и явилась Коммуна.

Эти путаные и противоречивые рассуждения говорили, однако, читателю об одном — о победе французского пролетариата, имеющего собственное правительство, достаточно авторитетное и действенное. «Каждый прошедший день,— писал лондонский комментатор «Таймс», — которому дали спокойно окончиться,— это чистейшая победа Коммуны»⁴⁹.

В середине апреля большую статью «Коммуна и партия порядка» опубликовала на первых страницах газета «Пэлл Мэлл газет». В ней, в частности, было сказано: «Те, кто говорит „о кучке вооруженных бандитов, терроризирующих все население“, ошибаются. «Это объяснение кажется нам совершенно неудовлетворительным»⁵⁰. Коммуна на страницах газеты выглядела хорошо организованным врагом. Она возникла в результате политики «заигрывания» с рабочим классом. Когда же рабочие захватили власть, правительство Тьера не смогло с ними справиться. «Если бы партия порядка имела перед собой слабого врага, она давно бы расправилась с ним», — писал обозреватель газеты. «Однако, поскольку приходится признать молчаливое согласие населения Парижа бук-

⁴⁴ Ibid., 27 Mar., p. 1.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ The Pall Mall Gazette, 1871, 17 Apr., p. 1.

⁴⁷ The Times, 1871, 29 Mar., p. 5.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ The Pall Mall Gazette, 1871, 17 Apr., p. 1.

важно со всеми действиями Коммуны, становится трудным принять за правду откровенную брань, которую выливают корреспонденты изо дня в день в адрес повстанцев»⁵¹.

Консервативная печать все резче выступала против медлительности и бездействия Тьера. «Правительство Версаля ничего не предпринимает против победившего восстания, оно только разглагольствует», — писала «Ивнинг стандарт»⁵². В чем причина такого поведения Тьера? По мнению газеты, Тьер либо не имел достаточно сил, «либо боялся, что, разгромив красных Монмартра и Бельвиля, уничтожит для себя возможность править Францией»⁵³.

Либеральная газета «Дейли телеграф», мало чем отличаясь от консервативных, тоже толкала Тьера на решительные действия. 3 апреля была опубликована статья с комментариями очередного выступления главы правительства в Национальном собрании, где, уже в который раз, говорилось «о ненависти парижан к Коммуне» и «о легкости ее подавления. Тьер расхваливал военные силы, собранные им в Версале для захвата Парижа. Автор не верил ни единому слову. «Перед лицом „лучшей армии которой когда-либо владела Франция“⁵⁴, как долго еще будут красные управлять Парижем?» — спрашивал он»⁵⁵.

Идеализируя английский парламентский строй, «Дейли телеграф» видела спасение Франции только в одном — в предоставлении парижанам «муниципальных прав соотвественно английской модели, далекой как от фантастических теорий Коммуны, так и от раболепства имперской эпохи»⁵⁶.

Хотя статьи «Дейли телеграф», кроме отдельных очень редких корреспонденций, были направлены против Коммуны, они все же рисовали довольно объективные картины парижских событий и главных виновников в деле в лице Тьера и Национального собрания. Только «Дейли ньюс» продолжала защищать и поддерживать Тьера. Газета признавала, что Париж «в данный момент — это демократическая республика»⁵⁷, коммунары

обвиняли не в разрушении республиканского строя, а именно того умеренного республиканизма, за который так ратовали его английские идеологи. Читатели должны были понять, что Коммуна не может продержаться долго по двум главным причинам. Во-первых, она стала правительством столицы, не являясь правительством Франции, и Париж превратился в «квазинезависимое государство»⁵⁸. Во-вторых, Франция не была готова к демократической республике, «в которой нет ни богатых, ни страдающих бедняков». А даже если бы вслед за Парижем возникло несколько новых независимых и самостоятельных коммун, это означало бы «разрушение единой территории, самой централизованной в Европе системы управления, и превращение ее в хаотическую массу»⁵⁹.

Выход из создавшегося положения анонимный автор видел в гражданской войне. Только в ней, по мнению журналиста, видел выход и Тьер, а потому он медлит «и до сих пор надеется избежать ее путем компромисса». Поскольку, всего вероятнее, «чернь» не пойдет ни на какие уступки, гражданская война представлялась неизбежной.

Газета продолжала считать Тьера единственным защитником «истинного» республиканского строя и выражала ему своеобразный вотум доверия: «Опытный государственный деятель, призванный быть новым спасителем общества, завоевал нашу всеобщую симпатию», — писала «Дейли ньюс» от имени либеральной английской буржуазии⁶⁰.

В апрельских номерах газеты появилась целая серия статей с критикой Коммуны. Судя по стилю и содержанию, они принадлежали одному автору, умеренному буржуазному республиканцу, стороннику Тьера и Национального собрания. Редакционная статья, напечатанная 1 апреля, называла «по крайней мере три грубые ошибки Коммуны»: во-первых, революция произошла в самое неподходящее время. Страна нуждалась больше всего в покое. Вожди революции не посчитались ни с чем. Они завели страну в тупик. Вторую непоправимую ошибку автор видел в «кровожадности» революции, объявившей войну титулованным особам. Это, говорил он, лишило

⁵¹ Ibid.⁵² The Evening Standard, 1871, 28 Mar., p. 1.⁵³ Ibid.⁵⁴ Слово⁵⁵ The Daily Telegraph, 1871, 3 Apr., p. 4.⁵⁶ Ibid

6 Apr., p. 4.

⁵⁷ The Daily News, 1871, 28 Mar., p. 4.⁵⁸ Ibid.⁵⁹ Ibid.⁶⁰ Ibid., 1 Apr., p. 5.

Коммуну поддержки значительной части населения. И, наконец, третью, и самую грубую, ошибку автор статьи видел в неуважении к собственности⁶¹.

В другой статье, критикуя действия Коммуны с позиций буржуазного республиканца, автор заявлял, что повстанцы довели страну до полного бедственного состояния. Франция оказалась в таком бедственном состоянии, что народ перестал доверять не только «социалистам и демократам», но и «умеренным республиканцам». Коммунары полностью уничтожили веру в республику и способствовали увеличению сторонников монархии. «В настоящий момент, — писал автор, — французы готовы с радостью воскликнуть „Да здравствует король!“; лишь бы остановить продолжающийся политический хаос»⁶².

Автор развивал свои мысли в последующих статьях. Он изображал коммунаров авантюристами, «осуществлявшими свои особые социальные и политические теории»⁶³. Коммунары, говорил он, не поняли разницы между 1871 г. и 1848 г., «когда почти одновременно все слои общества поднялись на поверхность и потрясли Европу серией взрывов»⁶⁴. В 1871 г. не было такой обстановки. Коммуна довела Францию до полного отчаяния. Теперь народ готов поддержать любую форму правления, лишь бы был наведен порядок. Вывод один — Коммуна подорвала республиканские устои, стране грозит восстановление империи. Такие демагогические выводы делали умеренные республиканцы, пытаясь вину правительства национальной обороны свалить на Коммуну. Следует сказать, что и в «Дейли ньюс», и в «Дейли телеграф», помимо сообщений постоянных представителей, время от времени печатались и другие, более объективные сведения полученные из Парижа и выражавшие подчас нескрываемое сочувствие к восставшему народу⁶⁵.

В первые дни революции английский парламент занял выжидательную позицию. Члены парламента знали, конечно, о восстании в Париже не только из газет, но и из различных официальных и неофициальных источников. Некоторые регулярно получали самую подробную информацию. Естественно, наиболее информированными

людьми были премьер-министр Гладстон и министр иностранных дел Гренвилль, получавшие ежедневные дипломатические донесения из Парижа от английского посла Лайонса. 20 марта Лайонс сообщал об очень серьезном положении в Париже. Характеризуя первые прокламации ЦК национальной гвардии, он писал: «Они, на мой взгляд, гораздо спокойнее и убедительнее, чем прокламации правительства национальной обороны»⁶⁶. Из слов посла видно, что он отнесся к документам ЦК с большим вниманием, чем журналисты, находившиеся в Париже. Лайонс понимал серьезные цели восставших.

В очередном письме, отправленном в Лондон на имя Гренвиля 30 марта, говорилось: «Коммуна успешно продолжает свое правление...». В этом же письме Лайонс выражал беспокойство, вызванное медлительностью версальского правительства. Они надеются, писал он, «что их (коммунаров. — Н. Е.) социальные мероприятия окажутся слишком социалистическими и это вызовет сопротивление парижан». Сам Лайонс считал необходимым немедленно выступить против Парижа, ибо «рабочий класс... все больше и больше поддерживает Коммуну». Посол не разделял радости Тьера и его приближенных по поводу подавления восстания в Лионе и Марселе, он выражал опасение, что «влияние полной победы революции в Париже на другие города может быть очень серьезным»⁶⁷.

Несмотря на многочисленные сообщения в газетах и посольскую информацию из Парижа, парламент до поры до времени не обсуждал событий на континенте. В конце марта в палате представителей впервые был поднят вопрос о положении во Франции и в связи с этим о внешней политике английского правительства. Политика последовательного нейтралитета, проводимая Гладстоном, вызывала в связи с полным военным поражением Франции и последующими событиями недовольство консервативной партии. Консерваторы обвиняли премьер-министра в неправильном понимании нейтралитета. Англия, считали они, должна была повлиять на Германию, чтобы несколько смягчить предварительные условия мира. В этом слу-

⁶¹ Ibid. ⁶² Ibid., 5 Apr., p. 5.

⁶³ Ibid., 6 Apr., p. 4.

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ См. гл. II.

⁶⁶ Цит. по: *Newton L. Lord Lyons*. London, 1913, vol. 1, p. 377.

⁶⁷ Ibid., p. 380.

чае Франция не оказалась бы в катастрофическом положении.

31 марта в палате представителей выступил член консервативной партии Б. Кокрейн. Критикуя внешнюю политику правительства, Кокрейн призывал к действию. Он считал возможным изменить ход событий. «Париж во Франции, — говорил он. — Париж, Лион и Марсель вместе не представляют Франции». Создавшееся в Европе положение касалось не только континента. «Я поднял этот вопрос, — заявил Б. Кокрейн, — не в связи с Францией или Пруссией, а учитывая интересы Англии»⁶⁸. Успех рабочих французской столицы становился опасным примером для английских пролетариев.

Отвечая главе оппозиционной партии, Гладстон сослался на ситуацию, сложившуюся перед войной, когда многие англичане требовали решительного вмешательства в дела Германии и Франции. Но, говорил премьер-министр, вряд ли вмешательство нейтральной страны предотвратило бы войну. Бывают такие моменты, когда никакое вмешательство извне не остановит процесса⁶⁹. Правительство не намеревалось менять свой внешнеполитический курс.

Политику невмешательства в европейские дела поддерживала и королева Великобритании Виктория. В парижских событиях она видела повторение Великой французской революции. В своем дневнике 8 апреля 1871 г. королева писала: «Коммуна все делает по-своему, и она идет тем же путем, что и в старые дни революции прошлого столетия»⁷⁰. Виктория, естественно, не собиралась признавать Коммуну законным французским правительством. Она вообще считала недопустимым искать какие бы то ни было пути установления даже неофициальных связей с Коммуной. В письме к министру иностранных дел Гренвилю от 14 апреля 1871 г., составленном по ее поручению личным секретарем Понсонби, говорилось: «Я получил приказ королевы передать Вам искреннюю надежду, что правительство не вступит ни в какие связи с лицами, находящимися сейчас у власти

Париже»⁷¹. Королева не хотела видеть английское правительство в роли посредника между Версалем и Коммуной, если бы даже о таком посредничестве пошла речь. Как видно из ответного письма Гренвиля, у министра иностранных дел было по этому поводу иное мнение. Гренвиль, как и Гладстон, поддерживавший Тьера, видимо, намеревался установить неофициальные связи с Коммуной и предпринял в этом направлении некоторые шаги. 14 апреля Гренвиль в письме Понсонби излагал свои взгляды на этот вопрос. По просьбе Тьера он пытался через секретаря английского посольства, остававшегося в Париже весь период Коммуны, наладить «какие-то связи между посольством и повстанцами», он надеялся «на некоторый успех в прекращении кровопролития и восстановлении порядка и авторитета Национального собрания»⁷².

После получения письма за подписью Понсонби, Гренвиль прекратил всякие попытки установить связь с коммунарами, тем более что во втором письме королева через своего секретаря еще раз категорически потребовала «не вступать ни в какие отношения с лицами, правящими сейчас в Париже»⁷³. Исполняя волю королевы, министр иностранных дел в ответном послании все же оговорился: «Было бы, однако, нечестным с моей стороны сказать, что меня окончательно убедили»⁷⁴. Уже позднее, когда были расстреляны в качестве заложников представители парижского духовенства, Гренвиль писал Гладстону: «Выражаю сожаление, что не смог предпринять никаких действий... и что Вы не имели никаких официальных отношений с Коммуной...»⁷⁵.

Гренвиль предпринимал неофициальные дипломатические шаги для организации поддержки и помощи Тьеру европейскими странами или хотя бы для создания общественного мнения в его пользу. Русский посол в Лондоне Ф. И. Бруннов писал 19 апреля 1871 г. А. М. Горчакову о своем «конфиденциальном» разговоре с Гренвилем, касавшемся «признанного главы правительства г-на Тьера», с которым «многие страны установили регуляр-

⁶⁸ Hansard's Parliamentary Debates. 3rd Ser., vol. 205, p. 989.

⁶⁹ Ibid., p. 990.

⁷⁰ The Letters of Queen Victoria. 2nd Ser., vol. 2, p. 126.

⁷¹ Ibid., p. 127. ⁷² Ibid., p. 128. ⁷³ Ibid., p. 129. ⁷⁴ Ibid.

⁷⁵ The Political Correspondence of M-r Gladstone and Lord Granville. 1868—1876, vol. 1. 1868—1871. London, 1952, p. 243.

ные отношения». Министр иностранных дел Великобритании, писал Бруннов, возлагал «большие надежды» на то, что «власть Тьера поддержат»⁷⁶ другие государства.

Тем временем буржуазные газеты Великобритании искали ответ на один из главных вопросов: кто начал революцию 18 марта в Париже? Уже в первых обзорах организатором восстания был назван Интернационал. После успешных выборов в Коммуну против него была начата целенаправленная кампания. Вся печать, консервативная и либеральная, ополчилась против Международного Товарищества Рабочих. 27 марта «Дейли ньюс» писала: «Интернационал, стремящийся создать... социалистическую республику, нашел возможность тайного продолжения войны труда... против капитала»⁷⁷. «Дейли телеграф» прямо называла революцию в Париже «плодом Интернационала». Ее участники, писала газета, — это «кочующие пропагандисты», побывавшие «в различных странах», его документы «выдают не чисто французские мысли и идеи», они «проповедуют всемирную республику, основанную на всеобщем избирательном праве». Франция, говорилось в газете, приняла на себя главный удар и «оказалась лицом к лицу с европейскими ультрадемократами, окопавшимися на время в Париже». Коммуна — детище «ультрадемократов»⁷⁸.

Все эти обвинения получили полное завершение в «Таймс», опубликовавшей 3 апреля статью «Интернационал и Коммуна». В ней приводились выдержки из реакционной французской газеты «Галюа», называвшей руководителем монмартрского восстания «вождя Интернационала Карла Маркса»⁷⁹. Эту версию тотчас же подхватили английская пресса. «Все выражают благодарности „Галюа“, объяснившей читателям, как на самом деле было организовано знаменитое восстание 18 марта», — писал либеральный еженедельник «Грэфик»⁸⁰.

3 апреля К. Маркс направил в редакцию «Таймс» письмо с резким протестом против клеветы, распространенной французской, а вслед за ней и английской прес-

сой. К. Маркс разоблачал всю абсурдность обвинений, предъявленных Интернационалу, который якобы еще в феврале 1871 г. составил заговор против Тьера. «Но взялся ли бы сам барон Мюнхаузен организовать в Лондоне „в начале февраля“, когда г-н Тьер еще не занимал никакого официального поста, „восстание 18 марта“, вызванное попыткой того же г-на Тьера разоружить парижскую национальную гвардию? — писал К. Маркс. — Газета „Gaulois“, не довольствуясь тем, что она отправила гг. Асси и Бланки в вымышленное путешествие в Лондон, чтобы там на тайном совещании они организовали вместе со мной заговор, причисляет к участникам этого совещания еще две вымышленные фигуры — некоего „Бентини, генерального агента для Италии“ и некоего „Дермотта, генерального агента для Англии“»⁸¹.

«Галюа» называла К. Маркса «верховным главой Интернационала», хотя международная организация рабочих давно ликвидировала пост президента. Карл Маркс, по утверждению газеты, был руководителем заговорщиков. Несмотря на заявление К. Маркса, доказавшего явную ложь газетчиков, нападки на Интернационал не прекратились. «Революция 18 марта, — писала консервативная «Палл Мэлл газет» 15 мая, — это прежде всего работа нескольких энергичных членов Международной ассоциации рабочих, мелких служащих и журналистов»⁸².

2 апреля версальцы начали наступление на Париж. Как и раньше, «Таймс» печатала подробности о боях между коммунарами и версальцами. В Англии ждали со дня на день полного разгрома Коммуны, но коммунары сражались мужественно. «Они борются с отчаянием, как люди с петлей на шее». «Похоже, Коммуна черпает силы даже в своем поражении», — писали корреспонденты газеты⁸³.

Коммуна и вся ее деятельность, приведшая Францию, по словам «Таймс», «к краю бездны», должна была, по мнению английской буржуазии, дискредитировать своих собственных революционеров. В статье, напечатанной 10 апреля за подписью «случайный корреспондент», гово-

⁷⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1871 г., д. 67, л. 26.

⁷⁷ The Daily News, 1871, 27 Mar., p. 5.

⁷⁸ The Daily Telegraph, 1871, 28 Mar., p. 5.

⁷⁹ The Times, 1871, 3 Apr., p. 10.

⁸⁰ The Graphic, 1871, 8 Apr., p. 310.

⁸¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17, с. 305.

⁸² The Pall Mall Gazette, 1871, 15 May, p. 5.

⁸³ The Times, 1871, 10 Apr., p. 6; 11 Apr., p. 6.

рилось о «плачевном состоянии» Франции. Париж, писал автор, «являет собой поучительный пример» для всех английских республиканцев. Он наглядно свидетельствует, «к чему приводит осуществление нежизненных теорий». «Случайный корреспондент» предлагал отправить «английских теоретиков» через пролив «для полного излечения», дабы «никогда не слышать об английской Коммуне»⁸⁴.

В апреле «Таймс» уже прямо называла Коммуну властью пролетариата, противостоящего буржуазии. «Теперь в правительстве вместо хозяев будут заседать рабочие, а жизнью наслаждаться не богатые, а бедные», — писала газета. Защищая буржуазный строй, автор оправдывал классовое неравенство, возникшее в процессе развития общества, которое, по его мнению, должно оставаться неизбежным. «В каждом развитом обществе, — писал он, — существует пропасть между производителями и потребителями». Чем больше развито общество, тем больше эта пропасть. «Уничтожить ее можно было бы, лишь вернувшись к истокам исторического развития... когда, ничем не владея, все люди были равны»⁸⁵.

Выражая сожаление по поводу гражданской войны, начавшейся во Франции, журналист всю вину за кровопролитие возлагал на «вождей Коммуны», которые увлекли французский народ, «темный и необразованный», своими красивыми лозунгами. «Бедняки... не имеющие образования, чтобы уважать закон, доведенные до отчаяния пьянством и пережитыми ужасами войны, были оравлены красивыми словами вождей... И этих людей подтолкнули бесцельно проливать кровь», — писал он⁸⁶.

Английская буржуазия боялась влияния Коммуны. Франция не раз играла роль катализатора революционных настроений в Англии. Рабочие митинги, проходившие в апреле в Лондоне и организованные по инициативе I Интернационала и близких к нему рабочих организаций, заставляли вспоминать прошлые французские революции.

Буржуазная пресса искажала идеи Коммуны, показывала преимущества политического строя Англии, его гибкость и прочность. Обращаясь к революции 1848 г., одни

из журналистов писал о пагубном ее влиянии на «английских коммунистов», выступавших тогда под именем «чартистов». Однако, говорил он, революция 1848 г. «подала пример чуть ли не половине городов Европы». В настоящее время положение иное. «Прошедшие годы многому научили английских республиканцев», — писал он. Да и в Европе нет того революционного духа. «Непозволительно даже думать о возмутительном желании революционизировать Англию»; — безапелляционно говорил журналист. Но сравнив Англию с Францией, добавлял: «И все же двадцатый раз революционизируется Париж, имея на это ничуть не больше оснований»⁸⁷. Хотя статья написана с целью уверить английское общество в прочности его положения, страх оказаться безоружными, неподготовленными к таким же потрясениям, какие переживала французская буржуазия, пронизывал всю статью.

Некоторые провинциальные газеты избрали для агитации другой путь. Они упорно продолжали доказывать непопулярность Коммуны, ее полную изоляцию от всего внешнего мира. 11 апреля ливерпульская газета «Ливерпуль меркюри» писала: «Видимо, еще ни одно движение не вызывало так мало сочувствия со стороны тех, кто не принимает в нем участия. Его единодушно все презирают». Среди защитников Коммуны автор редакционной статьи называл «немногих лондонских агитаторов» да «несколько левых республиканцев... рассеянных по Европе». Кроме этих несчастных приверженцев революции, у коммунаров «нет друзей, а их падение будет всеми встречено с огромным удовлетворением»⁸⁸.

Однако уже две недели шло наступление версальских войск на Париж, а Коммуна не сдавалась. В чем был секрет ее успеха? На этот вопрос красноречиво отвечало письмо кадрового английского офицера, побывавшего в эти дни в Париже и Версале. Осмотрев укрепления столицы, он и его два товарища (тоже английские офицеры) пришли к выводу: «Париж можно захватить в два дня». Дело не в военном превосходстве, писал офицер, но нельзя сбрасывать со счетов моральное преимущество, а оно было на стороне Коммуны. «Деморализация нации,

⁸⁷ Ibid., 11 Apr., p. 6.

⁸⁸ The Liverpool Mercury. 1871. 11 Apr., p. 6. B. L. C.

⁸⁴ Ibid., 10 Apr., p. 8.

⁸⁵ Ibid., p. 10.

⁸⁶ Ibid.

задевшая весьма ощутимо и армию, так велика, что результат борьбы предсказать трудно, несмотря ни на что», — говорилось в письме⁸⁹.

18 апреля «Таймс» своеобразно отметила юбилей Коммуны. «Сегодня исполнился месяц со дня победы Коммуны в Париже... 18 марта, или, как его любят называть некоторые революционные газеты, 27 вантоза 79 года, была установлена новая власть, не уничтоженная и по сей день»⁹⁰. Английские политические обозреватели уже не решались делать какие-то более или менее определенные прогнозы, несмотря на обещание Мак-Магона «подавить восстание в столице меньше, чем за месяц»⁹¹. «Таймс» писала: «Существование Коммуны в течение целого месяца является самым удивительным фактом»⁹².

Периодическая печать Англии не переставала публиковать статьи о Коммуне, анализируя ее классовую основу, политические цели, конкретные мероприятия. Некоторые из них давали все же более или менее глубокую и правильную оценку Коммуны. «Она, — писал один из обозревателей «Таймс», — не муниципальный Совет, а слово, принятое для определения революционных основ, господствующих сейчас во Франции». Что это означает? Прежде всего, отвечал журналист, «свободу», но не только «в форме правления», это прежде всего «свобода человека»⁹³.

Целый месяц, продолжал автор свои рассуждения, в Париже была верховная власть — национальная гвардия. Вожди революции сумели убедить народ, что в Париже нет правительства, вернее, что «каждый человек — это правительство». «Мы не перестаем спрашивать себя, — писал автор, — на чем основан этот успех... Вряд ли есть в истории нечто более удивительное, чем сила парижской революции, завоеванная в такой короткий срок и в таких неблагоприятных условиях»⁹⁴. Коммуна успешно выполняла функции государственного аппарата и показала себя способной принимать решения и организовать сильную защиту⁹⁵. Париж поддерживал новую власть и подчинялся только ей.

⁸⁹ The Times, 1871, 17 Apr., p. 10.

⁹⁰ Ibid., 18 Apr., p. 9. ⁹¹ Ibid., 19 Apr., p. 9. ⁹² Ibid. ⁹³ Ibid.

⁹⁴ Ibid.

⁹⁵ Ibid.

Итак, по прошествии месяца газеты уже не скрывали, что население столицы признало Коммуну. 21 апреля Лайонс писал Гренвиллю об опасной ситуации, сложившейся во Франции. По его мнению, некоторые районы страны со дня на день могли выступить в поддержку столицы. Английский посол считал, что Тьер обязан немедленно возвратиться в Париж. «Крупные города юга, — писал Лайонс, — трудно будет удержать в повиновении, если Париж останется в руках восставших»⁹⁶.

Английские правящие круги, поддерживавшие Тьера, боялись, что он потеряет авторитет во всей Франции. Ссылаясь на беседы с министром иностранных дел Великобритании, Бруннов в секретном донесении 21 мая писал: «Каждый проходящий день уменьшает шансы на стабильное положение нынешнего правительства»⁹⁷. Гренвиль тем не менее не изменил своего отношения к главе версальского правительства и надеялся, что после подавления революции именно оно останется у власти. «Тьер — это единственный человек во Франции, который все еще сохранил доверие, завоеванное в течение всего правления», — писал он⁹⁸.

Английская буржуазия с нетерпением ждала победного вступления версальских войск в Париж, но вместе с тем росло беспокойство, как бы армия Тьера не перешла на сторону мужественно сражавшихся коммунаров. «Если армия встретит решительный отпор, — писал парижский корреспондент, — барабаны Коммуны увеличат национальную гвардию еще на несколько тысяч»⁹⁹. Даже злейшие враги пролетариата признавали его мужество и отвагу. «Смелость защитников вызывает симпатии всех классов», — говорил обозреватель «Таймс». 13 мая К. Маркс писал Л. Франкелю и Э. Варлену: «Даже английские буржуазные газеты отказались от своих первоначальных яростных нападок»¹⁰⁰. И позднее, когда бои шли уже в самом городе, на улицах столицы, английские газеты все еще с недоверием относились к заявлениям Тьера о близкой победе версальцев. «Коммуне грозит

⁹⁶ Цит. по: Newton L. Op. cit., vol. 1, p. 382.

⁹⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1871 г., д. 67, л. 87.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ The Times, 1871, 19 May, p. 9.

¹⁰⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 33, с. 189.

гибель, однако до сих пор она не пала. Она все еще стоит, и этим все сказано», — писала «Таймс» 16 мая. «Хотя Коммуна просуществовала всего два месяца, — говорилось дальше, — все мы удивлены, что ее правление продолжалось так долго. Это невероятный факт современной истории»¹⁰¹.

Статьи, напечатанные в майских номерах «Таймс», вновь обращали внимание читателей на международный характер Коммуны. «Многие революционеры разных наций подняли оружие в помощь делу, имевшему, по моему мнению, всеобщее значение», — говорилось в газете. Пока что борьба шла во Франции, но при благоприятных условиях она могла бы вспыхнуть где угодно. «Коммунисты будут бороться в любом случае и против любого правительства из Бельгии или иного места...»¹⁰² Во Франции решалась дальнейшая судьба всей Европы.

В эти дни началась новая атака на Интернационал. Поводом послужил слом Вандомской колонны. «Этот акт вандализма... совершен во имя интернационального братства», — писала «Таймс»¹⁰³. Центральный комитет национальной гвардии изображался «частью европейской организации», а «большое число иностранцев», участвовавших в восстании, доказывало «космополитический характер движения»¹⁰⁴.

Лондонской «Таймс» вторил еженедельник Нортгемптона — «Нортгемптон геральд», опубликовавший позднее 17 июня, статью «Кампания против современного общества». Уже после падения Коммуны, писал автор, стало известно о «существовании обширной конспиративной организации», действовавшей давно и образованной с целью «постоянного ведения войн против принципов современного общества». Ее требования — «атеизм» и «республиканизм», ее главный враг — «капитализм». Ее методы — «самые отчаянные преступления». Этими идеями «начинаются головы наиболее многочисленного класса всех европейских наций.

«Доктрины коммунизма, — продолжал еженедельник, — особенно широко распространились во Франции. Они рас-

спатили все общество, и только благодаря многочисленным жертвам и смелости регулярной армии, набранной в малоиспорченной глухой сельской местности, Франция была спасена»¹⁰⁵.

30 мая в передовой газете «Таймс» говорилось: «Сейчас во Франции очень любят изображать Париж жертвой Международной демократической ассоциации»¹⁰⁶. Он-де заплатил за европейский эксперимент»¹⁰⁷. Без тени сомнения «Таймс» объявляла Интернационал организатором восстания. «Инстинкт Интернационала, — говорилось в газете, — привел его именно во Францию». Почему? Статья давала ответ на поставленный вопрос: «Видимо, потому, что это была единственная страна, где его (т. е. Интернационала. — Н. Е.) козни могли иметь шанс на успех»¹⁰⁸.

Разжигая ненависть к Интернационалу, газеты раздували и антифранцузские настроения. Особенно усердствовала «Дейли телеграф». Она с начала восстания в Париже стала одним из центров воинствующего национализма. «Мы наблюдаем не нацию, сознающую свои цели и пробуждающуюся силу, а Вальпургиеву ночь, страсть, исступление. Это не история, а истерия», — писал один из ее корреспондентов¹⁰⁹.

Защитники буржуазных порядков, не жалея красок, представляли английский политический строй и «удивительную конституцию», с ее давними и устоявшимися традициями разумности, терпимости и социального компромисса, верхом совершенства¹¹⁰. Еженедельник «Оксфорд андергрэдьюэйт джорнал» считал самой большой ошибкой сравнение двух наций: французов и англичан. «Между ними нет ничего общего», и последние события лишь раз подтвердили это. Еженедельник напоминал читателям о традиционной «системе самоуправления», возникшей с давних пор «по эту сторону пролива», тогда как Франция показала себя «совершенно неспособной к самоуправлению». Если когда-либо встанет вопрос о рес-

¹⁰⁵ The Northampton Herald, 1871, 17 Jun., p. 5. В. Л. С.

¹⁰⁶ Имеется в виду Интернационал.

¹⁰⁷ The Times, 1871, 30 May, p. 5.

¹⁰⁸ Ibid.

¹⁰⁹ The Daily Telegraph, 1871, 5 Apr., p. 4.

¹¹⁰ Ibid., 6 Apr., p. 4.

¹⁰¹ The Times, 1871, 16 May, p. 9.

¹⁰² Ibid., 23 May, p. 9. ¹⁰³ Ibid., 18 May, p. 9.

¹⁰⁴ Ibid., 30 May

p. 5.

публике, писал автор статьи, то где как не в Англии уже сейчас заложен «более основательный фундамент для нее»¹¹¹.

В таком же ключе была написана статья «Германия и Париж», опубликованная в журнале «Сэтердей ревю». «Есть что-то магическое в слове Париж,— говорилось в статье,— этот город гипнотизирует и будоражит Европу». Все признают «Париж сердцем Франции», а Франция во все времена считалась «вождем европейской демократии». Этим заблуждениям положила конец Германия. «Она разоблачила одну за другой выдумки о Франции» и теперь уничтожила последнюю. Все считали революцию в Париже «чем-то исключительным, связанным якобы с будущим всего человечества». Англия тоже поверила «в этот миф». Германия, писал журналист, «оказала неограниченную услугу Европе... она сняла у многих пелену с глаз и показала, что влияние Франции очень сильно преувеличено»¹¹².

Подчеркивая разницу между французской и английской нацией, между парижскими «мятежниками» и лондонской «толпой», газеты преследовали одну цель — доказать беспочвенность «французских идей» в Англии. Назойливое навязывание таких мыслей приводило как раз к противоположным выводам. Недаром бельгийская газета «Нор» писала: «Не следует скрывать, что влияние континентальных теорий проникло в рабочую среду больших городов Англии и захватило тред-юнионы. Их деятельность в настоящее время абсолютно несовместима с главными принципами жизни английского общества»¹¹³.

Об этом же писала газета «Итали», издававшаяся в Брюсселе. Автор статьи «Социализм и Англия», опубликованной 22 апреля 1871 г., называл Британию первой после Франции, страной, «подверженной социалистическому злу». «Не без основания,— говорилось в статье,— английское правительство так явно обеспокоено событиями, происходящими во Франции»¹¹⁴.

¹¹¹ The Oxford Undergraduate's Journal, 1871, 8 Jun., p. 1097—1098 V. L. C.

¹¹² The Saturday Review, 1871, 8 Apr., p. 421.

¹¹³ Le Nord, 1871, 29 Mar.

¹¹⁴ L'Italie, 1871, 22 Apr.

Правительство Великобритании действительно серьезно опасалось влияния парижских событий. Это подтверждает деятельность министерства внутренних дел, подготовившего в конце июня 1871 г. доклад с анализом работы тред-юнионов.

По поручению министра внутренних дел Бруса, писал в очередном донесении Горчакову русский посол Брунов, была составлена «специальная анкета», в которой «показано, во скольких случаях коммунистические доктрины континента оказывали влияние на рабочий класс столицы и индустриальные области Англии». Результаты исследования несколько успокоили кабинет министров, обсуждавший доклад Бруса. Но выводы делались только в расчете на национальные чувства английских рабочих. «До сегодняшнего дня,— говорилось в докладе,— Англию спасало всегдашнее отвращение к иностранцам»¹¹⁵.

Буржуазия всей Европы с напряженным вниманием следила за вступлением версальских войск в Париж и ждала полного разгрома Коммуны. Никто не попытался вмешаться. Но когда начались массовые расстрелы участников революции и мирных жителей, английское общественное мнение стало выражать свое недовольство и даже возмущение. Газеты пестрили сообщениями о беспощадных расправах. «Коммунаров, найденных в домах, немедленно убивают»,— рассказывал очевидец событий. Парижане, «должно быть, пришли в полное отчаяние от жестокости версальцев, убивающих каждого, пойманного с оружием в руках»,— писала «Таймс»¹¹⁶. Газета сообщала о массовых казнях не только активных участников революции, но и мирных жителей. «Тела мужчин и даже женщины, расстрелянных после захвата (Парижа.— Н. Е.), лежат недалеко от бульваров и главных улиц города»¹¹⁷. Такого кровавого финала не ожидали в Англии. «Коммунары,— писал один из парижских корреспондентов,— не намного хуже, чем их противники»¹¹⁸.

«Пэлл Мэлл газет» в статье «Деморализация победы», опубликованной 29 мая, не решилась оправдать

¹¹⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1871 г., д. 68, Annexe 1, л. 180.

¹¹⁶ The Times, 1871, 27 May, p. 12.

¹¹⁷ Ibid.

¹¹⁸ Ibid., 29 May, p. 9.

зверства версальцев и высказала свое отрицательное отношение к методам подавления восстания. Чтобы читатель не принял автора за сторонника Коммуны, он постарался объяснить свое отношение и к «инсургентам», и к версальцам. Журналист был убежденным противником первых и не поддерживал политических целей Коммуны, а методы их осуществления называл «безрассудными» и «фанатичными». Правительство Тьера автор статьи считал «единственным законным правительством Франции». Он не «обвинял» его в «преступлении», а «сокрушался по поводу «форм подавления восстания», называя их «ошибочными». «Ошибки друзей, — говорилось в статье, — более огорчительны, чем ошибки врагов». И все-таки эти «ошибки» автор признал «роковыми» и очень серьезными. «Если бы мы были сторонниками Коммуны, — писал он, — мы бы с удовлетворением приветствовали каждый шаг варварства, совершенного версальскими войсками». Расправы, чинимые Тьером в Париже, представлялись журналисту ужасными и бессмысленными, они бросали зловещую тень на будущее Франции. Заметка кончалась осуждением версальского правительства и его главы: «Поймут нас или нет, мы не можем оставаться немыми наблюдателями войны, ведущейся таким путем», — писала газета ¹¹⁹.

Даже «Дейли ньюс», во всем поддерживавшая Тьера, резко изменила свое отношение к Версалу после вторжения регулярных войск в Париж. 12 апреля газета писала: «Каждый день приносит свою порцию убитых людей. может, и не лучших членов общества, но людей». Корреспонденты обвиняли Тьера в нежелании уладить конфликт мирными средствами. Следовало прислушаться к требованиям Коммуны, говорила газета, обещать и дать Парижу самоуправление, не доводить до военных столкновений и кровопролития. Во всяком случае, результатом «этой прискорбной борьбы» должно быть предоставление крупным индустриальным центрам, особенно Парижу, некоторых муниципальных прав, «которыми давно пользуются города Англии» ¹²⁰. Уместно вспомнить, как еще в марте, неделю спустя после начала революции

«Дейли ньюс» призывала читателей «не быть слишком щепетильными» в оценке версальского правительства, если оно вынуждено будет применить крайние меры, «необходимые для подавления восстания» ¹²¹. «Дейли ньюс» не предполагала тогда, сколь жестокими будут эти «необходимые меры»!

Консервативная печать в майские дни, ссылаясь на последние события в Париже, требовала навести строгие порядки у себя дома. Она обвиняла правительство в излишнем либерализме, в политике «заигрывания с рабочими», что привело к росту республиканских клубов и различных рабочих объединений. Действия всех этих общественных организаций доказывали усиление влияния идей коммунаров на английский пролетариат, попытку копировать политику Парижской Коммуны в Англии.

Журнал «Сэттердей ревю» писал по этому поводу: «Коммуна... означает власть столичной толпы над нацией и ее представителями. Лига земли и труда (английское отделение Международной демократической ассоциации ¹²²) и, видимо, республиканский клуб пробуют осуществить то же самое... — контроль над политикой правительства и заседаниями парламента» ¹²³.

27 мая Лондон узнал о расстреле коммунарами заложников, в том числе парижского архиепископа. Эта новость была использована для оправдания бесчинств версальских войск. «Ярость разжигает ярость, ненависть увеличивает ненависть», — писала «Таймс». Она внушала читателям, что коммунары своими действиями, особенно расстрелом заложников, вызвали злодеяния, совершаемые по приказу «законного правительства».

Как известно, в последние дни сражений Париж был охвачен пожарами. В Англию известия доходили сильно преувеличенными, раздутыми лондонскими комментаторами. Создавалось впечатление, что город полностью разрушен. Газеты кричали о слепой мести умирающей Коммуны.

Тем не менее во многих журналах различных направлений появились статьи, дававшие довольно объективную

¹²¹ Ibid., 25 Mar., p. 4.

¹²² Имеется в виду Интернационал.

¹²³ The Saturday Review, 1871, 1 Apr., p. 389.

¹¹⁹ The Pall Mall Gazette, 1871, 29 May, p. 1

¹²⁰ The Daily News, 1871, 12 Apr., p. 4.

оценку как самой Коммуны, так и отдельных ее членов. В качестве примера сошлемся на еженедельный журнал «Экономист», во главе которого в течение 17 лет стоял видный английский экономист Уолтер Бейджот. «Экономист», отражавший взгляды промышленной и банковской буржуазии, имел репутацию серьезного, авторитетного издания. Журнал имел своего представителя в Париже и печатал регулярно его сообщения. Как и вся буржуазная пресса, «Экономист» с первых дней отрицательно относился к Коммуне. Всех ее членов он причислял к Интернационалу. Отождествляя Коммуну с Интернационалом, «Экономист» считал их естественными врагами не только французской, но и английской буржуазии, с которыми надо решительно и беспощадно бороться. Но в те дни, когда французское революционное правительство уже не представляло опасности, «Экономист» не побоялся признать справедливость некоторых требований Коммуны.

Отдавая должное личным качествам коммунаров, корреспондент особенно выделял Журда. Он называл его «министром финансов» и с большим уважением писал о его деятельности. «После того что имело место, — открыто писал корреспондент, — нетрудно быть справедливым к коммунарам... Не перестаю думать, что, если бы французские государственные деятели решились на сотрудничество с такими людьми, как он (Журд. — Н. Е.), если бы они попытались удовлетворить законным путем экономические требования того класса, который эти люди представляли, и выразили бы уважение к их политическим убеждениям, не было бы резни и псжаров, продолжавшихся несколько дней»¹²⁴. Таков был вывод серьезного журнала деловых кругов Великобритании, вывод, типичный для английской буржуазии, всегда готовой пойти на компромиссы с частью рабочего класса.

В таком же тоне был написан ряд статей в либеральных газетах и журналах. Теперь, когда Коммуна доживала последние часы, они позволяли себе некоторые объективные оценки. 27 мая в статье «Падение Коммуны», опубликованной в журнале «Сэттердей ревю», говорилось: «Как оказалось, новое правительство не так плохо руководило... Оно сохраняло относительный общественный

порядок и считалось с иностранцами... Значительная часть общественного мнения Парижа действительно была на стороне этого правительства»¹²⁵. Отдавая должное Коммуне, автор хотел показать существенную разницу между французским рабочим классом и английским. По его мнению, пролетариат мог победить лишь во Франции. «Между Коммуной и английской чернью очень мало общего, разве что обе представляют самые низшие классы общества, терроризирующие высшие классы», — писал он. К счастью для Англии, «ее чернь, если и собирается толпой, то не имеет никаких определенных целей... и у нее не бывает намерения стрелять»¹²⁶. Вывод напрашивался сам собой: Коммуна — чисто французское явление, и в Англии ничего подобного произойти не могло.

Не впадая в преувеличение, можно смело сказать, что весь период существования Коммуны англичане самым внимательным образом следили за событиями во Франции. Это отмечали и сами очевидцы событий. Газета «Оксфорд андергрэдьюэйт джорнал» в заметке под безобидным названием «Крикет» образно показала, какое место французские события занимали в жизни английского общества. Для большей убедительности автор провел параллель между революцией 18 марта и Великой французской революцией конца XVIII в. Просматривая газеты прошлых лет о революционных событиях во Франции, говорилось в статье, «иногда приходилось удивляться, оставалось ли время у наших предшественников для выполнения обычной, ежедневной работы». Газеты прошлых лет были насыщены французскими сюжетами, и создавалось впечатление, что «вся жизнь в Англии замерла, остановился транспорт, взоры всех были прикованы к Парижу, слух так напряжен, словно можно было уловить шум далекого, жуткого шторма». Еще недавно автор, как и многие его современники, не верил, что Французская революция 1789 г. могла занимать такое большое место в жизни Британских островов. «Только пережив не менее ужасную революцию», писал автор статьи, имея в виду недавние события, он по-другому воспринял описания прошлых лет. Он понимал теперь, почему «половина ста-

¹²⁴ The Economist, 1871, 27 May, p. 687—688.

¹²⁵ The Saturday Review, 1871, 27 May, p. 649.

¹²⁶ Ibid.

тей была посвящена страшным событиям последних дней». Его удивляло другое: как могли газеты «вторую половину посвящать обыкновенным вещам и радостям мирной жизни»¹²⁷.

Информация о событиях во Франции действительно занимала добрую половину периодических изданий. Борьба французских рабочих освещалась и комментировалась подробнейшим образом не только в политических журналах. Сохранился богатейший иллюстративный материал, созданный английскими художниками. Ведущие иллюстрированные журналы — консервативные «Иллюстрированный Лондон ньюс» и сатирический «Панч», либеральный «Грэфик» — отдали дань злому историческому событию¹²⁸.

Материалы еженедельника «Иллюстрированный Лондон ньюс» могут служить наглядным дополнением к газете «Таймс». «Специальным художником» журнала и парижским комментатором был довольно известный путешественник Уильям Симпсон, проживший во Франции весь период франко-прусской войны до падения Парижской Коммуны. Кроме его работ, журнал с марта по июль 1871 г. помещал иллюстрации других художников. Среди них были как англичане, так и французы. К сожалению, редакция почти никогда не указывала имя художника, многие рисунки остались анонимными.

Рисунки «Иллюстрированного Лондон ньюс» наглядно показывают смену настроений английского буржуазного общества по отношению к Коммуне. Названия первых иллюстраций говорят сами за себя: «Бегство коммунаров с моста Нейи», «Бегство коммунаров у Нантена» и т. д. Коммунары на этих иллюстрациях изображались трусами в растерянности убегающими от храбрых солдат регулярной армии. Постепенно изменились и иллюстрации, и названия. 15 апреля на целый лист журнал помещал гравюру, изображающую исторический момент провоз-

вещения Коммуны с надписью «Коммуна в Париже»¹³⁰. Неизвестный художник живс передал атмосферу ликования парижского народа, собравшегося на площади. На переднем плане — национальные гвардейцы, приветствующие долгожданное избрание парижского муниципального совета. Они подняли на штыки кепи, повсюду развеваются флаги батальонов. На трибуне у здания ратуши стоят все члены Коммуны. Их лица торжественно-серьезны. Картина нарисована весьма реалистично, без какого бы то ни было оттенка иронии или насмешки. Но это не означало, что «Иллюстрированный Лондон ньюс» изменил свое отношение к участникам революции. Напротив, журнал оставался на прежних непримиримых позициях. 3 июня политический обозреватель журнала писал: «Мы не прощаем пощады для спасшихся коммунаров, если таковые будут. Наоборот, мы ждем наказания бандитских орда. Они терроризировали город, поджигали здания, убивали людей». Автор статьи требовал наказания и для женщин — «таких же жестоких, как мужья»¹³¹.

Несмотря на подобные заявления, рисунки, полученные из Франции, вызывали невольное сочувствие к сражавшимся. Этого, видимо, опасался У. Симпсон. Он сопровождал некоторые свои зарисовки подробными комментариями, разъяснявшими их, особенно работы периода наступления версальских войск на столицу. Примером может служить гравюра У. Симпсона «Снаряд в Сюре-ле-Валье». Художник изобразил разрушение бедного жилища мирных сельских жителей, оставшихся после взрыва без крова. В пояснительном тексте, написанном самим автором гравюры, говорилось, что виновниками бедствия были «мятежники».

Позже У. Симпсон, став очевидцем массовых расстрелов в Париже, изменил свое отношение и к повстанцам, к версальцам. С такой же силой реалистичности, с какой он в первых картинах изображал «жестокость» и «бессердечность» «мятежников», рисовал Симпсон картины расправы солдат Тьера с восставшим народом.

После разгрома Коммуны У. Симпсон с несколькими другими художниками посетил тюрьму Ла Рокетт. Ре-

¹²⁷ The Oxford Undergraduate's Journal, 1871, 1 Jun., p. 1077. В. Л.

¹²⁸ Работа английских художников в дни Коммуны интересно описана в книге В. Бродского (Художники Парижской Коммуны, М., 1970), в которой несколько страниц отведены разбору и анализу иллюстрированных журналов Англии.

¹²⁹ The Illustrated London News, 1871, 1 Apr., p. 329.

¹³⁰ Ibid., 15 Apr., p. 358.

¹³¹ Ibid., 3 Jun., p. 589.

¹³² Ibid. 29 Apr. p. 413

зультатом посещения были две иллюстрации: «Перед тюрьмой Ла Рокетт» и «В тюрьме Ла Рокетт». Первая изображала площадь перед зданием тюрьмы. Ворота открывают солдаты. Перед ними на земле корзина. Женщина с маленьким ребенком опускает в нее письмо. На втором плане под деревьями на земле сидят плачущие парижанки, измученные и усталые от перенесенного горя. Гравюра называется «Письма для заключенных». Вторая гравюра как бы подчеркивала безнадежность первой. Двор тюрьмы. У стены — груда тел. Они небрежно свалены друг на друга. В письме У. Симпсон рассказывал: «В южной стороне внутреннего тюремного садика мы нашли большую груду тел... Их было около двух тысяч... Было больно видеть в этой массе убитых седых и совсем лысых стариков»¹³³. Жестокость версальцев была так чудовищна, что даже противники Коммуны не могли умолчать о ней. Ф. умолчал и У. Симпсон.

В майском номере «Иллюстрейтед Лондон Ньюс» была напечатана гравюра неизвестного художника «Конец Коммуны». На ней изображена молодая женщина. Её натруженные рабочие руки связаны веревкой. «Поджигательницу» ведут на расправу. Толпа сочувственно смотрит на женщину. Ее глаза, полные тоски и безнадежности, не могли не вызывать сострадания. Не могли читтели журнала оставаться равнодушными при виде таких рисунков. Те же чувства вызывали гравюры «Пожар ратуше» и особенно «Расстрел пленных в Люксембургском саду»¹³⁴.

Документальные свидетельства журнала, зарисовки природы, с места действий, оказывали определенное положительное влияние на общественное мнение Англии, способствовавшее в конечном счете благоприятному завершению борьбы за права эмигрантов.

Сатирический еженедельник «Панч» тоже уделял Коммуне внимание. Регулярно (начиная с 1 апреля) журнал помещал выразительные рисунки и карикатуры антиреволюционного содержания. На рисунке, напечатанном 1 апреля, была изображена Франция в виде молодой женщины, схваченной двумя бандитами в форме национальных гвардейцев. Их лица искажены злобой и ненавистью.

¹³³ Ibid., 17 Jun., p. 595.¹³⁴ Ibid., 10 Jun., p. 568.

вистью. Под рисунком подпись: «Национальные (черные) гвардейцы. Париж: убийство! Воры! На помощь!»¹³⁵.

Через неделю «Панч» поместил правоучительную картину, изображавшую превосходство Англии над Францией. Британия в образе гордой молодой женщины держит за шиворот маленького, жалкого тщедушного человека. На голове у него смятый и обвисший фригийский колпак. В одной руке молоток, в другой — свиток с надписью «Республиканизм». Британия показывает назад, где в тумане видна схватка национальных гвардейцев с регулярной армией. Подпись: «Британия: — Ты хочешь тоже же, маленький идиот?»¹³⁶.

Нет надобности пересказывать все иллюстрации журнала. Отношение его к событиям во Франции ясно даже из этих двух, а с апреля по июнь почти в каждом номере был рисунок, посвященный Коммуне или событиям, связанным с ней. Остановимся еще только на одной карикатуре. После разгрома Коммуны во всех периодических изданиях звучал один настойчивый вопрос: что ожидает Францию в ближайшем будущем? Ответил на этот вопрос и «Панч». 7 июня на развернутом листе читатели увидели мрачную картину растерзанной Франции. В центре рисунка — распростертая на земле, плачущая женщина распущенными волосами, в разорванном платье. Рядом с ней разбитая корона. Францию клюют слетевшие орлы — «империализм», «монархизм», «республиканизм», «бурбонизм». Рисунок называется «Труп и орлы». Так представлял английский сатирический журнал положение Франции. До этого она была доведена, по мнению «Панча», неправильной внутренней политикой всех предыдущих правительств. Английской буржуазии следовало извлечь урок и не повторить ошибок Франции.

Либеральная пресса также имела свой иллюстрированный еженедельник «График». Специальным корреспондентом журнала в период франко-прусской войны был известный английский иллюстратор Сидни Холл, сделавший немало интересных зарисовок военных действий. К сожалению, мы не можем точно сказать, какие рисунки

¹³⁵ The Punch 1871, 1 Apr. Игра слов: «blackguard» — хулиган, гадит

¹³⁶ Ibid

из эпохи Коммуны принадлежат С. Холлу. «Грэфик», как и все иллюстрированные издания, лишь за редким исключением указывал имя художника. Ряд иллюстраций периода революции подписан инициалами Н. Х., несколько гравюр сделаны Артуром Бойд Хоуптоном, есть рисунки У. Симпсона. Кроме того, «Грэфик» часто помещал работы французских художников. Иллюстрации журнала сопровождались развернутыми объяснениями, представлявшими небольшие, но красочные описания отдельных эпизодов парижской жизни в период Коммуны.

Первые иллюстрации, как и в журнале «Иллюстрированный Лондон ньюс», отличались резко отрицательным и порой ироническим отношением к революции. С середины апреля они стали правдивей, а некоторые передавали откровенное сочувствие простым, сильным и мужественным людям, борющимся за свои права и свободу. Особенно это относится к рисункам периода «кровавой недели». Такова, например, гравюра «За баррикадами»¹³⁷, где изображены парижские женщины, принесшие еду защитникам города. Лица коммунаров, особенно женские, полны внутренней силы. В описании картины говорилось: «Женщины всегда играли большую роль в парижских революциях... Поведение парижанок во время осады¹³⁸ выше всяких похвал»¹³⁹.

В этом же плане сделана гравюра А. Бойд Хоуптона «Парижский плембс. Баррикада в Париже»¹⁴⁰. На возвышении стоит рабочий со знаменем. Его благородный и мужественный взгляд устремлен вперед, он призывает к борьбе. Художник сумел передать настроение восставшего народа, его отвагу и решимость.

Сильное впечатление производит рисунок, подписанный инициалами Р. М., «Расстрел поджигательницы»¹⁴¹. Настроение окружающей толпы, фигура самой жертвы говорят о ее невиновности и передают сочувствие к ней художника.

Иллюстрированные английские журналы, прежде всего «Грэфик», своими рисунками, большей частью с натура, развенчивали миф о «бандитах и хулиганах», сви-

¹³⁷ The Graphic, 1871, 15 Apr., p. 351.

¹³⁸ Имеется в виду вторая, «французская» осада Парижа.

¹³⁹ The Graphic, 15 Apr., p. 351. ¹⁴⁰ Ibid., 10 Jun. ¹⁴¹ Ibid.

репствовавших в Париже. И в этом отношении они сыграли, особенно в последние дни существования Коммуны, безусловно положительную роль.

Помимо наглядного материала, журнал печатал детальные обзоры, письма художников и корреспонденции, объединенные общим заглавием «Хроника». Большой интерес представляют статьи с анализом деятельности Коммуны. Как и другие либеральные газеты, еженедельник не поддерживал и не оправдывал Коммуну. Он ждал ее разгрома и осуждал политику Тьера. В Коммуне «Грэфик» видел непримиримую классовую борьбу пролетариата за политические и социальные права. Авторы корреспонденций сравнивали революцию 18 марта с пре-

дыдущими французскими революциями. Один из них писал: «Цели красных 1793 г. были скорее политическими, чем социальными», это была борьба с абсолютной властью «они хотели ее уничтожить по всей Европе». Цели современных революционеров «глубже, их симпатии скорее на стороне Бабефа, чем Дантона. Они осознали, что политические изменения мало дадут, если социальная основа остается неизменной». Цель современной революции автор статьи видел в уничтожении собственности. Красные с презрением смотрят на американскую демократию, поскольку личная собственность там занимает такое же место, как и в монархической Англии». По мнению журналиста, Коммуна хотела создать общество, где «не будет бедных, ни богатых... заставить трудиться всех»¹⁴².

Еженедельник считал такие идеи неосуществимыми и говоря словами «всех собственников», «абсурдными и несправедливыми». Но трезво сценивая борьбу с классовых позиций, журнал признавал, что идеи Коммуны «привлекают пристальное внимание тех классов, чей труд создает богатство их панимателей во всех цивилизованных странах»¹⁴³.

После разгрома Коммуны английская буржуазная пресса в течение еще долгого времени анализировала последние события в Париже. Ей хотелось вскрыть причины революции, чтобы искоренить все возможные источники подобного движения у себя дома. 1 июня «Пэлл Мал газет» напечатала статью «Уроки Коммуны». Написанная по свежим следам, она призывала к внимательному изучению всех классов общества в Великобритании, чтобы определить, «есть ли у нас классы, способные убивать друг друга». Автор критиковал «обе могущественные политические партии» за неправильное отношение к рабочим. Им не надо давать никаких свобод, говорилось в заметке. Лондонский пролетариат ничуть не лучше парижского. Следует трезво оценивать силы английского рабочего класса и его положение в стране. «Урок последнего ужасного взрыва во французской истории должен быть серьезно изучен. Здесь, в Англии, надо научиться говорить правду о классах». По мнению журналиста, рабочий класс Британии находился в особых условиях. Все

делали, заискивали перед ним, давали полную волю. Он единственный класс, «не подвергающийся в настоящее время критике», писала газета¹⁴⁴.

Острые борьбы было снова и еще решительней направлено против Интернационала. А после выхода в свет работы Маркса «Гражданская война во Франции» началась настоящая травля Международного Товарищества Рабочих. Во втором номере либерального журнала «Куортерли ревью» за 1871 г. была напечатана статья «Коммуна и Интернационал». Ее анонимный автор предлагал досконально изучить только что окончившуюся революцию. Она, по его словам, была закономерным итогом развития революционной эпохи в истории Франции. «История Коммуны», — писал он, — ее происхождение, ее судьба не являются изолированным эпизодом в революционных анналах Франции»¹⁴⁵.

Но не только для понимания французской истории следовало знать истоки Коммуны. Это требовалось для лучшего понимания дальнейших путей развития английского общества, так как революции на континенте всегда оказывали большое влияние на политическую жизнь Великобритании. «Английские политики, — говорилось в статье, — всегда были особенно восприимчивы к иностранным влияниям. Любой крупный классовый конфликт или политический спор на континенте вызывал немедленно эхо здесь. Наши тревоги и даже настоящие драмы обычно являлись переводом с французского»¹⁴⁶. Только что происшедшие события были намного опасней всех предшествующих, они вышли за рамки национальной борьбы и национальных интересов. Вдохнителем революции статья называла Интернационал и предостерегала читателей от его возможных выступлений в будущем.

Интернационал, писал автор статьи, «не признает национальных границ, препятствующих его действиям. Он стремится создать союз рабочих всех стран против эксплуататоров всех стран. Он обесценивает патриотизм как чувство, относящееся к старому порядку, и как тенденцию, уменьшающую чисто классовые интересы»¹⁴⁷. Ком-

¹⁴² The Graphic, 1871, 1 Apr., p. 286. ¹⁴³ Ibid.

¹⁴⁴ The Pall Mall Gazette, 1871, 1 Jun., p. 1.

¹⁴⁵ The Quarterly Review, London, 1871, vol. 131, p. 550.

¹⁴⁶ Ibid. ¹⁴⁷ Ibid.

муна, «детище Интернационала», ясно продемонстрировала дух международной солидарности трудящихся. В ней были представлены «все нации: немцы, поляки, итальянцы, русские, американцы. Они были и ее членами, и ее офицерами»¹⁴⁸. Показав перед всей Европой международный характер движения, Коммуна издала и осуществила декрет о разрушении Вандомской колонны. Статья высмеивала тех, кто считал целью Парижской Коммуны только завоевание муниципальных прав. «Перечислив муниципальные права, — говорилось в ней, — можно сказать, что за них люди не будут умирать и не будут убивать своих соседей»¹⁴⁹.

Журнал видел в Коммуне нечто более серьезное: это правительство рабочих, возникшее в результате борьбы буржуазией под руководством Интернационала. Его цель — социализм. «Движение парижских социалистов всю работу Интернационала направляет комитет, обособившийся в Лондоне», — писал автор статьи. Между Интернационалом и Коммуной он ставил знак равенства. Подтверждением их идейной близости служило только что опубликованное воззвание «Гражданская война в Франции». «Бесполезно увеличивать доказательства того, что цели Интернационала и Коммуны одинаковы. Мы, — писал автор статьи, — воздержимся поэтому от цитирования страстного воззвания, изданного Интернационалом сразу после падения Коммуны. Оно защищает ее самые ужасные преступления и воспекает социалистические идеалы»¹⁵⁰. Что это означает? «Передача земли труженикам без продажи, присвоение капитала, который они никогда не накапливали, захват машин и других орудий труда безвозмездно»¹⁵¹. Все эти требования служили доказательством близости идей, провозглашенных Интернационалом и осуществляемых Коммуной. Особенно болезненное негодование вызывало у автора статьи отношение Коммуны и Интернационала к религии. В падении религиозных устоев во Франции он видел одну из главных причин революций, проходивших в последние 80 лет

Подведя читателя к тождеству целей Коммуны и Интернационала, автор делал оптимистический прогноз в отношении Англии. Он был уверен в невозможности повторения

этих страшных событий у себя на родине. И все же возникали тревожные вопросы: а вдруг нечто подобное произойдет в Англии? А может быть, английские социалисты смогут поднять рабочих на такую же политическую борьбу? Среди известных деятелей, проповедовавших идеи, близкие к Коммуне и Интернационалу, автор называл буржуазного экономиста Дж. С. Милля, юриста и публициста Ф. Гarrisона, редактора либерального журнала «Фортнайтли ревю» Дж. Морли и др. Никто из них никогда не был членом Интернационала, но действительно все в той или иной степени выступали в защиту Коммуны. Сильно преувеличивая революционность их деятельности, журналист высказывал опасения, как бы они не увлекли рабочих на выступления против правительства.

В эти дни посол Российской империи писал в Петербург о своем последнем свидании с министром иностранных дел Англии, во время которого Гренвиль сказал Бруннову, что королева Великобритании «настаивает на серьезном изучении вопроса... о предохранении цивилизованного мира от опасности пропаганды социалистических и коммунистических доктрин, которые являются настоящим злом и стыдом нашей эпохи». В разрешении этой проблемы, писал Бруннов, «заинтересована вся Европа», и «все государства, которые хотят поддержать порядок и мир, должны и могут сделать все для прекращения распространения опасных идей»¹⁵².

Таково было мнение правительственных кругов Англии, которое и нашло отражение на страницах периодических изданий.

Либеральный журнал «Контемпорери ревю» выразил свое отношение к только что разбитой Коммуне публикацией статьи итальянского революционера, буржуазного республиканца Дж. Мадзини, находившегося в лондонской эмиграции. Статья «Коммуна в Париже» свидетельствовала о резко отрицательном отношении автора, а следовательно, и журнала к парижской революции. Статья эта чрезвычайно характерна для мировоззрения Мадзини. Он выступил не только против самой Коммуны, по существу он зачеркивал все революционное наследие Франции. «Та часть либеральной прессы Европы, — писал он, — которая

¹⁴⁸ Ibid. ¹⁴⁹ Ibid. ¹⁵⁰ Ibid., p. 558. ¹⁵¹ Ibid.

¹⁵² АВВР, ф. Канцелярия, 1871, д. 68, Annex 1, л. 176.

выражает симпатии к Коммуне... повторяет старую ошибку: она значительно преувеличивает важность любой манифестации французского народа и приписывает какую-то исключительность. Я должен выполнить негодарную задачу и уничтожить неясность в понимании действительного значения слова „республика“ и цели, которые мы, республиканцы, ставим перед собой»¹⁵³. Мадзини категорически отрицал, что Коммуна — это республика. Причисляя себя к республиканским апостолам, он направлял свое красноречие на критику восставших. Их цели, говорил он, «противоречат лучшим традициям как Франции, так и Европы». Мадзини обвинял коммунаров «в фальшивом толковании республиканских идей»¹⁵⁴. Неправильное понимание и даже искажение республиканских идей, продолжал Мадзини, принесет большой вред, например, Италии с «ее фатальной тенденцией к иностранному подражанию». Коммуна выдвинула лозунг децентрализации, что означало «разрушение нации», в то время как в Италии «идея объединения остается священной»¹⁵⁵. Мадзини призывал критиков Коммуну «во всеуслышание», поскольку она нанесла непоправимый ущерб республиканцам и они должны были теперь спасти свое дело от гибели»¹⁵⁶.

Выступления известного итальянского революционера против Коммуны получили решительный отпор со стороны членов Интернационала. На заседании Генерального Совета 6 июня К. Маркс сказал о нем: Мадзини «всегда был противником рабочего движения... Мадзини с его старомодным республиканизмом ничего не понял и ничего не совершил. Своими призывами к национализму он привел Италию к военному деспотизму. Для него государство, как абстрактное понятие, является всем, а общество, которое является реальностью, — ничто»¹⁵⁷.

Статьи Дж. Мадзини против Коммуны были одобрены некоторыми английскими республиканцами. Его выступления в печати высоко оценил известный английский поэт Алджернон Суинберн. В 1870 г., после свержения

Наполеона III, А. Суинберн написал восторженную «Оду», посвященную установлению французской республики. В Парижской Коммуне он, как и Мадзини, увидел гибель республики. 14 июня 1871 г. А. Суинберн написал Уильяму Россети английскому писателю и критику: «Видел ли ты последнюю замечательную статью Мадзини о Коммуне и Национальном собрании? На мой взгляд, она прекрасно определяет истинное отношение республиканцев к настоящему положению Франции»¹⁵⁸.

Сам поэт был настроен к коммунарам крайне враждебно. Об этом свидетельствует его письмо к тому же У. М. Россети, написанное несколькими днями раньше. В нем поэт говорил о своей полной солидарности с решением бельгийского правительства выдать французским эмигрантов, если таковые будут в Бельгии, правительству Тьера. А. Суинберн считал вполне справедливым решение судить их как обычных преступников: «Я хотел бы объявить их (коммунаров.— Н. Е.)... не только „вне закона“, а и „вне человечества“... и убивать их как собак»¹⁵⁹.

Буржуазный республиканец А. Суинберн считал, что английский рабочий класс обладал достаточным «здравым смыслом», чтобы не повторить ошибок французского пролетариата. А. Суинберн с восторгом отозвался о статье «Английский республиканизм», опубликованной в либеральном журнале «Фрейзерс мэгэзин» в июне 1871 г. Ее автор, как это характерно для английских журналов, не был указан. Однако А. Суинберн постарался его узнать. В письме к У. М. Россети 14 июня он писал: «Видел ли ты действительно хорошую, спокойную и убедительно написанную статью „Английский республиканизм“ с подзаголовком „рабочий“? Она опубликована в „Фрейзерс“ за этот месяц. Я заставил своего отца прочитать статью, и она ему по-настоящему поразила... Я хотел бы узнать автора. Слышал, будто это Поттер из Оксфорда. Не знаешь ли ты что-либо о его способностях? Эта заметка написана в очень простой и доступной манере с большим здравым смыслом»¹⁶⁰.

Джон Поттер был активным тред-юнионистом. Мелкобуржуазный демократ и республиканец, сторонник Брэд-

¹⁵³ The Contemporary Review, 1871, vol. 17, p. 307.

¹⁵⁴ Ibid., p. 314. ¹⁵⁵ Ibid., p. 315. ¹⁵⁶ Ibid.

¹⁵⁷ Генеральный Совет Первого Интернационала. 1870—1871. Протоколы. М., 1965, с. 149.

¹⁵⁸ The Swinburne Letters. New Haven, 1959, vol. 2, p. 150.

¹⁵⁹ Ibid., p. 150. ¹⁶⁰ Ibid., p. 151.

ло, противник революции, Поттер написал ряд заметок в «Таймс» и «Контемпорери ревю». Статье редактор журнала Джеймс Антони Фроуд предпослал небольшое вступление, где от имени «одной половины общества» квалифицировал заметки Дж. Поттера как «обобщенные чувства и мысли второй половины общества», которые могли дать полное и правильное представление с пониманием рабочего классом Англии монархии, республики и революции. Статья являлась как бы ответом на заявление Гладстона в парламенте о том, что правительство не придает серьезного значения республиканским митингам. Поттер считал это большой ошибкой премьер-министра. По его мнению «в течение многих лет республиканские доктрины распространялись в среде рабочего класса... и стали теперь политическим убеждением 99 из каждой сотни рабочих»¹⁶¹. Не только в столице, но и в других городах митинги происходят время от времени происходят республиканские собрания, и далеко не все они освещаются в прессе. Особо бурные митинги проходят в промышленных городах. Рабочие-республиканцы — противники монархии, но ворилось в статье, но персонально к королеве они питают уважение. Тем не менее, когда речь идет о новых налогах для двора, рабочие выступают с резкими протестами. Правительство Великобритании не хочет видеть этого, но закрывать глаза на настроения рабочего класса — «опасная ошибка».

«Английский республиканизм, — утверждал Поттер, — вырос в большую политическую силу»¹⁶². Вместе с тем он очень отличен от французского. В королевстве Великобритании английские республиканцы, как, впрочем, и сам Поттер, видели «республиканский уклад», поэтому на вопрос «Хотели бы вы начать революцию в этой стране?» рабочий-республиканец, по мнению Поттера, ответил бы: «Только политическую революцию и при условии ее осуществления только политическими методами»¹⁶³. Конечно, всегда находятся экстремисты, но, как правило, ответ бывает именно такой. Английские рабочие не хотят доводить свою страну до такого «состояния, которое мы только что наблюдали во Франции»¹⁶⁴. Автор дела

глубокомысленное заключение: английский рабочий класс «не имеет революционного, т. е. воинствующего, характера», поэтому Англии не грозит революция, но было бы серьезной ошибкой отрицать республиканский дух пролетариата. «Республиканизм практически стал политической верой рабочего класса»¹⁶⁵.

Статья Поттера не случайно была опубликована в либеральном журнале «Фрейзерс мэгэзин». Его редактор Дж. А. Фроуд, как и поэт А. Суинберн, полностью согласился с ее основными положениями. Она хорошо передавала «чувства и мысли», но не рабочих, а английских буржуазных республиканцев.

В литературных кругах Великобритании А. Суинберн был не одинок в отрицательном отношении к Коммуне. Вскоре после разгрома парижской революции начали появляться большие художественные произведения, посвященные этому «необычному явлению». Коммуна была таким «феноменом», который многие не могли обойти молчанием. Известный английский писатель Бульвер-Литтон откликнулся на это событие четырехтомным романом «Парижане», вызвавшим большой интерес. События романа охватывают весь период франко-прусской войны. Изображенные Бульвером французские революционеры вызывают глубокую антипатию. Все они заговорщики, наделенные самыми отрицательными качествами. Они авантюристы, неудачники и даже просто предатели.

Роман остался незавершенным, последние главы, относящиеся как раз к периоду Коммуны, представляют собой отдельные фрагменты. Однако писатель вполне определенно высказал свое отношение к ней. Ее дела он назвал «преступлением и безумием»¹⁶⁶.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что Коммуна привлекла внимание всего английского общества, оно живо интересовалось событиями на континенте. Два месяца все периодические издания Великобритании внимательно следили за ходом революции. Консервативные и либеральные газеты и журналы хором, на все лады ругали парижских рабочих, все средства пропаганды были направлены против Парижской Коммуны.

¹⁶¹ The Fraser's Magazine, 1871, vol. 6, p. 752.

¹⁶² Ibid. ¹⁶³ Ibid., p. 758. ¹⁶⁴ Ibid.

¹⁶⁵ Ibid., p. 760.

¹⁶⁶ Bulwer-Lytton F. The Parisians Boston, 1872, p. 343

АНГЛИЙСКАЯ

ПРОГРЕССИВНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
И
ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

Революция 18 марта 1871 г. в Париже вызвала живой интерес в самых различных слоях английского общества. С большим вниманием и интересом следили за событиями во Франции радикально настроенные круги интеллигенции.

С середины XIX в. в Англии получают распространение республиканские идеи. Новым толчком для их развития послужило установление республики во Франции в сентябре 1870 г. Передовая английская интеллигенция искренне приветствовала это событие и принимала активное участие в движении за признание новой формы правления. Однако провозглашение Коммуны раскололо республиканское движение. Правое крыло поддержало тех, кто клеймил рабочих Франции, с нетерпением ожидая разгрома Коммуны. Левое — выступило в ее защиту.

Республиканское движение в Англии было далеко не однородным. Оно захватило как передовую часть буржуазного общества, так и рабочих. В связи с его ростом встал вопрос об отношении к нему Интернационала. На заседании Генерального Совета 28 марта 1871 г. Ф. Энгельс говорил: «Никакое республиканское движение не может развиваться в Англии, не перерастая в движение рабочего класса, и раз такое движение возникает, то нужно так же знать, как оно будет развиваться дальше. Прежде чем наши идеи могут осуществиться на практике, должна быть установлена республика. Мы должны наблюдать за республиканским движением, и членам Интернационала следует принимать в нем участие, стремясь дать ему нужное направление»¹. К. Маркс, поддерживая Ф. Энгельса, подчеркнул, «что никакое республиканское движе-

ние не может стать серьезной силой, не приобретя социальный характер»².

I Интернационал внимательно следил за всеми собраниями английских рабочих, на которых вставал вопрос о создании республиканских клубов, а они возникали не только в Лондоне, но и по всей стране. На заседании Генерального Совета 28 марта 1871 г. Г. Юнг доложил о посещении делегацией Совета митинга в Веллингтон-мюзик-холле, на котором речь шла о создании центрального республиканского клуба. 18 апреля обсуждался вопрос об отношении к Оксфордскому республиканскому клубу. Из Оксфорда было получено письмо с просьбой прислать документы Интернационала для ознакомления с его основными целями, имея в виду возможное сотрудничество. Было принято решение ответить на письмо и послать необходимые материалы³.

С начала 1871 г. один за другим открываются республиканские клубы в промышленных городах Англии: Ньюкасле, Ноттингеме, Бирмингеме, Ливерпуле, Манчестере и многих других⁴. Их главная цель — просветительская, т. е. ознакомление с республиканскими идеями членов клуба, объединявшего, как правило, буржуазных радикалов и часть наиболее грамотных рабочих.

Особое место в английском республиканском движении занимали позитивисты. Следует сказать несколько слов об этой группе и прежде всего показать сходство и отличие их от французских единомышленников. Как политическое течение позитивизм зародился во Франции. Его основоположником был французский писатель Огюст Конт. К. Маркс резко критиковал политические взгляды Конта и его последователей — горячих сторонников капиталистической собственности: «Конт известен парижским рабочим как пророк режима империи (личной диктатуры) — в политике, капиталистического господства — в политической экономии, иерархии во всех сферах человеческой деятельности, даже в сфере науки...»⁵. На заседании Генерального Совета 31 января 1871 г. Маркс

² Там же, с. 115.

³ Там же, с. 122.

⁴ См.: Rothstein A. Paris Commune — British Witnesses. — Labour Monthly, 1971, Mar., p. 130.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17, с. 560.

¹ Генеральный Совет Первого Интернационала. 1870—1871: Протоколы. М., 1965, с. 114.

говорил, что контисты «защищают компромисс, стремясь сделать систему наемного труда сносной, чтобы увековечить ее»⁶.

Английские позитивисты всячески подчеркивали свою приверженность идеям Огюста Конта, но, несомненно, существенно отличались от своих французских собратьев. Они, особенно в 70-е годы, были выразителями левого крыла республиканцев и не успели еще превратиться в замкнутую касту, скорее напоминавшую религиозную секту, в которую замкнулись их французские единомышленники. Позитивисты в Англии были связаны с тред-юнионами и не отрицали классовой борьбы.

К. Маркс, разъясняя политическую позицию позитивистов, подчеркивал существенную разницу между французскими и английскими приверженцами Конта: «Если его последователи в Англии играют более видную роль, чем его французские последователи, то не в результате того, что они проповедают свои сектантские доктрины, а благодаря своим личным достоинствам и благодаря тому, что их секта приемлет формы пролетарской классовой борьбы, созданные без них, такие, например, как тред-юнионы и стачки в Англии, которые, между прочим, и парижские единоверцы осуждают как ересь»⁷.

В марте — июне 1871 г. многие представители этого течения выступали активными защитниками Коммуны⁸. Но, защищая Коммуну, позитивисты поддерживали только ее буржуазно-демократические требования. Они были противниками «крайних» мер Коммуны, выходящих за рамки буржуазного республиканизма. Это необходимо подчеркнуть, так как в настоящее время в английской исторической литературе появилась тенденция изображать их единственными последовательными защитниками коммунаров⁹. Не следует, конечно, ни в коем случае ума-

лять их роль в кампании солидарности с Коммуной, тем более что в то время они, имея довольно широкие возможности выступать в прессе, делали это искренне, с убеждением в своей правоте. Они разоблачали клевету английских консервативных газет и журналов, доносили до читателя правдивую информацию о событиях на континенте. Статьи в защиту Коммуны привлекали внимание широкого круга английских читателей. Они были хорошо известны и в рабочей среде и сыграли большую роль в популяризации Коммуны.

Английские позитивисты были тесно связаны между собой узами личной дружбы, скрепленной особым взаимопониманием людей одного поколения. В их кружок входили профессор Лондонского университета историк Эдуард Спенсер Бизли, юрист и видный публицист Фредерик Гаррисон, врач и публицист Дж. Г. Бриджис, юрист, политический деятель, участник тред-юнионистского движения Генри Кромптон и некоторые другие. Своим учителем и идейным вдохновителем они считали профессора Лондонского университета Ричарда Конгрива, у которого многие из них в свое время учились в Оксфорде. В письме к Карлу Марксу Бизли называет Р. Конгрива «нашим руководителем (our director)»¹⁰.

Несколько в стороне от этой группы стоял известный английский ученый, экономист и общественный деятель Джон Стюарт Милль, тоже последователь Огюста Конта, долгие годы переписывавшийся с последним. Дж. С. Милль был старше своих единоверцев и мог претендовать до определенной степени на роль теоретика английского позитивизма, хотя между членами кружка и Миллем, никогда не входившим в него, существовал целый ряд разногласий, в том числе в трактовке философии О. Конта. Тем не менее молодые контисты отдавали должное Дж. С. Миллю и признавали его идейное влияние в период становления их кружка. Сошлемся на воспоминания известного русского писателя П. Д. Боборыкина, проживавшего в Англии в конце 60-х — начале 70-х годов прошлого века. В книге воспоминаний он описал свою встречу с «историком Бизли». В дружеской беседе

⁶ Генеральный Совет Первого Интернационала. 1870—1871: Протоколы, с. 72.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17, с. 561.

⁸ О позитивистах см.: Кунина В. Э. Карл Маркс и английское рабочее движение. М., 1968, с. 128—129.

⁹ См., например: Harrison R. E. S. Beesly. Editor's Biographical Notes.— In: The English Defense of the Commune 1871. London, 1911. Idem. E. S. Beesly and Karl Marx.— International Review of Social History, Amsterdam, 1959, vol. 4.

¹⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2352. Письмо Э. С. Бизли К. Марксу, 13 июля 1871 г.

Бизли рассказал собеседнику о той сложной идеологической борьбе, в результате которой позитивизм был признан независимым идейным направлением. Он припомнил, «как они (позитивисты. — Н. Е.) еще недавно... должны были отстаивать свое свободомыслие от заскорузлой британской ортодоксальности и как их кружок был обязан Джону Стюарту Миллю своим умственным возрождением»¹¹.

В книге «За полвека» даны яркие, живые портреты Э. Бизли, Дж. Милля, Дж. Морли, Ф. Гаррисона. Ближе всех Боборыкин сошелся с последним. «Из членов этой „позитивной“ общины,— писал автор воспоминаний,— самым талантливым и общительным был писатель (и по профессии адвокат) Фредерик Гаррисон... Его, как писателя, я уже оценил и до личного знакомства»¹².

Русский путешественник часто бывал у Гаррисона в гостях как в Лондоне, так и в загородном имении его матери. В доме своего нового друга он познакомился почти со всеми английскими контрстами. И его, гражданина самодержавной России, поразили взгляды этих людей. «Небольшая группа тогдашних последователей Конта, Милля и отчасти Спенсера...— писал он,— и была настоящим свободомыслящим оазисом в тогдашней лондонской интеллигенции — среди сотен писателей, журналистов, „клерджименов“ и педагогов обыкновенного и „респектабельного“ типа»¹³.

Во время своего пребывания в Англии любознательный и наблюдательный Боборыкин пользовался малейшей возможностью для расширения круга знакомств. Поскольку в Лондон Боборыкин приехал из Парижа, где был знаком со многими участниками революции 1848 г., его интересовали французские эмигранты. Имея, в частности, письмо к Луи Блану, русский писатель отправился к нему в Брайтон. На званый завтрак хозяин пригласил и Дж. Морли, бывшего тогда редактором либерального журнала «Фортнайтли ревю». Заметим, между прочим, что Дж. Морли в эти годы находился под двойным влиянием — своего идейного воспитателя Дж. С. Милля и ближайшего друга — Ф. Гаррисона. Меньше увлекаясь поли-

тикой, отдавая предпочтение философским концепциям Конта, главный редактор «Фортнайтли ревю» пошел в конечном счете за Дж. С. Миллем, так и не примкнув к кружку позитивистов. Будущий видный политический деятель и член парламента Дж. Морли в конце 60-х годов только начинал выходить на политическую арену. Боборыкин писал о нем: «Тогда он смотрел еще очень молодо... говорил тихо, сдержанно, без всякого красноречия, но с тонкими замечаниями и оценками. Он в то время принадлежал исключительно литературе и искусству»¹⁴.

Для русского буржуазного либерала взгляды Морли, Гаррисона, Бизли были пределом «вольномудства». На страницах своей книги он несколько раз повторял мысль, что все они принадлежали к «самой передовой и свобододолюбивой группе тогдашних лондонских интеллигентов»¹⁵.

Ведущую роль в кружке позитивистов играл в те годы профессор истории Лондонского университета Э. С. Бизли, который принимал деятельное участие в демократическом движении 1861—1862 гг. В 1864 г. он был председателем Учредительного собрания Международного Товарищества Рабочих, проходившего в Сен-Мартинс-холле в Лондоне, хотя и не стал членом этой организации. Бизли многие годы находился в тесном контакте с Марксом и являлся активным деятелем английских тред-юнионов. Позднее он сожалел, что не был членом I Интернационала¹⁶.

Начиная с 25 марта 1871 г. одну за другой двенадцать статей Бизли посвятил Парижской Коммуне. Все они были опубликованы на первых страницах «Би-хайв» («Улей»).

Еженедельник «Би-хайв» в эпоху Коммуны наряду со статьями прогрессивных деятелей тред-юнионов, передовых рабочих публиковал откровенно реакционные послания. Рядом с письмами Бизли были напечатаны статьи Х. Невилля, Дж. Сторра, Дж. Холма и других, выступавших против коммунаров иногда даже более злобно, чем

¹⁴ Там же, л. 79. ¹⁵ Там же.

¹⁶ Harrison R. E. S. Beesly. Editor's Biographical Notes; см. также: Далин В. М. Новое о Вермореле.— Новая и новейшая история, 1977, № 2.

¹¹ Цит. по рукописи: ЦГАЛИ, ф. 64, оп. 1, ед. хр. 17, л. 83—84.

¹² Там же, л. 82—83. ¹³ Там же, л. 84.

корреспонденты «Таймс» и консервативной «Пэлл Мэлл газет». Тем ярче выделялись статьи Бизли.

В самой первой из них, «Парижская революция», Бизли призывал читателей не верить буржуазным газетам, «статьи и корреспонденции» которых «окрашены жгучей антипатией к рабочим Парижа»¹⁷. Бизли с той речью говорил: «Очень жалко, что рабочие Лондона не имеют своего собственного источника информации, не ведут хронику событий»¹⁸.

Бизли обращался к таким же рабочим, какими были и создатели Коммуны во Франции. Правительственные газеты называли их «сбродом негодяев». Автор показал рабочим Англии, что представляет собой этот «сброд». «Революцию поддерживают 215 батальонов национальной гвардии. Ее поддерживает все трудовое население, и если рабочие — механики, каменотесы, плотники, маляры, каменщики, портные и сапожники Парижа — „негодяи“, кто же Вы, мои читатели?» — спрашивал Бизли¹⁹.

Уже в этой первой статье, напечатанной всего спустя неделю после событий в Париже, Бизли пытался объяснить читателям, для чего была провозглашена Коммуна, хотя сам ее роли достаточно точно и ясно не представлял. Он писал, что часть парижан «была возмущена Национальным собранием и его враждебным отношением к столице, которая в течение шести месяцев показывала пример патриотизма, храбрости, выдержки и порядка. Восставшие решили не сдавать оружия и не отдаваться в руки реакционеров Версаля»²⁰. Бизли разоблачал «незаконное» Национальное собрание, которое, по его мнению, решая вопрос «мир или война», на самом деле имело единственную цель — «уничтожение республики»²¹.

Конечно, это далеко не исчерпывающее объяснение событий в Париже, но уже то, что сразу же после победы Коммуны появилась статья с призывом не верить газетам, с разоблачением Национального собрания, с попыткой разъяснить ситуацию, имело большое значение. Заканчивая статью, автор еще раз призывал читателей «не под-

даваться злостной клевете, распространяемой буржуазной прессой»²².

На второй день после появления статьи она стала предметом обсуждения на митинге рабочих в поддержку парижского пролетариата (26 марта 1871 г.) в рабочем районе Лондона — Клеркенуэлл-грин. Была принята специальная резолюция с выражением сердечной благодарности «профессору Бизли за его своевременное, прозрачное и правдивое письмо, опубликованное на этих днях в „Bee-Hive“ и раскрывающее действительный характер событий, происходящих ныне в Париже»²³.

Статья «Парижская Коммуна» была напечатана 1 апреля, в ней Бизли объяснял политическое положение во Франции. Он писал, что французские республиканцы не считали нужным добиваться в своей стране всеобщего голосования из-за настоящей пропасти между «интеллигентным и энергичным населением больших городов» и «необразованным и ограниченным крестьянством»²⁴. Республиканцы опасались, что при выборах в Национальное собрание сельские округа «поглотят» города. При существовавшей централизации, по их мнению, необходимо было прежде всего добиться политической свободы промышленных городов. Отсюда — движение за самоуправление, которое Бизли считал центральным моментом революции в Париже и обращал на него особое внимание читателей. Проблема самоуправления, говорил он, «возникнет в свое время во всех разросшихся государствах Европы, включая и нашу». По мнению Бизли, «английские позитивисты еще недостаточно серьезно продумали этот вопрос, так как он кажется сейчас отдаленным. Но последние две недели значительно приблизили его...»²⁵. Стремясь в борьбе за муниципальные права найти подтверждение и осуществление идей О. Конта, Бизли писал, что «движение за самоуправление Парижа и других больших городов Франции... согласуется с учением Огюста Конта и, возможно, обязано ему»²⁶. Ограничив себя философией Конта и исходя только из ее практических

¹⁷ The Bee-Hive, 1871, 25 Mar., p. 1.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid. ²⁰ Ibid. ²¹ Ibid.

²² Ibid.

²³ Первый Интернационал и Парижская Коммуна. М., 1972, с. 191.

²⁴ The Bee-Hive, 1871, 1 Apr., p. 1.

²⁵ Ibid. ²⁶ Ibid.

выводов, Бизли не смог достаточно отчетливо понять классовой сути борьбы в Париже, хотя и выражал искреннее сочувствие революционному выступлению парижских рабочих.

Бизли подчеркивал в своих статьях международный характер движения. Его статья «Космополитический республиканизм» начиналась так: «Одной из самых удивительных особенностей последней стадии французской революции является ее космополитическая тенденция, ее намерение уничтожить и забыть скверные национальные предрассудки и зависть, которые до сих пор разъединяют рабочих разных стран и превращают их в честолюбивых вояк и политических деятелей»²⁷.

Объясняя рабочим Англии причину слома Вандомской колонны, символа «военного порабощения Германии Францией», он говорил: «Даже если бы Коммуна не совершила ничего, кроме этого отречения от завоевательных войн, ее существование было бы не бесполезно»²⁸. Бизли привел ряд примеров интернационального характера парижского восстания: «Национальные гвардейцы доблестно служат под руководством польского генерала.. Пруссаки избраны в Коммуну. Не существует вражды между французскими и немецкими рабочими. Эти примеры интернационализма показывают, что дело рабочих одинаково во всем мире»²⁹.

Статью «Коммунисты» Бизли посвятил руководителям Парижской Коммуны, людям «с добрым характером, большой эрудицией, огромной энергией»³⁰. Бизли восхищался мужеством борющихся парижан. «Рабочие всех стран, — писал он в статье «Парижская Коммуна», — могут гордиться теми прекрасными качествами, которые продемонстрировали их братья в Париже. Их смелость, терпение, порядок, дисциплина, здравый смысл и принципиальность были удивительны»³¹.

В статье «Падение Коммуны» описана героическая оборона Коммуны. Вся статья пронизана искренней симпатией и сочувствием к бесстрашным защитникам города, мужественно сражавшимся на баррикадах. «Есть в Париже что-то более прекрасное, чем его дворцы, более дорогое, чем его статуи, — это поколение людей, кото-

рых даже Национальное собрание не может истребить полностью», — заканчивал автор³².

Статья «Расправа в Париже» появилась в «Би-хайв» после разгрома Коммуны, 3 июня. Бизли подробно рассматривал историю борьбы рабочего класса за Парижскую Коммуну. Основная ошибка, по его мнению, состояла в том, что коммунары сразу же после победы 18 марта не направились в Версаль. С самого начала Национальное собрание, состоявшее из «представителей знати, богатых эксплуататоров, землевладельцев, ненавидевших республику...». Правительство Тьера знало, «что единственным препятствием к достижению этой цели был пролетариат больших городов, особенно Парижа, поэтому оно с дикой яростью обрушилось на героический город»³³.

По подсчету некоторых корреспондентов, рассказывал Бизли английским рабочим, во время белого террора погибло около 50 тыс. коммунаров. Правительство Тьера проводило не «тактику порядка», а «тактику крови»³⁴. Коммунаров обвиняли в убийстве архиепископа. Бизли возлагал ответственность за гибель заложников, за поджоги домов на Тьера, ведь именно он отказал им, когда они предлагали освободить архиепископа и шесть других заложников в обмен на своего вождя Бланки. «Партия крови как во Франции, так и в Англии (так как у нас здесь она тоже есть и обладает большой силой) пытается противопоставить расправам с рабочими убийство заложников, но мы никогда не забудем, что один класс потерял человека, а другой — многие тысячи»³⁵.

В статье «Коммунисты» и в ряде других статей Бизли сделал попытку показать различие между коммунизмом и позитивизмом. По его мнению, принципиальных разногласий между ними не было. Коммунисты и позитивисты спорили лишь по вопросу об отношении к частной собственности. Как позитивист, он искренне верил, что «моральное давление, которое позитивизм будет в конечном счете оказывать на владельцев собственности, заставит их распорядиться ею не для своего личного удовольствия,

²⁷ Ibid., 22 Apr., p. 1.²⁸ Ibid.²⁹ Ibid. ³⁰ Ibid., 29 Apr., p. 1.³¹ Ibid., 1 Apr., p. 1.³² Ibid., 27 May, p. 2.³³ Ibid., 3 Jun., p. 1.³⁴ Ibid.³⁵ Ibid., 10 Jun., p. 1.

как это делает сейчас большинство собственников, а не благо всего общества»³⁶.

Вопрос об отношении к частной собственности был самым острым и в спорах К. Маркса с позитивистами. К. Маркс по этому поводу писал: «Они говорят в предо-стерегающем тоне об угрозе уничтожения „собственности“, потому что в их глазах их нынешняя классовая форма собственности — преходящая историческая форма — и есть сама собственность, и уничтожение этой формы было бы поэтому уничтожением собственности. Как теперь они защищают „вечность“ капиталистического господства и системы наемного труда, так они защищали бы, если бы жили во времена феодализма или рабства, феодальную систему или систему рабства, как основанную на природе вещей, как возникающую из самой природы...»³⁷.

Однако, отвергая позитивизм, Маркс высоко оценивал деятельность Бизли. «Профессор Бизли в ряде случаев храбро защищал рабочий класс...», — сказал он на заседании Генерального Совета Интернационала 31 января 1871 г.³⁸

В одном из писем к Бизли Маркс высказывает свое глубокое уважение к нему: «Разрешите мне, между прочим, заметить, что в качестве партийного человека я занимаю решительно враждебную позицию по отношению к контизму, а как человек науки очень невысокого мнения о нем, по Вас я считаю единственным контистом, как в Англии, так и во Франции, который рассматривает поворотные пункты (crises) в истории не как сектант, а как историк в лучшем смысле этого слова»³⁹.

Бизли многие годы сотрудничал с Интернационалом и лично с К. Марксом, и это знакомство, как пишет биограф Бизли Р. Гаррисон, «было закреплено защитой Коммуны»⁴⁰.

Маркс высоко оценивал выступления Бизли в печати, но резко осуждал газету, в которой тот сотрудничал.

В письме к Бизли от 12 июня 1871 г. он писал: «Не смотря на мое восхищение Вашими статьями в „Bee-Hive“, я очень жалею, что нахожу Ваше имя в этой газете... „Bee-Hive“ выдает себя за рабочую газету, на самом же деле — это орган репетиторов, продавшийся Сам. Морли и К°... При таких обстоятельствах Ваше сотрудничество в „Bee-Hive“ — это еще одна жертва, которую Вы приносите во имя правого дела»⁴¹. Но, несмотря ни на что, Бизли не стал коммунистом. Он оставался противником вооруженного восстания и оправдывал действия парижских рабочих только необходимостью защищаться перед лицом вооруженных «реакционеров». Что же касается Англии, то позиция Бизли предельно ясна — «...у рабочего класса есть свобода прессы, право публичных собраний, право ассоциаций и очень большое влияние на парламент, которым они могут воспользоваться. Поэтому нет никаких оснований для применения силы или для запугивания»⁴². Бизли считал, что любое выступление в Англии приведет к тому, что рабочие лишатся имеющихся у них прав. «Пусть наши рабочие воспользуются своим правом голоса, чтобы не допустить роста нашей армии, в каком бы виде это ни происходило: в форме регулярной армии, милиции или волонтеров, тогда появится максимально благоприятный шанс для урегулирования наших социальных трудностей без тех страшных конвульсий, которые сейчас сотрясают Францию»⁴³.

Хотя Бизли был противником вооруженного восстания в Англии, он считал необходимым донести до английских рабочих правду о революционной борьбе в Париже. Он приветствовал появление работы Маркса «Гражданская война во Франции» и придавал большое значение распространению этой брошюры среди рабочих. 17 июня 1871 г. он писал Марксу: «Я хотел бы, чтобы воззвание было в руках каждого мыслящего рабочего в Лондоне»⁴⁴. Он тепло благодарил К. Маркса за книгу и дал высокую оценку воззванию: «Я рассматриваю его как наиболее

³⁶ Ibid., 29 Apr., p. 2.

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17, с. 567.

³⁸ Генеральный Совет Первого Интернационала. 1870—1871: Протоколы, с. 72.

³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 33, с. 189—190.

⁴⁰ Harrison R. Before the Socialists. Toronto, 1965, p. 274.

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 33, с. 189—190.

⁴² The Bee-Hive, 1871, 24 Jun., p. 1.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Первый Интернационал и Парижская Коммуна, с. 523.

важное событие последнего года. Факты превосходно сгруппированы и изложены убедительным и выразительным языком»⁴⁵.

Две большие статьи в защиту Коммуны были написаны Фредериком Гаррисоном и опубликованы в журнале «Фортнайтли ревю». Как уже говорилось, главным редактором журнала был близким другом Ф. Гаррисона. Между ними шла оживленная переписка. Еще 8 февраля 1871 г. Гаррисон писал Дж. Морли: «Я думаю, что существует лишь одна цель, которую следует проповедовать, — это отрицание буржуазии. Ее невежество, суеверие, грубость и эгоизм разрушают все во Франции да и повсюду... Будь проклята ее грязная душа, будь прокляты все, кто имеет кучу денег»⁴⁶.

18 марта в Париже произошло восстание, рабочие захватили власть, а 20-го, в понедельник, все лондонские газеты писали об этом. С кем же, как не с Дж. Морли мог поделиться Гаррисон своими мыслями по поводу происшедших во Франции событий?

22 марта на двадцати страницах в едином порыве, страстно, эмоционально и откровенно он изложил свое отношение к парижскому восстанию. Перечитав, видимо, письмо, Гаррисон не захотел совсем расстаться с ним, боясь растерять первые впечатления, и в приписке просил Морли: «Верните мне это письмо. Я не собираюсь никому его показывать, но хочу использовать в статье, если у Вас не будет никаких возражений»⁴⁷. Основные положения этого документа действительно были использованы впоследствии при написании статьи.

В письме нет никакого вступления. Чувствуется радость и восхищение человека. Он просто не мог молчать: «Мой дорогой Морли, народ Парижа опять... олицетворяет всю Францию»⁴⁸. На первой же странице автор объявил происшедшее во французской столице «самым потрясающим событием XIX в. (во всяком случае пока)»⁴⁹.

Франция, писал своему другу Гаррисон, раскололась

⁴⁵ Там же, с. 522.

⁴⁶ Цит. по: *Harrison R. Before the Socialists*, p. 236.

⁴⁷ *The Economic School. Special Collections. The Frederic Harrison Paper* (далее — E. S. S. C.; F. H. P.). Letters to John Morley, 1871, 22 Mar., p. 20.

⁴⁸ *Ibid.* p. 1. ⁴⁹ *Ibid.*

на два враждующих лагеря. С одной стороны, «народ Парижа и других больших городов... истинное, живое сердце» Франции⁵⁰. Они борются «за республику, настоящую республику, т. е. за правительство для всех, а не для богатых»⁵¹.

С другой стороны, «класс собственников и торговцев... авантюристов, желающих сохранить общество в неизменном виде»⁵². Для защиты старого они готовы «обратиться к армии, полиции, духовенству, крестьянству и использовать их как свое орудие»⁵³. Буржуазия, говорил дальше, всегда пользуется невежеством и темнотой крестьян, формируя из них армию для войн и подавления рабочих выступлений. Гаррисон предвидел неизбежность вооруженного столкновения в сложившейся ситуации: «Одна сторона не хочет больше терпеть старый порядок», другая хочет его сохранить. Из этого следует, что «никакого выхода, кроме борьбы, нет»⁵⁴.

Обращаясь к прошлому, автор письма вспоминал: «Наждый раз, когда народ Парижа свергал правительство богачи... находили нового тирана, очередного Наполеона. Он подавлял народ и восстанавливал общество в прежнем виде»⁵⁵.

С нескрываемым восхищением автор рассказывал Морли о победе французского народа: «Под крики одобрения рабочие уверенно заявили: Мы хотим создать общество, организованное так, чтобы лакомые кусочки не доставались... исключительно богатым, а все тяготы не ложились на наши плечи, — а это означает — республику, т. е. правительство, которое не было бы выгодно только одному классу, а стало бы защитником бедных, помощником страдающих»⁵⁶. Такое правительство могло быть создано только из «лучших людей» общества. Кто же они? — спрашивал Гаррисон и отвечал: «Два миллиона рабочих в Париже и других городах — это и есть лучшие люди»⁵⁷.

В письме изобличалось коварство Тьера, пришедшего к власти только благодаря народу. Тьер — «типичный авантюрист», он и его единомышленники «хотят вернуть

⁵⁰ *Ibid.*, p. 2. ⁵¹ *Ibid.*

⁵² *Ibid.*, p. 2—3. ⁵³ *Ibid.*, p. 3. ⁵⁴ *Ibid.* ⁵⁵ *Ibid.*, p. 4.

⁵⁶ *Ibid.*, p. 8.

⁵⁷ *Ibid.*, p. 13.

старые порядки, установить власть клерикалов, одним словом, восстановить общество в прежнем виде»⁵⁸.

На последних страницах изложены требования французских рабочих, как их понимал Фредерик Гаррисон

1. Провозглашение республики, т. е. правительства, которое будет выполнять все нужды народа наиболее простым и дешевым путем.

2. Сохранение национальной гвардии, т. е. постоянного вооружение населения для защиты от нового государственного переворота.

3. Так как провинции имеют большее население по сравнению с Парижем, столице нужно местное республиканское самоуправление, т. е. Коммуна, которой народ может доверять⁵⁹.

Гаррисон внимательно следил за развернувшимися событиями. Он читал не только английскую, но и французскую прессу, а кроме того, регулярно получая из Парижа письма от друзей, он имел возможность сравнивать информацию. 14 апреля 1871 г. было написано очередное письмо Джону Морли, из которого видно, что тот воспринял Коммуну отрицательно, враждебно. Гаррисон прилагал все усилия, чтобы разубедить главного редактора «Фортнайтли ревю». В письме говорилось: «Надеюсь, Вы больше не думаете о народе Парижа как о „гавкающих собаках“, которых солдаты должны загнать обратно в конуру?»⁶⁰. Гаррисон убеждал своего друга: «Правда заключается в том, что французская и английская пресса изо всех сил мистифицирует нас. Все эти разговоры, — продолжал он, — о „грабежах“, „бандитах“, „грубиянах“, „убийствах“ и т. д. так же верны, как рассказы Копперфильда о жестокостях Линкольна и свирепости североамериканцев. Ярость капиталиста подобна ярости рабовладельца — такая же неумолимая и злобная»⁶¹.

Автор письма решил специально встретиться с Морли, чтобы рассказать о Коммуне. «Сколько времени Вы предоставите мне? — спрашивал он. — Согласитесь ли выслушать мое мнение?»⁶²

Через несколько дней, 17 апреля, уже имея согласие

⁵⁸ Ibid., p. 5. ⁵⁹ Ibid., p. 17—19.

⁶⁰ Ibid., 1871, 14 Apr., p. 1.

⁶¹ Ibid., p. 2. ⁶² Ibid., p. 1.

ние на встречу, Гаррисон писал: «Рабочие Парижа — это мессия современной цивилизации. Боже! Когда же Вы поймете это!»⁶³. Он все еще находился в приподнятом настроении. «Эта революция, — говорилось в письме, — не сделала меня пестовым. Как раз наоборот! Она умножила меня, наполнила радостью и надеждой»⁶⁴.

Ни в одной статье Гаррисон не высказывал так откровенно свое отношение к французским событиям, как в письмах. За это и критиковал его Э. С. Бизли. В письме к К. Марксу от 13 июня 1871 г. Бизли писал, что Ф. Гаррисон, по его мнению, «в печати предпочитает быть слишком дипломатичным»⁶⁵.

В нашем распоряжении были только письма Гаррисона к Морли, но из приведенных выше слов можно предположить, что и Бизли знал о настроениях своего друга и единомышленника. Первая статья «Революция Коммуны» была напечатана в июньском номере «Фортнайтли ревю», вторая — «Падение Коммуны» — появилась в печати в августе 1871 г.

В большой эмоциональной статье «Революция Коммуны» Гаррисон писал: «К Парижу обратились все мысли. Там поднялось такое политическое движение, завоевания которого станут достоянием истории... Париж вновь стал... подлинным центром политического прогресса»⁶⁶.

Гаррисон, так же как и Бизли, разоблачал клевету английской буржуазной прессы: «Каждый знает, насколько чернее дело Коммуны выглядит в наших газетах по сравнению с тем, что мы узнаем из частных бесед с хорошо информированными людьми»⁶⁷. Он призывал читателей не верить газетной лжи и говорил, что сам опирается только на свидетельства, полученные «от нейтрального наблюдателя, от человека, бывшего на месте событий, которого автор знает лично и который дал информацию... отвечая на его вопросы». На основании такого источника Гаррисон объяснял читателям, что по-

⁶³ Ibid., 1871, 18 Apr., p. 1.

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2352.

⁶⁶ The Fortnightly Review, London, 1871, vol. IX, p. 557.

⁶⁷ Ibid., 575.

встанцы — «это простые жители Парижа, прежде всего рабочие», что Коммуна «организована с исключительным умением, что все службы работают удовлетворительно и почти везде поддерживается порядок»⁶⁸.

Разоблачая политику Национального собрания, Гаррисон подчеркивал его незаконность. По его словам, во Франции не было еще ни одного действительно законного правительства, все они возникали «в результате успешного восстания или заговора». В этом отношении Национальное собрание ничуть не лучше, а потому оно «не имеет никаких легальных полномочий управлять Францией». Он обвинял Национальное собрание в заговоре «против признанной всей нацией правительства — против республики». Из-за этого восстал Париж — «ум и сердце Франции»⁶⁹. Гаррисон считал не случайным, что восстание в защиту республики вспыхнуло именно в Париже, где «в силу особых политических, социальных и промышленных условий вопросы, которые в зародыше существуют повсюду, превращаются в животрепещущие вопросы для всех». Когда парижане осознали предательство Тьера и Национального собрания, осознали, что республике угрожает опасность, они взяли ее под свою защиту. «В двадцать четыре часа, — писал автор статьи, — рабочие оказались хозяевами Парижа. Они провозгласили Коммуну»⁷⁰.

Как и Бизли, но еще в большей степени Гаррисон пытался подтянуть реальные события, происходившие в Париже, к философским размышлениям Конта. Ф. Гаррисон тоже видел в Коммуне прежде всего борьбу против сильного централизованного государства, борьбу за децентрализацию, т. е. осуществление «главной идеи» Конта. И хотя он соглашался, что Коммуна «не отражает точно идеалов Конта», все же считал, что она «в действительности соответствует им. Существование Коммуны доказывает, писал Гаррисон, что он (Конт. — *Н. Е.*) правильно видел инстинктивную тенденцию Франции, оно указывает на самую отдаленную реализацию его идеи»⁷¹. В рассуждениях Гаррисона Конт выступал неким пророком, предсказания которого сбывались во Франции.

Но как можно объяснить отношение «живших во Франции последователей» Конта к революционным событиям? Попытка Гаррисона сделать это завела его в тупик. Взгляды французских позитивистов, по словам автора статьи, «родственны взглядам их вождя». Но парижские контисты не приняли участия в движении за Коммуну. Почему? — Потому что «движение полностью противоречило их принципам». Что они отрицали? — «Решение социальных проблем силой... паличие коммунистических тенденций... доктрины прав и демократии». Вывод напрашивался сам собой — все, что происходило в Париже, противоречило принципам контистов. Но Гаррисон пришел к противоположному выводу. «Движение по своим результатам совпадает с самыми существенными принципами позитивизма», — заключал он⁷².

Здесь уместно еще раз напомнить слова Маркса об английских позитивистах. Они, говорил Маркс, принимают «формы пролетарской классовой борьбы... которые... их парижские единовольцы осуждают как ересь»⁷³. Для английских последователей Конта главным был результат борьбы, а не ее методы, но у них не хватило смелости осудить поведение парижских единомышленников. В конечном счете непоследовательность позитивистов и их отрыв от действительности привели в дальнейшем к полному вырождению этого течения.

Возвращаясь к статье Гаррисона, следует сказать, что только тогда, когда автор отступал от тесных рамок философии позитивизма, в которые не мог заключить все происходящее, его слова приобретали убедительность и искренность.

Причину гражданской войны во Франции Гаррисон видел в непримиримости классовых противоречий. «Борьба столицы против провинции, — писал он, — городов против деревни, республики против монархии, коммуны против парламента... это борьба рабочего против капитала»⁷⁴. Все же, как буржуазный республиканец и противник коммунизма, он ратовал за установление во Франции республики с сохранением частной собственности.

⁶⁸ Ibid., p. 576.

⁷¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17, с. 561.

⁷⁴ The Fortnightly Review, London, 1871, vol. IX, p. 577.

⁶⁸ Ibid., p. 559.

⁶⁹ Ibid., p. 561.

⁷⁰ Ibid., p. 562—563.

⁷¹ Ibid., p. 568.

сти. Ф. Гаррисон был убежден, что рабочие «горячо привязаны к своему личному и домашнему имуществу и никогда не смогут стать коммунистами»⁷⁵. За полное непонимание сути капиталистических отношений и классовой борьбы К. Маркс критиковал позитивистов: «Они не могут, конечно, понять, что социальное преобразование, к которому стремится рабочий класс, есть необходимое, историческое, неизбежное порождение самой же нынешней системы»⁷⁶.

Хотя Парижская Коммуна была обречена на гибель, Гаррисон, однако, выражал уверенность, что «дело Коммуны победит, какое бы потрясение ей не пришлось претерпеть. Великая политическая программа была введена в действие во Франции, внушительно показана Европе, и никакая кровавая месть монархистов не вычеркнет ее из памяти будущего»⁷⁷.

В другой статье, которая так и называлась «Падение Коммуны», Гаррисон с гневом говорил о расправе над коммунарами: «Вся история разгрома Коммуны, как сейчас известно английскому народу, хуже ночного кошмара». «С рабочими Парижа обращаются как с дикими зверями, их ловят в сети и выкуривают из убежищ».

Он встал на защиту парижан, когда их обвинили в поджоге города. В разрушениях города, в пожарах была вина не только парижан, но и армия версальцев, направившая на столицу сокрушительный артиллерийский огонь. «Если коммунары хотели разрушить Париж, то почему они не сделали этого раньше? И почему самые богатые кварталы — от церкви Мадлен до ворот Сан-Мартен, включая два здания Оперы, — почти не повреждены?» — спрашивал Гаррисон⁷⁸.

Английская пресса подняла настоящий вой по поводу якобы массового уничтожения произведений искусства и разрушения памятников в Париже. В ответ на это Ф. Гаррисон напомнил читателям, сколько памятников искусства было в свое время уничтожено британской армией: англичане сожгли Капитолий в Вашингтоне, ан-

глийская армия сожгла Летний дворец в Пекине, ценность которого нельзя оценить даже «десятью дворцами Тюильри»⁸⁰. Но никакие разрушения города нельзя сравнить с той жестокой расправой, которую учинил Тьер над парижскими рабочими. «Организованные расправы, о которых я говорю, — писал Ф. Гаррисон, — производились уважаемыми офицерами в строгом порядке в завоеванных частях города. Они продолжались целую неделю. Это не было сумасшествием, это происходило по определенной системе, и в этом не было военной необходимости»⁸¹.

Обращаясь к читателям, Гаррисон спрашивал, «готовы ли члены английского общества приветствовать такой конец? Считают ли они это политическим правосудием или думают, что наступило господство террора... Закроют ли они на это глаза?... Думают ли они, что лучше все забыть? Если на эти вопросы отвечать положительно, — продолжал Гаррисон, — то в будущем... им придется примириться с тем, что политическая и социальная борьба приведет к взрыву»⁸².

Автор сравнивал политику Коммуны с политикой правительства Тьера. Коммуна как политический орган, по его словам, никогда не занималась такими массовыми расправами, какие проводило версальское правительство. Коммуна боролась за свободу, за «свободный Париж в свободной Франции», как говорилось в одном из ее документов⁸³.

Оценивая Коммуну, Гаррисон подчеркивал, что она «была чем-то совершенно новым в политике... была правительством рабочих и для рабочих»⁸⁴. Английская пресса называла коммунаров хулиганами и бандитами. «Ни один здравомыслящий человек не поверит, — восклицал Гаррисон, — что 200 тыс. человек, проголосовавших за Коммуну, — это бандиты и дьяволы в человеческом облике»⁸⁵. Дж. Морли, изменивший свое отношение к Коммуне под влиянием Ф. Гаррисона и под впечатлением зверских расправ версальцев, высоко оценил эту статью. «Я подпишусь под каждым Вашим словом, — заверял он

⁷⁵ Ibid., p. 578.

⁷⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17, с. 567.

⁷⁷ The Fortnightly Review. London, 1871, vol. IX, p. 579.

⁷⁸ Ibid., vol. X, p. 133, 136.

⁷⁹ Ibid., p. 134.

⁸⁰ Ibid., p. 138.

⁸¹ Ibid., p. 144.

⁸² Ibid., p. 145.

⁸³ Ibid., p. 149.

⁸⁴ Ibid.,

p. 151.

⁸⁵ Ibid., p. 155.

своего друга, — не могу выразить, как я благодарен Вам за такое гуманное заявление. Оно дойдет до сердца каждого человека, достаточно молодого, чтобы сохранить крупицу человечности, заложенную в нем»⁸⁶.

Вскоре после выхода августовского номера «Фортнайтли ревью», 8 августа 1871 г., Гаррисон получил письмо еще от одного своего друга — Ц. Е. Нортона, находившегося в это время в Инсбруке. Нортон «сердечно благодарил» Гаррисона за то, что опубликованную статью «Я получил огромное удовлетворение, прочитав Вашу статью „Падение Коммуны“»⁸⁷. Он советовал другу перепечатать обе статьи «во всех газетах, выходящих на английском языке». При условии издания брошюры Нортон обещал отправить ее в Америку. «У меня есть возможности широкого распространения ее там», — говорил он в письме⁸⁸.

Сам Нортон, придерживаясь республиканских взглядов и веря только в постепенный прогресс, видел в Коммуне одну «очень серьезную опасность» — коммунистические тенденции⁸⁹. В связи с этим он считал, что ее защитники «берут на себя очень большую смелость, так как им придется все время бороться с этими тенденциями. Пропасть между их сочувствием и убеждением в ошибочности выбора средств для достижения желаемой цели будет так велика, что их жизнь превратится в постоянную боль», — предупреждал Нортон своего друга — «защитника» Коммуны⁹⁰. Нортон считал революцию в Париже преждевременной, но статьи Гаррисона в ее защиту оценил очень высоко. «Они произведут большое впечатление, — писал он, — и изменят мнение многих интеллигентных, но плохо информированных людей. Кое-кто из думающей публики пересмотрит свое отношение к ней».

Страх буржуазии перед революционными выступлениями масс был так велик, что любая защита Парижской Коммуны вызывала яростные нападки с ее стороны. Тем более резкой критике подвергся Гаррисон. «Таймс» процитировала отрывок из его статьи: «Народ Парижа

не верит ни в бога, ни в личность. У него есть своя религия, за которую он готов умереть. Эта религия — уверенность в том, что капитал и его владельцы займутся более благородным делом или вовсе перестанут существовать», сопроводив его следующими комментариями: «Мы взяли эти слова из статьи, опубликованной в последнем номере журнала „Фортнайтли ревью“ и подписанной Фредериком Гаррисоном. Мы перепечатали их, так как они содержат чистую правду о революции, которая угрожает всему миру катастрофой»⁹¹.

В газете «Пэлл Мэлл газет» 12 мая 1871 г. была опубликована заметка, подписанная инициалами М. Р., автор которой обращался к редактору с просьбой задать Ф. Гаррисону ряд вопросов, язвительно замечая, что Фредерик Гаррисон написал «настоящий гимн в честь Парижской Коммуны». В конце заметки автор просил: «Объясните нам ясно и без всяких уверток, на какие группы будет делиться общество согласно принципам Гаррисона и правда ли, что во время полного расцвета позитивизма будут признаваться полноправными только рабочие, а все, кто относится к категории „крестьян“, будут низведены до ранга рабов?»⁹².

Английские газеты ополчились на всех защитников Коммуны. Журнал «Сэтердей ревью» писал: «Было бы хорошо, если бы все пособники революции в Англии были безграмотными и бездарными скандалистами, способными только на дурные поступки. К сожалению, деятельность Парижской Коммуны защищают агитаторы более высокого порядка либо в форме откровенного панегирика, либо оправдывая ее жестокости»⁹³.

И действительно, среди защитников Коммуны были люди весьма уважаемые и известные в Англии.

В одном из писем К. Марксу проф. Бизли писал о своем старом учителе Р. Конгриве, который, несмотря на болезнь, «выступал на наших еженедельных собраниях перед многочисленными иностранцами и говорил, что история, оглядываясь назад, оправдает поджоги зданий в Париже как символический протест против материаль-

⁸⁶ Цит. по: *Lindsay J. George Meredith*. London, 1956, p. 200.

⁸⁷ F. S. S. C.; F. H. P. Letters to F. Harrison, 1871, 6 Aug., p. 1

⁸⁸ Ibid., p. 4. ⁸⁹ Ibid., p. 3.

⁹⁰ Ibid.

⁹¹ The Times, 1871, 31 May, p. 9.

⁹² The Pall Mall Gazette, 1871, 12 May, p. 5.

⁹³ The Saturday Review, 1871, 8 Jul., p. 33.

ного могущества и власти богатых... Все английские позитивисты, — писал Бизли, — искренне поддерживали (Коммуну. — Н. Е.) начиная с 18 марта»⁹⁴.

В числе тех, кто «оправдывал» деятельность Париской Коммуны, был и Дж. Г. Бриджис. Врач по образованию, он многие годы занимался просветительской и медицинской деятельностью. В 1879 г. он стал президентом Английского комитета позитивистов. После разгрома Коммуны Бриджис написал ряд статей в ее защиту.

В статье «Коммуна Парижа», опубликованной в газете «Би-хайв» 8 июля 1871 г., он писал: «Никогда не поздно сказать о Коммуне в Париже и никогда, во все грядущие времена, не будет лишним повторить уже сказанное о ней»⁹⁵. Бриджис, взявшись за перо для защиты Коммуны, считал своей основной задачей «очистить память о ней от тупой, но единодушной несправедливости английской прессы». «Анонимная клика из двадцати — тридцати писателей, — продолжал он, — которыми зажиточные классы Англии согласились доверить формирование общественного мнения, представляет в настоящее время более серьезное препятствие для прогресса, чем любой отсталый институт нашей страны»⁹⁶.

Коммуну обвиняли в убийстве архиепископа, в расстреле генералов. Бриджис отвергал все эти обвинения ибо «история не смогла бы найти такого революционного движения, руководители которого были бы более чисты и далеки от преступлений, чем вожды Парижской Коммуны». Бриджис приветствовал деятельность Коммуны защищавшей «дело республики, т. е. дело социального прогресса, и свободу мысли против монархии, т. е. против косности и невежества»⁹⁷. Коммуна бросила вызов узкому национализму. «Ее самый существенный принцип, — говорилось в статье, — заключается в общности интересов и благополучии производящего класса во всей Европе». По мнению Бриджиса, значение Коммуны очень велико, она продемонстрировала организованность рабочего класса, его способности и умение. «Парижская Коммуна показала, что рабочие, когда возникает необходи-

мость, могут управлять... По признанию тех очевидцев, которым разрешили опубликовать в английских газетах свои впечатления, и из устных рассказов еще большего числа очевидцев, которым ничего не разрешили опубликовать, совершенно ясно, что управление этим большим городом было во всех сферах хорошо налажено», — писал он.

В заключение автор выражал уверенность, что «Парижская Коммуна будет долго жить в памяти людей и принесет свои плоды в ближайшем будущем»⁹⁸.

Спустя год Дж. Г. Бриджис вновь обратился к Коммуне, 22 июля 1872 г. «Би-хайв» напечатала его статью «Погибшая Коммуна», в которой автор перечислял ошибки коммунаров, приблизившие их гибель. «Они, — писал Бриджис, — сделали не слишком много, а слишком мало. Прояви они с первого дня больше настойчивости, версальские узурпаторы оказались бы бессильны и никогда не смогли бы совершить эти ужасные преступления»⁹⁹. Подобно другим защитникам Коммуны, Дж. Бриджис видел ее первую и главную ошибку в неправильном отношении к Версалу. «На второй же день после захвата власти им следовало идти на Версаль», где коммунары, по убеждению автора, «не встретили бы никакого сопротивления»¹⁰⁰.

В самой деятельности Коммуны Дж. Бриджис тоже видел слабые стороны. Ее руководители «были слишком поглощены муниципальными и социальными вопросами». Они пренебрегли политическими задачами, касавшимися всей Франции. Остановливаясь на муниципальной программе, автор статьи говорил о неправильном ее освещении в Англии. Коммунары, писал он, «не собирались расчленить Францию на тридцать тысяч независимых республик... Они хотели установить у себя в точности такой же порядок, как в Швейцарии или Новой Зеландии», т. е. «совершенно независимые друг от друга коммуны должны были посылать представителей в Федеральную совет». Это, полагал Бриджис, являлось идеалом государственного управления «не только для Франции, но и для Великобритании и всех других европейских стран». Осу-

⁹⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2352.

⁹⁵ The Bee-Hive, 1871, 8 Jul., p. 1. ⁹⁶ Ibid. ⁹⁷ Ibid.

⁹⁸ Ibid. ⁹⁹ Ibid., 1872, 22 Jul., p. 2 ¹⁰⁰ Ibid.

шествляя самоуправление Парижа, лидеры Коммуны упустили Францию.

Наконец, третью ошибку Дж. Бриджис видел в объединении коммунаров «с самой революционной партией Европы». Позитивист, буржуазный республиканец Дж. Бриджис не хотел и не мог увидеть в Коммуне победу французского пролетариата, а «связь» с «самой революционной партией» считал наиболее «серьезной и опасной ошибкой Коммуны»¹⁰¹.

Позитивисты по-своему трактовали Коммуны и самым главным завоеванием революции считали сохранение республиканского строя во Франции.

На какие же сведения опирались авторы статей? В автобиографических записках, написанных 40 лет спустя Фредериком Гаррисоном, говорилось, что его «политические друзья» (имелись в виду французские позитивисты) «очень внимательно следили за событиями и имели о них самые достоверные сведения»¹⁰². Они делали все, чтобы переправлять как можно быстрее эту информацию в Лондон.

Кроме того, в Париже в течение нескольких лет жили английские семьи. В книге перечислено несколько фамилий, в том числе Дж. Коттон Морисон, «имевший широкий круг французских друзей, принадлежавших к самым различным политическим партиям»¹⁰³. Сразу же после подавления революции автор воспоминаний съездил в Париж и встречался с Морисоном. Поскольку Гаррисон собирался написать книгу о Парижской Коммуне, друзья выполнили его просьбу и собрали богатейшую коллекцию печатных изданий того времени. С этой же целью позднее, уже в Лондоне, Гаррисон познакомился с французскими эмигрантами, в том числе с Камиллом Барре-ром, Лиссагарэ, Паскалем Груссе¹⁰⁴.

Кроме того, Гаррисон хорошо знал корреспондента «Таймс» Чарльза Остина, «свидетеля ужасных сцен». Можно догадаться, что в личных беседах Остин поделился со своим знакомым такими сведениями, которые не попали в печать.

¹⁰¹ Ibid.

¹⁰² *Harrison F. Autobiographic Memoirs*. London, 1911, p. 18.

¹⁰³ Ibid. ¹⁰⁴ Ibid., p. 19.

Подобной достоверной информацией располагали, его скорее, и другие авторы, на что они и намекали в своих статьях.

После разгрома Парижской Коммуны в Англии началась кампания за предоставление коммунарам права политического убежища. Как известно, 26 мая 1871 г. министр иностранных дел Ж. Фавр разослал дипломатическим представителям Франции за границей циркуляр, в котором предлагал им предпринять соответствующие шаги с тем, чтобы коммунаров рассматривали не как политических, а как уголовных преступников, т. е. лишить права политического убежища. Английские рабочие и передовая часть интеллигенции развернули активную борьбу в защиту французских эмигрантов.

Эдинбургская либеральная газета «Риформер» писала эти дни: «Убийств в Париже оказалось недостаточно, Фавр послал европейским правительствам просьбу о высылке коммунаров». Газета возмущалась действиями вновь испеченного министра иностранных дел и требовала «уважать права людей». Она надеялась, что кабинет министров во главе с Гладстоном «сохранит в неприкосновенности наши законы». «Почему мы должны предать суду членов Коммуны, которые могут найти убежище наших берегах?» — спрашивал автор статьи «Кромешный ад в Париже»¹⁰⁵.

2 июня сын знаменитого английского писателя Диккенса написал открытое письмо, напечатанное в ряде газет, в том числе в «Манчестер дейли экзаминар». В. Диккенс, не поддерживая самого восстания в Париже, требовал «во что бы то ни стало предоставить убежище каждому коммунару, который окажется в нашей стране». Если Гладстон будет подражать барону д'Анетану, он поступит «беззаконно и аполитично», говорил сын писателя¹⁰⁶.

Поднял свой голос в защиту эмигрантов известный английский ученый, философ и общественный деятель Джон Стюарт Милль.

¹⁰⁵ *The Reformer*, Edinburgh, 1871, 3 Jun. p. 4. B. L. C.

¹⁰⁶ *The Manchester Daily Examiner and Times*, 1871, 6 Jun. p. 7. B. L. C.

В начале франко-прусской войны Милль был на стороне Пруссии, считая виновником войны Наполеона III «К концу войны, — пишет Мюлер, автор книги о Дж. С. Милле, — если он не сочувствовал целиком членам Коммуны, то во всяком случае был невероятно возмущен подавлением Коммуны войсками Тьера»¹⁰⁷.

В последние дни мая все секции рабочей организации Лиги земли и труда под руководством членов I Интернационала развернули широкую кампанию протеста против зверств версальских войск в Париже и за право коммунаров на политическое убежище¹⁰⁸.

27 мая 1871 г. лондонские рабочие послали Миллю письмо с приглашением принять участие в заседании «специально созданного комитета... с целью обсудить, что надо предпринять для немедленного прекращения зверств версальского правительства». В письме говорилось: «Повестка дня самая животрепещущая, и, если Вы одобряете цель, Ваше присутствие будет очень ценным»¹⁰⁹. Заседание должно было состояться 27 мая вечером. Прямо на тексте письма Милль написал черновик ответа: «Я получил Ваше письмо сегодня утром. Было уже слишком поздно, чтобы присутствовать на заседании комитета и прислать ответ. Если бы существовала хотя бы малейшая надежда на то, что демонстрация с выраженном общественном мнении, проведенная здесь, прекратит или уменьшит ужасы преступлений, совершаемых сейчас в Париже, то не знаю, чего бы я ни сделал для содействия проведению такой демонстрации. Но у меня нет никакой надежды на достижение таких результатов»¹¹⁰.

По инициативе I Интернационала 31 мая на ул. Лам Холборн, 256 состоялось многолюдное собрание рабочих. На повестке дня было два вопроса: о прекращении кровавой расправы над коммунарами в Париже и о предоставлении выдачи английским правительством французских эмигрантов. Было выдвинуто два предложения: либо организовать в Лондоне демонстрацию в защиту коммуна-

ров, либо направить делегацию к Гладстону с требованием охраны прав французских эмигрантов.

На собрании был приглашен Фредерик Гаррисон. Однако он не посчитал для себя возможным принять участие в собрании, организованном членами Интернационала, но прислал письменный ответ: «Я внимательно изучил Акт о выдаче, который делает абсолютно невозможным для любого английского кабинета министров пойти навстречу требованиям господина Жюль Фавра»¹¹¹.

Английские позитивисты не игнорировали деятельность I Интернационала, организовавшего широкую кампанию по оказанию помощи французским коммунарам, но предпочитали оставаться в стороне от массовых мероприятий. Они собирали деньги, находили жилье, устраивали эмигрантов на работу. В письме от 13 февраля 1872 г. Ф. Гаррисон писал Дж. Морли, что он «каждый день получает письма» от своих соотечественников, в которых они предлагают коммунарам либо работу, либо кров либо присылают деньги в фонд эмигрантов¹¹².

Большую и многообразную помощь оказывал эмигрантам Э. С. Бизли. В ЦПА ИМЛ хранится несколько писем Бизли к К. Марксу, в которых выражена его забота о генералах В. Врублевском и Сессилии. Узнав, что Сессилия оказалась в «большом затруднении», Бизли написал 12 декабря 1871 г. Марксу письмо, обещая «найти ему (Сессилии. — Н. Е.) работу». Он спрашивал адрес генерала и просил устроить с ним встречу¹¹³.

Генерал В. Врублевский по прибытии в Лондон тяжело заболел. Бизли хорошо знал «известного профессора госпиталя Университетского колледжа» Маршалла. 22 декабря 1871 г. Бизли отправил К. Марксу два письма, в которых сообщал о своих переговорах по поводу помещения больного генерала в больницу¹¹⁴. 6 января 1872 г. Бизли вновь подтвердил «внимательное и доброе отношение к генералу Врублевскому» со стороны профессора Маршалла, его готовность поместить больного в госпиталь¹¹⁵. Генерал Коммуны по неизвестным причинам не

¹⁰⁷ Mueller I. W. J. S. Mill and the French Thought. Urbana, 1956. p. 225.

¹⁰⁸ См. гл. IV.

¹⁰⁹ E. S. S. C. Mill-Taylor Collection, vol. II. N 184, p. 256.

¹¹⁰ Ibid., p. 433. Ответ был опубликован в «Дейли ньюс» (The Daily News, 1871, 1 Jun., p. 3).

¹¹¹ The Daily News, 1871, 1 Jun., p. 3.

¹¹² Цит. по: Harrison R. Before the Socialists, p. 233.

¹¹³ ЦПА ИМЛ. ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2666.

¹¹⁴ Там же, ед. хр. 2686.

¹¹⁵ Там же, ед. хр. 2722.

воспользовался сразу сделанным ему предложением и 25 апреля 1872 г. Бизли написал очередное письмо Марксу, вложив в него специальный бланк университетской больницы, «расположенной как раз напротив колледжа», и письмо, адресованное профессору Маршаллу¹¹⁶.

Помогая коммунарам, позитивисты в то же время все больше отходили от рабочего движения. Их помощь была скорее выражением человеколюбия, а не политической солидарности. Бизли, а особенно Гаррисон, имевший большие возможности, находили людей со средствами и обращались за содействием к ним. В автобиографических заметках Гаррисон писал: «Беспощадность, с которой Тьер и его солдаты... уничтожали коммунаров, подняла такую волну возмущения, что многие люди, не одобрявшие политические цели восстания, люди с положением и богатством с удовольствием помогали эмигрантам»¹¹⁷. Они предоставляли им жилье, деньги, делали подарки.

6 июня 1871 г. Гаррисон написал письмо Ч. Дилку, известному своими республиканскими взглядами, человеку весьма состоятельному, не безразлично относившемуся к Парижской Коммуне¹¹⁸. В письме содержалась просьба помочь «молодому французу, спасшемуся коммунару... после пережитых за последнюю неделю трудностей добравшемуся до Англии». Речь шла о Камилле Баррере, «друге Луи Блана, Делеклюза, Пиа, Кюзенера». Гаррисон просил устроить своего подопечного «на любую литературную работу». Он ссылался на статью в «Пэри Мэил газет», опубликованную в свое время за подписью «коммунист». Как выяснилось, автором ее был Баррер (впоследствии видный французский дипломат). «Он будет и может делать все», — говорилось в письме¹¹⁹.

Разгром Коммуны оказался тем поворотным моментом, который четко определил позиции всех политических партий и течений. Он способствовал завершению раскола английского рабочего движения. Лидеры тред-юнионов окончательно встали на путь реформизма и навсегда порвали с Интернационалом. Буржуазные республикан-

ды всех оттенков, в том числе позитивисты, повернули вспять.

Прошло то время, когда позитивисты во весь голос, не боясь никаких последствий, объявляли себя сторонниками Коммуны и завоевали тем самым популярность в рабочей среде. Они даже гордились тем, что ведущие газеты с гневом называли их имена в связи с парижским восстанием.

Теперь они предпочитали действовать как можно тише, не привлекая к себе внимания и не желая быть упомянутыми в прессе. И даже самые левые из них, например Бизли, не только не поддерживали, но и осуждали идею массовых выступлений в защиту эмигрантов. 31 июля 1871 г. Бизли писал Кромптопу, что организаторы митингов (а это были прежде всего члены Интернационала) «хотят просто завоевать популярность»¹²⁰.

Выступления профсоюзных лидеров против Интернационала Бизли расценил как отход английских рабочих от прежних позиций и приписал им те чувства, которые испытывал сам по отношению к последним парижским событиям. «Рабочие потрясены поджогами, они больше не сочувствуют Коммуне», — говорил он в том же письме¹²¹.

Единственное, от чего не отказались позитивисты, — то от помощи коммунарам, добравшимся до берегов Великобритании. Но это был не политический акт, а проявление гуманизма. Как и Гаррисон, Бизли рассчитывал больше всего на средства богатых филантропов и не хотел браться за внимание газетчиков на свою причастность к массовым митингам рабочих. «Я думаю, — писал он в том же письме, — нам следует оставаться в тепле, хотя бы начала, чтобы не отпугнуть многих более влиятельных людей. „Стэндард“ резко осудила Бриджиса и меня за участие в митинге, состоявшемся в Финсбери в прошлое воскресенье»¹²². Раньше это могло бы порадовать Бизли, теперь он воспринимал все по-другому.

Это письмо производит удивительное впечатление. Человек как будто зачеркивал все, что делал до сих пор.

¹²⁰ University Colledge, Watson Library, Department of Manuscripts and Rare Books (далее — U. C. W. L. D. M. S.). Beesly Papers, 1871, 31 Jul., p. 2.

¹²¹ Ibid.

¹²² Ibid., p. 2—3.

Наступил критический момент, надо было выбирать либо пойти за Интернационалом, единственным последовательным защитником французских коммунаров, либо полностью приять принципы контристов и навсегда отказаться от классовой борьбы. Позитивизм Бизли победил. Письмо кончалось искренним признанием: «Если бы и моя вера в Позитивизм (написано с большой буквы. Н. Е.), я был бы раздавлен»¹²³.

Политические единомышленники смотрели на Бизли в начале 70-х годов как на возможного вождя рабочего класса. Фредерик Гаррисон называл его «выдающимся лидером»¹²⁴. К этому стремился и сам Бизли, но полное непонимание им задач и целей классовой борьбы привело к тому, что он не сумел завоевать доверия масс. Проницательный Дж. Морли видел слабые стороны Бизли и споря с Гаррисоном о нем, писал: «Можно называть человека видным партийным лидером, но все дело в том, что партийный лидер *создает* партию, которую возглавляет, а если он этого сделать не может из-за чрезмерной грубости или из-за презрения к людям, которыми должен руководить, то я не вижу, почему нельзя лишить его этого титула?». Морли назвал Бизли «не политиком а проповедником»¹²⁵.

Причину политической изоляции, в которой оказался в конечном счете Бизли, лучше всего можно понять из слов Маркса, сказанных им в адрес контристов: «Люди решительно ничего не понимающие в существующей экономической системе, еще менее способны, конечно, понять что-нибудь в отрицании этой системы рабочими». Они так же правы в своей оценке целей рабочего класса Парижа, как г-н Бисмарк в своем заявлении, что Коммуна стремится к прусскому городскому устройству»¹²⁶. Забегая вперед, скажем, что и в дальнейшем Бизли не принимал участия в массовых мероприятиях, посвященных Коммуне. В 1872 г., когда I Интернационал во главе с Марксом решил торжественно отметить годовщину Коммуны, Бизли заранее выяснял отношение к возможному митингу у своих друзей. 11 марта 1872 г. он писал Гар-

рисону: «Наверное, нам предложат принять участие в каком-то праздновании годовщины 18 марта. Что Вы думаете по этому поводу?»¹²⁷. А 13 марта он, получив уже ответ, писал: «Я совершенно согласен с Вами, будет более благоразумно воздержаться от участия в митинге»¹²⁸. Автор не скрывал своего отрицательного отношения к устроителям собрания. «Я боюсь,— писал он,— что на этом собрании борьбу за Коммуну изобразят сектантским движением, а я категорически возражаю против этого»¹²⁹.

Биограф Бизли Ройден Гаррисон в статье «Э. С. Бизли и Карл Маркс» говорил об одинаковой судьбе этих политических деятелей. «сотрудничество» которых «пришло к концу в мрачный период» разгрома Коммуны¹³⁰. «Оба,— писал Р. Гаррисон,— совершенно потеряли популярность среди членов олигархической верхушки рабочего класса»¹³¹. Но, признав, что Маркс «гордился разрывом с лидерами английских рабочих»¹³², он не вскрыл причин этого разрыва. Маркс, разоблачив оппортунизм вождей тред-юнионов, рвал с ними, чтобы показать рабочим перерождение их лидеров, чтобы очистить Интернационал от подобных людей. 28 июля 1871 г. Ф. Энгельс писал по этому поводу Кафьеро: «Что касается раскола Товарищества, который, как говорят, уже пачался здесь в Англии, то действительно *два* английских члена Совета, спешившие с буржуазией, нашли наше воззвание гражданской войне слишком резким и вышли из Товарищества. Вместо них мы приобрели четырех новых членов англичан и одного ирландца и считаем, что стали гораздо сильнее здесь в Англии, чем были до того, как от нас ушли 2 репегата. Вместо того чтобы оказаться в состоянии распада, мы впервые публично признаны теперь всей английской печатью как *крупная европейская сила...*»¹³³. Таковы были последствия разрыва с оппортунистами.

А Бизли, «прошедший долгий путь борьбы, в резуль-

¹²³ U. C. W. L. D. M. S. Beesly Papers. 1872, 11 Mar., p. 4.

¹²⁴ Ibid., 13 Mar., p. 3.

¹²⁵ Ibid., p. 4.

¹²⁶ Harrison R. E. S. Beesly and Karl Marx, p. 224.

¹²⁷ Ibid.

¹²⁸ Ibid.

¹²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 33, с. 225.

¹²³ Ibid., p. 4. ¹²⁴ Цит. по: Harrison R. E. S. Beesly and Karl Marx, p. 238. ¹²⁵ Ibid.

¹²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17, с. 567—568.

тате которой верхушка тред-юнионов объявила его персоной *non grata*», отошел в конечном счете от активной деятельности и замкнулся в своем кружке, но даже здесь он перестал играть ведущую роль.

Что же касается Гаррисона, никогда не стремившись к роли руководителя масс, всегда относившегося очень сдержанно к Интернационалу, то он и вовсе отошел от политической деятельности. В автобиографии Гаррисон искренне описывал свое отношение к различным политическим кружкам и клубам. Ни в одном он не стал «настоящим борцом». Он прижился только в клубе «Антинеум», куда в 1878 г. его привел Дж. Морли. Клуб состоял в основном из интеллектуалов.

Как уже говорилось, Гаррисон собирался написать книгу о Коммуне, но вскоре после ее разгрома он отказался от этой мысли. В своих воспоминаниях он подтверждал многие положения, высказанные в молодости, тем не менее в них чувствуется разочарование в Коммуне. «Мы видим теперь, — писал автор о правлении Коммуны, — что все осуществлялось с насилием, с превышением власти, а при условии оккупации значительной территории и наличии врага у самых стен Парижа, все было преждевременно и обречено на гибель»¹³⁴. И так писал человек, восторженно и радостно приветствовавший Коммуну и прекрасно знавший и об оккупации, и о прусских войсках вблизи французской столицы!

Нельзя, конечно, зачеркнуть деятельность Гаррисона и в период движения солидарности с Коммуной, и в период защиты эмигрантов. Он искренне помогал спасшимся коммунарам, но делал это в чисто филантропическом плане. Никаких политических заявлений со стороны Гаррисона, так же как и со стороны Бизли, в это время сделано не было. Подводя итоги своей жизни, он пришел к выводу, что его не оценили по достоинству и чувствовал себя обиженным. «Для большинства социалистов, писал он, имея в виду прежде всего членов Интернационала, — я был только буржуа с причудами, чья помощь не смогла бы восстановить п тысячную долю невзгод причисленных классом, к которому я принадлежу»¹³⁵.

Если кто из позитивистов и стал более активным в конце 70-х годов, так это был Дж. Бриджис, но и его деятельность сосредоточилась на Английском комитете позитивистов, председателем которого он стал в 1879 г.

Пока позитивисты были связаны с рабочим движением, имели определенное влияние на тред-юнионы, они не превращались в изолированную секту. Но после разгрома Коммуны, после кампании в защиту французских эмигрантов, когда началась травля I Интернационала, когда руководители тред-юнионов окончательно встали на путь реформизма, позитивисты, оставшись на прежних позициях, потеряли опору в массах и отошли от активной борьбы. Их кружок окунулся в чисто философские проблемы, оторванные от жизни. Некоторые из них перестали вообще заниматься общественной и политической деятельностью.

Парижская Коммуна, как видно из всего сказанного выше, занимала в жизни английского общества не последнее место и, пожалуй, трудно себе представить, чтобы на это событие не откликнулись писатели. Действительно, некоторые поэты и романисты открыто выступили в поддержку революции 18 марта и Коммуны.

«Самую удивительную и неожиданную поддержку Коммуна получила от одного из самых известных английских писателей века, Джона Рёскина», — писал в статье «Британия и Парижская Коммуна» английский историк-коммунист А. Л. Мортон¹³⁶. Джон Рёскин был искусствоведом, писателем, общественным деятелем, занимался также экономическими вопросами. Единственный сын богатых родителей, он получил блестящее образование и прошел трудный и противоречивый творческий путь. В настоящей работе нет необходимости рассматривать все творчество Рёскина, остановимся лишь на одном из его крупнейших произведений 70-х годов — «Форс-Клавиджера, или Письма к рабочим и труженикам Великобритании»¹³⁷. Это труд весьма своеобразный, отлич-

¹³⁶ Marxism Today, 1971, Mar., p. 84.

¹³⁷ Ruskin J. Fors Clavigera. Sunnyside (Orpington, Kent), 1871. Заглавие книги нельзя перевести, оно выдуманно автором и объединяет несколько корней латинских слов. А. Л. Мортон расшифровывает заглавие примерно так: «Направляющий перст судьбы», или «Сила, пригвождающая к кресту».

¹³⁴ Harrison F. Op. cit., p. 22.

¹³⁵ Ibid., p. 37.

ный от всего, написанного писателем до и после него. «Письма к рабочим» Рёскин начал писать с января 1871 г. и публиковал их в периодических изданиях и отдельными выпусками на собственные средства ежемесячно. Этому труду Рёскин посвятил 14 лет жизни и написал всего 96 писем. Более ранние письма и по форме, и по содержанию отличаются от последующих. В 1871 г. был издан первый из семи томов «Форс клавиджера», в которых вошли 12 писем. Остановимся на первых семи, относящихся к зиме и весне 1871 г.

В начале 1871 г. Рёскин находился в подавленном душевном состоянии, на что он сетовал в самом первом письме: «Я просто не в силах ни рисовать, ни читать, ни разглядывать камни, я не могу заниматься тем, что люблю; и даже вид утреннего неба, озаренного солнцем, столь редким в эти дни в окрестностях Лондона, невыносим для меня, ибо все отравляет мысль о горе, причины которого мне известны и следы которого я вижу повсюду, даже когда не ведаю причин,— мысль о горе, всей глубины которого невозможно постичь никаким воображением»¹³⁸.

В последующих письмах Рёскин стремился показать рабочим причину такого «горя», которое видел он повсюду, «заставить думать... научить все тщательно обдумывать»¹³⁹. Это написано в мае 1871 г., когда в Париже происходили последние бои коммунаров с версальцами. Рёскин «заставлял думать» английских рабочих не только о положении внутри страны, но и за ее пределами.

Автор «Форс клавиджера», конечно, внимательно следил за событиями во Франции, но, черпая сведения из английских газет, он, естественно, не всегда мог правильно разобраться в происходящем. И все же, несмотря на поток ругани и проклятий в адрес Коммуны, которыми изобилвала печать, Рёскин взял под защиту парижских коммунаров. Он говорил об ужасных условиях труда рабочих, которые вели сейчас борьбу за свой заработок: он говорил об отношении хозяев к рабочим: «...богатые постоянно упрекают вас за безделье... но хотят ли они сами работать весь день?»¹⁴⁰.

В приложении к шестому письму автор «Форс клавиджера» рассказывал о пожарах в Париже, о которых только что узнал. Тонкий ценитель живописи и архитектуры, но знавший еще, что слухи сильно преувеличены, он тем не менее оправдывал поведение парижан. Рёскин считал, что Лувр и Тюильри рабочие подожгли из мести. Они не могли понять варварства своих действий в силу полной темноты и необразованности, в чем целиком виноваты капиталисты, которые умышленно оставляют рабочих в глубоком невежестве. «Увы, из этих разединенных групп людей, одной из которых предназначено учить и вести за собой другую, кто виновен больше — необучившийся или необученный?» — спрашивал автор письма и, не раздумывая, брал сторону «необученных»¹⁴¹.

Рёскин не обвинял парижан в уничтожении памятников культуры, а лишь сетовал на то, что его посчитали глупым, с ним не посоветовались, с ним, специалистом и единомышленником. Рёскин объявил себя коммунистом, но делал оговорку, что он коммунист «старой школы», поясняя свою мысль следующим образом: «Мы, коммунисты старой школы, думаем, что имущество каждого является и нашим имуществом. И поэтому я, конечно, думал, что Лувр принадлежит мне так же, как и всем парижанам. Я предполагал, что они могли бы написать мне, профессору искусства, и спросить, хочу ли я, чтобы его сожгли. Но никакой записки или запроса по этому поводу я не получил»¹⁴².

А. Л. Мортон в статье о Рёскине говорил: «В то время требовалось немало смелости, чтобы вообще назвать себя коммунистом»¹⁴³. Рёскин не побоялся причислить себя к коммунистам, больше того, в нескольких письмах он называл себя не просто «красным» и «коммунистом», а именно «темно-красным», «самым красным из красных», подчеркивая всячески свою принадлежность к левому крылу коммунистов «старой школы».

В письмах к рабочим Рёскин рассказывал о длительных беседах с различными людьми по поводу парижских событий. Он хотел понять и объяснить события на конги-

¹⁴¹ Ibid., letter 8, p. 8.

¹⁴² Ibid., letter 7, p. 2.

¹⁴³ Мортон А. Л. От Мелори до Элиота. М., 1970, с. 204.

¹³⁸ Ibid., letter 1, p. 3. ¹³⁹ Ibid., letter 6, p. 2. ¹⁴⁰ Ibid., p. 12

ненте и пыгался получить ответы на многочисленные вопросы у собеседников. Борьба парижских рабочих давала ему серьезную пищу для размышлений.

Одним из животрепещущих вопросов, на которые Рёскин искал ответ, был вопрос о войне. Рёскин давал глубокий и интересный анализ войны, в частности последней войны во Франции. Войны ведутся «ворами, алчущими богатства, земли и славы своих соседей». Кто же эти «воры»? «Действительными виновниками всех ужасных войн в Европе, — утверждал Рёскин, — являются капиталисты, это люди, которые живут на проценты от труда других вместо того, чтобы жить на собственный честный заработок»¹⁴⁴. Рёскин сделал замечательный вывод о современных гражданских войнах, назвав их классовыми битвами, столкновением капитала с трудом. «Настоящая война в Европе, начало которой положила борьба в Париже, — это война между капиталистами и рабочим, таким, каким они его сделали. Они держали его в бедности, темноте и пороке, чтобы, пользуясь его невежеством, присвоить весь продукт его труда... И такой, каким они его сделали, он столкнулся с ними теперь и столкнется с ними в будущем»¹⁴⁵.

Конечно, Рёскин не мог дать того глубокого классового анализа Коммуны, который сделал К. Маркс, но заслуга его в том, что уже тогда, будучи современником событий, он во многом сумел правильно оценить революцию в Париже и понял непримиримость классовых противоречий.

Письма такого маститого писателя, как Рёскин, получили широкую известность в Англии. 27 июня 1871 г. на страницах газеты «Би-хайв» была помещена статья «Рёскинизм», подписанная инициалами J. H. Она была посвящена пяти «Письмам к рабочим и труженикам Великобритании», опубликованным к тому времени. Автор статьи выражал полную солидарность с Рёскиным, рисовавшим бедственное положение рабочих, и давал высокую оценку произведению известного английского писателя: «Джон Рёскин — такой блестящий стилист и к тому

же смелый и оригинальный мыслитель, что, когда он говорит, всему миру стоит его послушать»¹⁴⁶.

В 1872 г. в Лондоне вышла книга Элизы Линн Липтон — английской писательницы, жены известного чартиста, поэта Вильяма Джеймса Липтона. Книга «Правдивая история Джошуа Дэвидсона» с литературной точки зрения не представляла большого интереса, теоретические рассуждения автора тоже довольно примитивны, но Л. Липтон очень хорошо показала отношение рабочего класса Англии к Коммуне. Многие факты и высказывания героев этого произведения взяты из жизни.

Книга написана от лица Джопа — близкого друга и соратника главного героя книги, Джошуа Дэвидсона. Сын сельского плотника, Джошуа рано уезжает из деревни в Лондон и становится рабочим. Там он знакомится с социалистами, встречается с бывшими участниками революционного движения 1848 г. во Франции, в том числе с Феликсом Пиа. Когда создавалось Международное Товарищество Рабочих, рассказывается в книге, Джошуа «был одним из первых его членов; он во многом помогал его основанию»¹⁴⁷. Джошуа писал политические статьи в защиту рабочих. В одной из первых статей он говорил, что рабочие смогут освободить себя от пут капитализма только путем создания «классового братства во всем мире»¹⁴⁸.

Линн Липтон живо передала настроения прогрессивных кругов английского общества после победы революции. «Когда 18 марта была провозглашена Коммуна, — писала она, — только тот, кто исповедовал передовые политические идеи, смог бы описать страстную надежду, которая пробудилась в людях, желавших свободы и веривших в социальный прогресс. Конттисты, члены Интернационала, сторонники светской школы, социалисты, республиканцы... — все устремили взоры к Парижу в напряженном ожидании, которое было столь мучительно, будто мы стояли со связанными руками и наблюдали за борьбой самого дорогого друга»¹⁴⁹.

¹⁴⁶ The Bee-Hive, 1871, 27 Jun., p. 2.

¹⁴⁷ Linton L. The True History of Joshua Davidson. Leipzig, 1873, p. 138.

¹⁴⁸ Ibid., p. 139. ¹⁴⁹ Ibid., p. 210.

¹⁴⁴ Ruskin J. Op. cit., letter 7, p. 16.

¹⁴⁵ Ibid., p. 17.

Устами своего героя Л. Линтон объясняла, почему английские рабочие так напряженно следили за событиями в Париже: «Успех Коммуны в Париже означал освобождение рабочего класса здесь, и позднее — мирное установление рес публки, а что она будет создана мирным путем или нет — в это верили мы все»¹. 19 марта Джошуа собрался ехать в Париж. Герой книги не мог оставаться в Лондоне, когда в Париже решалась судьба рабочего человека. Вместе со своим другом Джоном он уезжает. Устами героев писательница опровергала английские газеты, пестревшие заметками об ужасах и беспорядках в Париже. «Никогда не был Париж таким свободным от преступлений, как во время правления Коммуны, никогда не был он так чист», — таково первое впечатление героев о городе¹⁵¹.

Джошуа и Джон приняли участие в баррикадных боях. Вместе с парижскими рабочими они переживают последние дни Коммуны, испытывая отчаяние и горечь, воспринимая падение Коммуны как гибель мечты о свободе не только в Париже, но и во всей Европе. Однако автор книги верила в будущее. Линтон писала, что с победой версальцев «надежда на свободу в Европе была потеряна, но только на время. С такой же закономерностью, с какой день сменяет ночь, права человека должны сменить тиранию и угнетение, так давно правящие миром, и будущее, за которое погибла Коммуна, восторжествует»¹⁵².

После разгрома Коммуны герои книги возвращаются на родину. Но и здесь Джошуа продолжает бороться «во имя человечества, которое любил, во имя правды, которой посвятил всю жизнь»¹⁵³. Он принимает решение совершить поездку по стране с лекциями о Коммуне. Джошуа рассказывает слушателям, каковы были цели коммунаров, объясняет им суть коммунистических идей. Коммунизм Джошуа был примитивным христианским коммунизмом.

Сочинение Линн Линтон имело большой успех в проресивных кругах английского общества. За два года оно

переиздавалось 10 раз. Книга произвела большое впечатление на Фредерика Гаррисона. Ее скупали для распространения в противовес яростной враждебной коммунарам пропаганде¹⁵⁴.

Большое влияние Коммуна оказала на известного английского писателя Джорджа Мередита. Современники считали Дж. Мередита одним из самых выдающихся писателей своего времени. На закате лет, подводя некоторые итоги жизни и вспоминая встречи с самыми разными людьми, Фредерик Гаррисон писал о нем: «В течение 50 лет я наблюдал постепенное возвышение Джорджа Мередита. Он прошел путь от полной неизвестности к всеобщему признанию. Это был настоящий гений, сердечный друг, блестящий рассказчик... Он с неизменным мужеством переносил и тяжелые времена, и счастливые дни и никогда не терял самоуважения»¹⁵⁵.

Мередит восторженно встретил провозглашение республики во Франции. В декабре 1870 г. в журнале «Форт-дайтли ревю» была опубликована ода Мередита «Франция 1870», написанная в честь этого события. 27 февраля 1871 г., переживая поражение Франции, Мередит писал своему близкому другу Фредерику А. Максу: «Дела во Франции достаточно огорчительны... Она раздавлена. Я глубоко скорблю. Я питаю отвращение к жестокости, которую применяют по отношению к ней»¹⁵⁶. В этом письме Мередит излагал свои взгляды на будущее: «Я хочу, чтобы Вы и я могли надеяться и верить в светлое будущее человечества, сохраняя способность спокойно оценивать современную фазу истории и не давая нашим чувствам ни ослепить, ни утратить нас. Я не поддерживанию ни Германию, ни Францию, ни Англию (пока ничто не угрожает нации). Я — европеец и космополит, я — за человечество! Ту нацию, которая окажется наиболее достойной, я буду любить и почитать»¹⁵⁷.

Капитан Макс, адресат письма, придерживался взглядов, близких к позитивистам, бывал на собраниях, где

¹⁵⁴ См.: *Lindsay J. The Commune of Paris and English Literature.*— *Marxism Quarterly*, 1954, vol. 1, N 3, p. 179.

¹⁵⁵ *Harrison F. Op. cit.*, p. 115.

¹⁵⁶ *Meredith G. The Letters.* Oxford, 1970, vol. 1, p. 440.

¹⁵⁷ *Ibid.*, p. 441.

¹ *Ibid.*, p. 210—211. ¹⁵¹ *Ibid.*, p. 213.

² *Ibid.*, p. 225—226.

³ *Ibid.*, p. 237.

они выступали, писал брошюры и читал лекции по социальным и политическим вопросам. В одной из таких лекций — «Причины социального мятежа» («The Cause of Social Revolt»), опубликованной и прочитанной им в 1872 г. в Лондоне, Портсмуте, Ноттингеме, Дерби и Гринвиче, он говорил о положении рабочего класса: «Огромный класс труженников обречен из поколения в поколение на непрерывную борьбу за существование. До тех пор пока будет продолжаться эта борьба и в мере распространения знаний все громче и сильнее должны звучать призыв к более свободному государству»¹⁵⁸.

Брошюра была проникнута сочувствием к Парижской Коммуне. Автор с возмущением писал о жестокой расправе с коммунарами, об «ужасной майской неделе, когда темная солдатская масса ворвалась в Париж и именем религии и порядка потопила в крови парижских рабочих и их семьи, в то время как клерикальные журналы подстрекали солдат на дальнейшие расправы: на один из них с возмущением вопрошал, почему убито только 40 тыс. коммунаров»¹⁵⁹. Демократию невозможно уничтожить, по убеждению Ф. Макса, ни с помощью «одетых в форму» и «обманутых крестьян», как это «только что было сделано в Париже», ни с помощью «отвратительных эпитетов» в адрес тех, «кто трудился во имя полного возрождения всего человечества». Макс верил, что, пока «победоносная идея... продолжает жить, люди будут отдавать свою жизнь неустанной борьбе за коренные преобразования»¹⁶⁰.

Лекция Ф. Макса в сокращенном виде была опубликована 23 марта 1872 г. в газете «Би-хайв». Примечательно, что два приведенных выше отрывка были опущены. Именно те места, где говорилось о Парижской Коммуне и о стремлении к переустройству государства. Редакция «народной газеты» не сочла возможным напечатать.

Капитан Ф. Макс оказал определенное влияние на взгляды Мередита и послужил прообразом главного героя

этого романа «Карьера Бьючемпа», над которым Мередит начал работать вскоре после разгрома Парижской Коммуны. Хотя действие романа относится к периоду Крымской войны и послевоенных лет, в нем живо передана атмосфера и настроения английского общества 70-х годов XIX в. Многие мысли, диалоги, ситуации навеяны той обстановкой, в которой жил автор, и теми лицами, с которыми он встречался. Об этом Мередит откровенно писал своему другу Аугустусу Ессопу: «Основная идея романа охватывает весь мир, его диалоги — это передача мыслей людей нашего мира и лучшего из написанного»¹⁶¹.

Содержание романа довольно сложно. Ограничимся кратким его изложением¹⁶².

Герой книги — Невиль Бьючемп — рано остался сиротой и воспитывался в доме богатого дяди. Невиль — участник Крымской войны. После тяжелой личной драмы он возвращается на родину и, теперь уже не наивный и доверчивый юноша, а вполне зрелый молодой человек, новыми глазами смотрит на нее. Вскоре после приезда в Англию Бьючемп участвует в избирательной кампании под влиянием «убежденного радикала», доктора Шрэпнеля, выставляет свою кандидатуру в парламент. Со всей силой своего таланта разоблачает Мередит комедию избирательной кампании. Пользуясь случаем, он подвергал острой критике партию либералов, стоявшую в 70-х годах у власти. «Это люди компромисса, — говорил Мередит устами Шрэпнеля, — это конгломерат атомов... У них нет живой связи, потому что нет жизненных принципов! ...Либералы — воплощение того, что есть пренеприятного в политике...»¹⁶³

Партия тори провалила Бьючемпа на выборах, но он не сдается и «окончательно теряет рассудок», по мнению того круга, где он рос и воспитывался. Невиль объявляет себя республиканцем и выступает на митингах рабочих в промышленных городах Англии, где произносит пламенные речи в защиту трудящихся, разоблачая суще-

¹⁶¹ Meredith G. Op. cit., vol. 1, p. 478.

¹⁶² Анализ творчества Дж. Мередита, в частности его романа «Карьера Бьючемпа», дан в книге современного английского писателя и критика Джека Линдсея. — Lindsay J. George Meredith.

¹⁶³ Meredith Дж. Карьера Бьючемпа. СПб., 1876, с. 228.

¹⁵⁸ Цит. по: Lindsay J. George Meredith, p. 192.

¹⁵⁹ Ibid., p. 193.

¹⁶⁰ The Bee-Hive, 1872, 23 Mar., p. 11.

существующий порядок. Молодой человек с «французским пороком в голове», говорит о нем дядя¹⁶⁴.

Большую роль в романе играют доктор Шрэннел, идейный руководитель Невилля. В его письмах выражены республиканские взгляды, характерные для Англии 70-х годов. В одном из них «коммунист» и «социалист» Шрэннел призывает Невилля посвятить свою жизнь служению народу. Он подвергает резкой критике правящие круги Англии, для которых «комфорт — главная идея жизни», за охрану его они платят и «называют это национальной защитой», «национальной честью». Под влиянием Шрэннеля, своего учителя, Невиль становится страстным агитатором, «им овладела жажда говорить перед народом», цель его жизни — «жизнь для народа»¹⁶⁵. При этом, однако, Бьючемп не становится революционером. Его рассуждения напоминают мысли позитивистов. Он боится революционных взрывов и надеется, что аристократы сами поймут необходимость уступок как материальных, так и политических. Показателем разговора Невилля с богатой аристократкой Сессилией Хэлкет: «Там вы хотите взорвать Маунт Лорель, мою бедную усадьбу в виде примпрительной жертвы бедным классам?» — спрашивает Сессилия. «Я надеюсь поставить ее на более прочный фундамент», — отвечает Невиль. — «С помощью взрыва?» — «Предупредив его»¹⁶⁶.

Многие страницы романа посвящены осуждению английских буржуазных газет. Герой обвиняет прессу, «провозглашающую себя независимой», в том, что она «едва смеет сделать шаг из-за страха задеть чьи-то интересы то здесь, то там, у нее нет совести». Такая пресса не может служить народу. «Она плохой руководитель, неверный страж»¹⁶⁷. Невиль убежден в необходимости самостоятельного печатного органа для народа. Им может быть только ежедневная газета. Основанию рабочей газеты Бьючемп решил отдать все свои силы.

В начале романа Невиль с горечью говорит: «Мне кажется, что Англии нужно проснуться, если она хочет жить». В конце книги герой верит в это пробуждение. «Он видел в мечтах своих новый свет, поднимавшийся

над Лондоном». Этому способствует газета «Рассвет», на страницах которой «вы слышите голос всего зрелого поколения Англии»¹⁶⁸.

Герой романа предстает перед читателем пламенным борцом за светлое будущее английского народа. Верный ученик «социалиста» Шрэннеля, он «держался за свои идеи, как другие за наслаждение жизнью, страстно, отчаянно... Они были для него все в жизни»¹⁶⁹. Книга кончается гибелью героя. Невиль тонет, спасая мальчика, сына рабочего. Конец книги символичен. «Нельзя видеть проники в смерти такого человека; спасенный ребенок — это будущее, за которое он борется, ребенок — это рабочий класс, и за ним — следующее слово». — так оценивает заключительную сцену романа писатель-коммунист Дж. Линдсей¹⁷⁰.

Пожалуй, ни в одном художественном произведении того времени не показано так живо английское общество 70-х годов, которое под влиянием бурных событий на континенте пришло в движение.

Еще в процессе написания романа Мередит выражал опасения, что произведение не поймут и примут плохо, о чем он говорил в приведенном выше письме к А. Ессону¹⁷¹. Предположения писателя оправдались. Ему пришлось столкнуться с большими трудностями при опубликовании романа. Журнал «Корнхилл» отказался печатать роман, после долгих переговоров Дж. Морли согласился печатать его, и то в сокращенном варианте, в журнале «Фортнайтли ревю», где он и появился в ноябрьском номере 1874 г. Полностью роман был издан лишь в следующем, 1875 г. Интересно отметить, что в русском переводе М. Цебриковой роман был опубликован в Петербурге уже в 1876 г.

Роман Мередита был внимательно прочитан С. М. Степняком-Кравчинским, проживавшим с конца 70-х годов в Лондоне. В его записных книжках за 1880 г. имеется запись: «Beauchamp's Career» и дальше перечислены все персонажи романа¹⁷².

¹⁶⁴ Там же, с. 282.

¹⁶⁵ Там же, с. 333.

¹⁶⁶ Там же, с. 125.

¹⁶⁷ Там же, с. 381.

¹⁶⁸ Там же, с. 382. ¹⁶⁹ Там же, с. 365.

¹⁷⁰ *Lindsay J. George Meredith*. p. 220.

¹⁷¹ *Meredith G.* Op. cit., vol. 1, p. 478.

¹⁷² ЦГАЛИ. ф. 1158, оп. 1, ед. хр. 123, л. 83.

Степняк-Кравчинский был знаком с английским писателем и с его дочерью Мэри Э Мередит. Он преподнес ей, видимо, в начале 1890 г свой роман «Андрей Кожухов» и 12 марта того же года получил от Мэри письмо. Глубоко социальный роман Степняка дочь Мередита сравнивала с произведениями своего отца. Ближе всех по духу к «Андрею Кожухову» был именно роман Мередит «Карьера Бьючемпа». В письме говорилось: «Герои романов моего отца я порой воспринимаю как сестер. Я многое переживаю как они, и то же самое я почувствовала по отношению к женщинам Вашего романа»¹⁷³.

Высокую оценку книге Мередит «Карьера Бьючемпа» дал Дж. Линдсей: «Этот великолепный роман является единственным произведением, посвященным исключительно политической теме своего века, на протяжении всего романа борьба за личное освобождение проходит как борьба против капитализма и его ценностей во всех слоях общества»¹⁷⁴. Произведение Мередит Линдсей поставил в один ряд с романом Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

Восставшие французские рабочие заставили задуматься над судьбами европейских стран не только прогрессивную интеллигенцию, занимавшуюся общественно-политической и литературно-публицистической деятельностью, но и привели в смятение даже таких людей, далеких от политики, да и вообще от жизни, каким был философ-теолог, католический священник и поэт Дж. М. Гопкинс. Интересно проанализировать его большое письмо к ближнему другу поэту Роберту Бриджису.

В письме от 2 августа 1871 г, которое автор поэтики назвал «красным письмом», Гопкинс признавался «Я должен тебе сказать, что все время думаю о коммунистическом будущем. Сейчас хозяин положения — очень образованный ремесленник, в этом я уверен. Может быть, в это верят все. Я редко читаю газеты и мало встречаюсь с иностранцами, поэтому многое могу не знать» Гопкинс подчеркивал, что живет очень замкнуто и уединенно, но, несмотря на это, он чувствовал, «что великая революция не так далеко» Он признавался своему другу в самом

откровенном. «Страшно сказать, но в чем-то я коммунист. Их идеал, за небольшим исключением, более благородный, чем мой, который проведет любой известный мне светский государственный деятель»¹⁷⁵.

В письме автор изложил свое понимание взглядов коммунистов. Размышления Гопкинса были вызваны недавними событиями в Париже. «Они (коммунисты.— Н. Е.), — писал он, — откровенно заявляют о полном безразличии к тому, что ломают и сжигают. Старая цивилизация и порядок должны быть разрушены. Это ужасная точка зрения, но что сделала для них старая цивилизация? В Англии в настоящее время она в значительной степени обречена на слом». Гопкинс писал о громадном богатстве Англии, о том, что, несмотря на это, положение трудящихся не улучшается: «Англия стала невероятно богатой, но оно не достается рабочему классу; я полагаю, что, наоборот, богатство ухудшает его положение... Рабочий класс, — продолжал поэт, — не имеет никакого образования», он не знает ничего о культуре Англии. Так почему он должен шадить те памятники культуры, о которых ничего не знает, «почему он не должен их разрушать?»¹⁷⁶.

Все приведенные выше отрывки из письма Гопкинса перекликаются с мыслями Рёскина и Мередит. Такие взгляды получили довольно широкое распространение в среде прогрессивной и думающей интеллигенции Великобритании.

Коммуна привлекла внимание не только людей зрелых, но и часть студенческой молодежи. К сожалению, в нашем распоряжении имелись лишь косвенные доказательства. И все же они есть. В 1881 г. в Англии в течение короткого периода находился И. С. Тургенев. Он вместе со своим переводчиком и знатоком русского фольклора У. Р. С. Ральстоном, работавшим многие годы в библиотеке Британского музея, ездил в Кембридж. Там, в Тринити-колледже, он был на студенческом диспуте, где выступал один из студентов последнего года обучения с тезисами, написанными еще в дни Парижской Коммуны

¹⁷³ Там же, ед. хр. 356

¹⁷⁴ *Lindsay J. George Meredith*, p. 221

¹⁷⁵ Цит. по: *Ritz J. J. Robert Bridges and Gerard Hopkins*. London, 1968, p. 55

¹⁷⁶ *Ibid*

в ее защиту. Он продолжал отстаивать свою точку зрения и после разгрома Коммуны. И хотя большая часть собравшихся не поддержала его, на Тургенева выступление выпускника колледжа произвело большое впечатление. Он был «поражен» его способностями и «предсказывал ему блестящую карьеру»¹⁷⁷, но, к несчастью, юноша очень рано умер.

Посещение известным русским писателем Кембриджа описал Ральстон в своих воспоминаниях, посвященных Тургеневу и опубликованных после его смерти в 1883 г. в журнале «Атенеум»¹⁷⁸. Позднее они были переведены на русский язык А. Онегиным и направлены в редакцию газеты А. С. Суворина «Новое время». На рукописи имеется пометка: «Не для печати»¹⁷⁹. В переводе есть любопытная сноска, относящаяся к личности студента: «Покойный Дилке, брат министра?»¹⁸⁰. И хотя Эштон, брат Чарльза Дилка, был во время Коммуны несколько дней в Париже и тоже умер еще совсем молодым в 1883 г., нам не удалось пока найти никаких документов, подтверждающих их идентичность.

Этот небольшой эпизод показывает, что даже в консервативном Кембридже в студенческую среду, состоявшую в те годы из детей привилегированных родителей, проникали идеи Коммуны и были люди, рискующие иначе посмотреть на события в Париже и выступить в их защиту.

В годы, последовавшие за разгромом Коммуны, в Англии продолжали появляться произведения, посвященные ей. Современники еще долгое время находились под впечатлением этих великих событий.

Итак, многие представители радикально настроенной интеллигенции Англии смело взяли под защиту дело Коммуны, выступая в периодической печати, другие выразили свое отношение к ней в литературных произведениях. Коммуна вызвала к жизни обсуждение острых вопросов политической и социальной жизни страны.

¹⁷⁷ ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 2, ед. хр. 734, л. 18. Воспоминания частично опубликованы в кн.: И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1969, т. 2, с. 327.

¹⁷⁸ The Athenium. 1883. 15 Sept., N 2914.

¹⁷⁹ ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 2, ед. хр. 734, л. 18.

¹⁸⁰ Там же.

Глава III
АНГЛИЙСКИЕ ОЧЕВИДЦЫ
О
ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ

Публицистические статьи в защиту Коммуны, напечатанные в либеральной прессе в 1871 г., были написаны не только на основании анализа официальной информации, но и с широким использованием устных и письменных свидетельств англичан, оказавшихся в дни Коммуны в Париже или приехавших туда специально и наблюдавших начало восстания, победу Коммуны и ее разгром.

Несмотря на то что город тщательно охранялся, в апреле—мае 1871 г. в Париже побывало много совершенно посторонних людей, в том числе англичан. Некоторые из них провели в революционной столице всего несколько дней, другие — весь период восстания. Трудно определить число этих наблюдателей. Важно другое: многие, вернувшись на родину, рассказали и даже написали о своих впечатлениях.

Видимо, устных рассказов было куда больше, чем опубликованных, и они, вероятно, более красноречиво и подробно рисовали картины революционного Парижа, о чем, в частности, можно судить по некоторым оговоркам Ф. Гаррисона, Дж. Бриджиса, Э. Бизли и других авторов статей в поддержку Коммуны, о чем уже говорилось в предыдущей главе.

При более тщательном изучении и отборе материала по эпохе Коммуны оказывается, что мы располагаем довольно большим числом письменных свидетельств, многие из которых были опубликованы либо в период событий, либо вскоре после разгрома Парижской Коммуны. Есть, конечно, и более поздние воспоминания, есть и неопубликованные мемуары и заметки. Анализ этих весьма разнообразных и по форме, и по содержанию материалов приводит к интересным выводам.

С одной стороны, воспоминания содержат много одинаковых наблюдений. Это касается прежде всего внешней стороны жизни французской столицы. Все очевидцы гово-

рили о чистоте и порядке в городе, о вежливости национальных гвардейцев, о хорошем отношении к иностранцам, особенно к англичанам. С другой стороны, каждый из наблюдателей подметил что-то, с чем он больше всего сталкивался, мимо чего не прошел. Это было связано с обстоятельствами жизни приезжего, его профессиональными интересами, встречами и беседами, иногда даже случайными и мимолетными, с самыми разными людьми. В общем, и специфическое в воспоминаниях и рассказах очевидцев служит весьма ценным материалом для современного исследователя.

Есть одна характерная черта мемуарной литературы этой эпохи. Буквально все свидетели пытались понять и осознать развертывавшиеся на их глазах события, а в связи с этим как можно глубже вникнуть в происходящее, запомнить даже самые, казалось бы, незначительные детали. В результате мы имеем иногда удивительно подробные, подчас скрупулезные описания событий.

Все авторы подчеркивали свою полную незаинтересованность, беспристрастность и объективность. И хотя безусловно, в каждом воспоминании чувствуется субъективное восприятие событий, порой имеющее и профессиональную окраску, эти документы не дополняют, а опровергают официальную информацию.

На основании изучения мемуарной литературы можно воссоздать довольно полную картину жизни Парижа во время Коммуны. Сказанное не означает, что приводимые ниже отрывки из мемуаров, писем, дневников и рассказов в одинаковой степени выражают поддержку Коммуне. Напротив, многие из цитируемых документов написаны людьми, либо весьма далекими от политики, либо считавшими Коммуну «роковой ошибкой». Тем не менее во всех случаях чувствуется резкое осуждение политики Тьера. Авторы большинства мемуаров и писем известны, хотя есть и анонимные рассказы. После этих общих замечаний обратимся к самим документам.

13 апреля в «Дейли ньюс» был напечатан отрывок из «частного письма» некоего «джентльмена», приехавшего «с товарищем» на несколько дней в Париж. Газета не сообщала его имени, осталась неясной и цель его поездки во Францию. «Джентльмен» прибыл в Париж в первых числах апреля, в самом начале деятельности Ком-

муны. Англичане имели рекомендательное письмо к Флурансу и намеревались посетить оборонительные укрепления коммунаров. Не имея специального пропуска, они прежде всего направились в ратушу. В письме живо описана сцена у баррикады близ ратуши. Среди борцов за Коммуну, помимо национальных гвардейцев, англичане увидели «партизан, нескольких солдат линейных войск, моряков, офицера гарибальдийской армии» и много женщин — они принесли еду и наводили справки о своих родных. Несмотря на пеструю толпу, случайные наблюдатели отметили «образцовый порядок» в рядах защитников. Обобщая свои впечатления о Коммуне, автор письма сделал характерную для многих очевидцев оговорку, «что они (впечатления. — Н. Е.) совершенно отличаются от мнения корреспондентов». Судя по сообщениям газет, сторонники революции составляли «лишь небольшую часть Парижа». Автор это полностью отрицал. «Большинство, находящееся сейчас в Париже, сердечно приветствует Коммуну», — писал англичанин. Парижане настроены против версальцев, называли их «канальями» и «пруссаками» («частично по привычке, частично подозревая связь с немцами», — замечает он). Автор письма удивлялся, почему корреспонденты описывали национальных гвардейцев «лишь черными красками». По его мнению, у гвардейцев был очень внушительный вид. «Их респектабельность сразу поразила меня», — писал он. Их храбрость и отвагу автор письма не подвергал никакому сомнению. Очевидец подчеркивал «исключительную вежливость» обращения с ним повсюду, начиная со случайных встречных, кончая ратушей.

«Я уверен, — говорилось в конце письма, — что любой непредубежденный англичанин, увидевший неисчерпаемую энергию, самопожертвование и патриотизм этих людей в сравнении с ленью и интригами империи, а равно и Собрания, воскликнул бы громко, как все парижане: „Да здравствует Коммуна! Да здравствует Париж!“¹. Это несколько восторженное письмо — одно из немногих живых свидетельств о Коммуне, нашедшее отклик на страницах английских газет уже в апреле.

Небольшая заметка, относящаяся к этому же периоду

¹ The Daily News, 1871, 13 Apr., p. 6.

и опубликованная в газете «Шеффилд дейли телеграф» была написана «парижским корреспондентом», еще одним свидетелем событий.

Корреспондент задолго до революции в Париже был знаком с французским журналистом (имя названо не было), который стал «министром Коммуны». По просьбе англичанина старые знакомые встретились неофициально и говорили вполне откровенно. Министр революционного правительства сказал своему другу: «Если мы такие грубые и жестокие тираны, как пищут Ваши друзья из газет, повинуюсь, как я думаю, приказу, полученному от своих редакторов, неужели мы бы стали терпеть здесь эти сборища англичан? Они собираются по вечерам, нас смеются над нами и договариваются, как похуже изобразить нас перед всем миром!»².

Министр напомнил, как английские журналисты вели себя в эпоху Империи и в прусском штабе, где им «не разрешали ходить свободно повсюду, не разрешали писать обо всем». Их в любой момент могли выслать из страны.

Рассказ министра не ограничился обвинением корреспондентов в искажении фактов. По просьбе англичанина коммунар рассказал о положении члена революционного правительства и об оплате его труда. «Наше правительство бедное», — говорил министр. Член Коммуны получает «дневную оплату рабочего», хотя «трудится в четыре раза больше», но никто не преследует «выгоду», а работает только ради «великой цели»³.

Из этой небольшой заметки при желании можно узнать очень многое и еще раз убедиться в искажении английскими журналистами правды о революции, Коммуны, ее борцах и руководителях.

Примерно в это же время провел несколько дней во французской столице Эдвард Боуэн. Его имя стало известно благодаря исследованиям А. Ф. Ротштейна, результаты которых он изложил в статье «Парижская Коммуна — британские свидетели», опубликованной в журнале «Лейбор мансли» за март 1974 г.⁴

Блестящий преподаватель и педагог, всю жизнь проработавший в частной школе Харроу, директором которой он был последние годы жизни, Эдвард Боуэн сделал много для улучшения системы преподавания и воспитания учащихся. Его перу принадлежит целый ряд интересных теоретических статей по педагогике.

Это был человек незаурядный, живой, любознательный. Он изучал не только историю, педагогику и литературу, но находил время для астрономических наблюдений и длительных путешествий. Э. Боуэн не оставался равнодушным к политическим вопросам современности и предпочитал изучать их на основании собственных наблюдений. Исходя из такой жизненной установки, он стал свидетелем военных действий в годы шлезвиг-гольштинской и франко-прусской войн. Та же любознательность заставила его отправиться в Париж весной 1871 г. во время пасхальных каникул и самому попытаться понять, что происходило во французской столице. В 1871 г. Эдварду Боуэну было 35 лет, он приехал в Париж не один, а со своим приятелем и коллегой — молодым преподавателем той же школы Фрэнсисом Маршаллом.

Друзья имели рекомендательное письмо к англичанину, проживавшему в Париже, который познакомил их с некоторыми членами Коммуны и подробно рассказал о положении дел в городе, особенно в ратуше. Таким образом, Э. Боуэн получил довольно подробную информацию. Помимо этого, он посещал республиканский клуб и внимательно слушал все выступления, скупал все газеты и журналы, листовки и прокламации и тщательно прочитывал их позже, дома.

Англичане прожили в Париже неделю, а на второй день по возвращении домой Э. Боуэн написал матери подробное письмо о своем путешествии. Письмо, сохранившееся и позднее опубликованное племянником, У. Э. Боуэном⁵, было написано под свежим впечатлением поездки. Оно делилось как бы на две части, о чем говорил и сам автор. Сначала последовательно излагались события, свидетелями которых были два друга, затем давалась оценка событий и делались некоторые выводы.

² The Sheffield Daily Telegraph, 1871, 24 Apr., p. 3. V. L. C.

³ Ibid.

⁴ The Labour Monthly, 1974, Mar., p. 130—134.

⁵ Bowen W. E. Edward Bowen. A Memoir. London, 1902, p. 130—132.

Все письмо проникнуто симпатией к восставшим. И Э. Боуэн произвели сильное впечатление руководители Коммуны, с которыми он встречался. Автор отмечал хорошую военную оснащенность восставших, говорил, что «солдаты Коммуны хорошо сражаются». И все-таки он сомневался, «сможет ли она устоять» перед напором регулярной армии Тьера. Из личных наблюдений, из прочитанного и услышанного автор письма сделал вывод, что в Париже «все единодушно (за исключением немногих представителей высших классов) в своей ненависти к версальцам, особенно к Тьеру, Жюлю Фавру и большинству всего к Пикару...». «Одним словом,— писал он,— Париж находится полностью во власти низших классов, которые хорошо им управляют. Насилий и преступлений стало по крайней мере в два раза меньше, чем прежде, хотя в городе нет ни одного полицейского и ни один суд не заседает»⁶.

16 лет спустя, 31 октября 1887 г., Э. Боуэн прочитал лекцию о Парижской Коммуне в Либеральном клубе в Харроу. Э. Боуэн подробно рассказал слушателям о положении в Париже накануне революции, о революционных событиях, свидетелем которых был, о своих впечатлениях. Особое внимание он уделил отношению коммунаров к республике. «В одном,— говорил он,— я абсолютно убежден — они (коммунары.— *Н. Е.*), несмотря на все свои ошибки, спасли французскую республику. Пока шла борьба, никто в Версале не мог даже заикнуться о реставрации королевской власти»⁷. А после разгрома Коммуны, развивал свою мысль лектор, Тьер понял, что «вся страна стоит за республику, он окажется полностью во власти ситуации». «Только благодаря ей (Коммуне — *Н. Е.*),— делал вывод Боуэн,— Франция не стала весной 1871 г. монархией»⁸.

В лекции было сказано о полном порядке в городе и о спокойствии его жителей «Вы ждете,— говорил Боуэн,— что я расскажу вам о душераздирающих сценах беспорядках, о буйствах и преступлениях, о случаях счастливого исчезновения коммунаров из города и романтических переодеваниях, о типичных картинах револю-

⁶ Ibid, p. 132

⁷ Ibid, p. 345

⁸ Ibid

ционного времени. Если так, вы будете разочарованы. в Париже царило полное спокойствие, если можно так говорить о городе, укрепления которого бомбили каждый день»⁹.

Боуэн остановился специально на расстреле заложников. «Вы забыли, — сказал он, — что у коммунаров до последнего дня было еще двести заложников и они *не были* расстреляны»¹⁰. Он напомнил слушателям, что версальцы «бесстрастно убивали буквально тысячами» защитников города¹¹. Когда же Коммуна была у власти «вплоть до самого ее крушения... не было ни одного» убитого¹².

Вся лекция была проникнута сочувствием к восставшему народу и презрением к версальскому правительству. Боуэн назвал Коммуну «самым драматичным» и «самым плодотворным» революционным периодом из всех ему известных ранее¹³. Коммуна «была не только движением за республику. Движение таило в себе протест против социальной системы, существовавшей во время империи...»¹⁴.

Большинство англичан, бывших в Париже весной 1871 г., вернулись домой после разгрома Коммуны, поэтому большая часть имеющихся в нашем распоряжении свидетельств появилась в печати в мае—июне 1871 г. Это не означает, что в них описаны только последние дни существования Коммуны, хотя есть и такие. К ним, в частности, принадлежит письмо в редакцию «Последние дни Коммуны», опубликованное в июльском номере историко-литературного и отчасти политического журнала «Джентльменс мэгэзин». Его автор Дж. Марш наблюдал в Париже расправы версальцев над коммунарами. Поведение «непредвзятого очевидца» о жестоком подавлении восстания звучало гораздо убедительней, чем газетные статьи профессиональных корреспондентов. «Зверства, совершенные над коммунарами, мужчинами и женщинами, схваченными по соседству с улицей Риволи, были ужасны»¹⁵. Женщин, писал Дж. Марш, убивали целыми группами, над мужчинами издевались. Расстрелы производились либо вблизи баррикад, либо просто посре-

ди улицы, а потом тела увозили на крестьянских телегах за город. Мужчины вели себя достойно и «шли на казнь, встречая мученическую смерть»¹⁶. Гвардейцы, с которыми общался Дж. Марш, «были или ремесленники, или служащие», среди них не было «тех бродяг и бездельников, чьи лица и фигуры так часто рисовали для нас иллюстрированные журналы». С большим чувством автор статьи говорил о простых парижанах — участниках баррикадных боев. «Я не видел ни одной женщины, чьи злые и жестокие лица так часто и так детально рисовывали первые английские сообщения»¹⁷. Очевидец событий подвизал активное участие парижских женщин в уличных боях против версальцев. Они сражались наряду с мужьями и братьями. Дж. Марш заставил читателей задуматься над судьбой детей, оставшихся сиротами¹⁸. По его сведениям, за неделю, с 21 по 28 мая, было убито 20 тыс. человек и 40 тыс. брошено в тюрьмы¹⁹.

Статья Дж. Марша производила сильное впечатление. Недаром социалистическая газета «Коммонвел», отмечая 15-ю годовщину падения Коммуны, поместила ее почти целиком в качестве иллюстрации мужества и стойкости парижских борцов за свободу²⁰.

27 мая 1871 г. газета «Би-хайв» поместила статью «Священник в Париже», занимавшую чуть ли не целую страницу. «Би-хайв» перепечатала ее из либерального еженедельника «Спектейтор».

Английский миссонер, побывавший в Париже, в спокойном, неторопливом тоне рисовал яркую картину жизни французской столицы в период правления Коммуны. Он начал изложение с перечисления тех обвинений, которые предъявляли английские газеты Коммуне. Отводя одно обвинение за другим, священник подкреплял свои доводы примерами, свидетелем которых был сам. Утверждать, что «Париж находится во власти террора», — это «большая ошибка», писал он. Национальные гвардейцы охраняют спокойствие города, и, по его мнению, они даже «не всегда достаточно строги»²¹.

⁹ Ibid. ¹⁰ Ibid., p. 353. ¹¹ Ibid., p. 354. ¹² Ibid., p. 348.

¹³ Ibid., p. 356. ¹⁴ Ibid., p. 348.

¹⁵ The Gentlemen's Magazine, London, 1871, vol. VII, p. 238.

¹⁶ Ibid., p. 239.

¹⁷ Ibid., p. 238

¹⁸ Ibid., p. 241—242

¹⁹ Ibid., p. 241.

²⁰ The Commonweal, 1887, 2 Apr., p. 107.

²¹ The Bee-Hive, 1871, 27 May, p. 11—12.

«Что касается анархии,— писал далее миссионер,— то никогда Париж не был таким спокойным, никогда в нем не было такого порядка и никогда не была собственность в таком безопасности». По городу, продолжал рассказчик, «можно спокойно часами разгуливать, не опасаясь никаких оскорблений и нападеи». В Париже люди чувствовали себя свободно, не боялись высказывать прямо свое мнение. Это выгодно отличало столицу от Версаля, где «никто не смел вымолвить слова, противоречащего мнению правительства». В столице сохранялась полная свобода передвижения, и только вблизи баррикад и у административных зданий прохожего могли остановить и спросить удостоверение, напротив, в Версале «вас сопровождает сыщик», следующий от дворца по всем улицам. По поводу «насильственного призыва всех служить в армию», в чем многие обвиняли Коммуну, у автора рассказа существовало особое мнение. Он считал гражданским долгом каждого человека в военное время быть в армии. Если были случаи наказания «за увильвание от службы», то Коммуна имела, по его мнению, на это полное право. Священник с удовлетворением отмечал «спокойное, несуетливое» поведение гвардейцев на улицах. Они шли, «весело напевая, притом очень громко, приятные для слуха песни. Гвардейцы приветствовали каждый раз здание штаба и ратушу поднятием шапок на птыки»²².

Женщины Парижа, по описаниям наблюдателя, «также же непримиримые, как и мужчины». Автор с удовлетворением отмечает полное отсутствие в городе пьянства, «толпа одета скромно и опрятно», а сам Париж «выглядит сейчас самой нравственной столицей Европы»²³.

Миссионер не умолчал об аресте представителей парижского духовенства, но этот акт, по его мнению, был ответом на «безрассудства» версальцев, расстреливавших целыми группами пленных повстанцев.

Гуляя по городу, священник увидел, что Лувр и Тюильри превращены в музей. «Богатства дворцов хорошо охраняются, а плата за вход идет в пользу больниц»²⁴.

Приезжего поразили надписи мечом на многих фаса-

дах зданий «Смерть вора, уважение к собственности». Наблюдательный гость отметил еще одну интересную деталь: «Книги и вся печать в большей степени скромные и серьезные».

В конце статьи священник назвал цены на продукты, подчеркивая дороговизну мяса. Снабжение Парижа, говорил он, шло через Сен-Дени, и, «пока эта дорога остается открытой, Париж не будет голодать»²⁵. Объективный и убедительный рассказ английского миссионера был хоро-

²² Ibid., p. 11

²³ Ibid., p. 12.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid.

шим и веским дополнением к статьям в защиту Коммуны.

Еще одно описание такого же характера было опубликовано в июньском номере «Фрейзерс магэзин»²⁶. Его автор, подписавшийся инициалами H.S.F., — викарий англиканской церкви.

Перед статьей или, вернее, рассказом журнал поместил предисловие главного редактора Дж. А. Фроуда. Ежепедельник, говорилось в нем, преследовал цель — понять причины восстания и победы Коммуны. Быть может, «эти причины присущи современной индустриальной системе, писал редактор, и они уже существуют в Англии и так же сильны, как во Франции».

Для уяснения истоков движения, говорил Дж. Фруд, следует терпеливо выслушать различные мнения. Только так можно понять правду. Редактор относился к французской революции отрицательно и считал Коммуну «антипатриотической... безуспешной... беззащитной... вредной». Рассказ викария он не поддерживал, но считал, что «в настоящее время нет более важного вопроса для Англии, чем правильное понимание парижского восстания и Коммуны»²⁷. Поэтому он предлагал читателям ознакомиться с записками, напечатанными в журнале.

Повествование приходского священника довольно детальное и пространное. Описание французской столицы дается в сравнении с временной резиденцией правительства, где викарий с сыном провел сутки перед поездкой в Париж. Версаль, штаб-квартира Тьера, показался приезжему огромным военным лагерем, где царил полный хаос. В отличие от него Париж выглядел на первый взгляд несколько странно — «он был слишком тихим», в нем викарий не заметил «вооруженных до зубов бандитов». Если Версаль производил впечатление «ярмарки тщеславия», то Париж действовал на вновь прибывших «освежающе».

Все также ходили по городу омнибусы, писал очевидец, работали школы (в то время как в Версале они были закрыты), торговали лавочники, мальчишки — разносчики газет стояли на тех же углах. «Всё выглядело как обыч-

но, но все выглядели немного по-другому», — писал очевидец²⁸. Он сравнивал парижан с жителями, ожидающими землетрясения, — такое чувствовалось напряжение.

Викарий общался с разными людьми и ссылаясь на их отношение к происходящему. Разговорившись на улице с прохожим, оказавшимся кровельщиком, он спросил, «правда ли, что Коммуна означает три франка в день и полное безделье», на что рабочий ответил вопросом: «Разве похоже, что я ничего не делал последние десять месяцев?»²⁹. У сторожа близ Пантеона англичанин поинтересовался, чем объясняется полный порядок в городе. Парижанин ответил: «Дело в том, что мы сами себе полиция!». Приезжий посетил Сорбонну — там шли занятия, он зашел в библиотеку Сен-Женевьев — она была открыта. «Повсюду, — писал он, — одно и то же: скромные, серьезные люди, с особым настороженным взглядом»³⁰. Священник посетил и ратушу. Там он встретился с членами Коммуны и беседовал с ними. «Я был поражен, — писал викарий, — уверенным тоном их рассуждений. Им владеет навязчивая идея, но мало надежды на ее осуществление сейчас»³¹. Члены Коммуны (имен рассказчик не называл) предлагали ему остаться и быть свидетелем всего происходящего. Они объяснили, почему считают нужным снести Вандомскую колонну. «Они смотрели на разрушение колонны только как на протест против милитаризма, за что вся Европа со временем будет уважать их»³².

Викарий с явным сочувствием передавал слова одного из членов Коммуны, сказавшего: «Мы не можем сейчас положить конец войне, но наша великая цель — добиться этого. Войны прекратятся, если никто не будет натравливать нации друг на друга»³³.

Священник восхищался отношением Коммуны к детям, потерявшим во время войны родителей, к женщинам и обездоленным семьям. Он писал о чистоте Парижа. Если в Версале ему пришлось с сыном ночевать в грязном школьном классе, на полу, то в Париже он остановился «в симпатичных чистых комнатах гостиницы». Ут-

²⁶ The Fraser's Magazine, London, 1871, vol. IV, p. 230—248.

²⁷ Ibid., p. 230.

²⁸ Ibid., p. 240.

²⁹ Ibid., p. 241.

³⁰ Ibid., p. 242.

³¹ Ibid., p. 245—246.

³² Ibid.,

p. 246. ³³ Ibid.

ром их разбудил шум повозок. В Версале говорили о нехватке продовольствия в столице и о полном отсутствии овощей. По дороге в Париж их телегу несколько раз останавливали, проверяя, нет ли там съестных припасов. Это каждый раз возмущало путешественников. Каково же было его изумление, когда на рассвете он увидел «на Невом мосту целую вереницу повозок, наполненных овощами»³⁴. Его заинтересовало, откуда прибыли телеги, так как они двигались не от заставы Сен-Дени, а с совершенно противоположной стороны. Викарий сам видел, какую поддержку оказывало окрестное сельское население Парижу.

Рассказчик не верил в заранее выработанный план разрушения французской столицы. «Что касается плана поджога всего Парижа, то люди, которых я встречал, просто были неспособны придумать такое», — писал он³⁵.

Священник жалел коммунаров, не сумевших выбраться из Парижа из-за внезапного вмешательства «в последний момент... этого тигра — Бисмарка»³⁶, закрывшего все выходы из города.

Своим повествованием английский свидетель событий разоблачал заявления английских газет. «У корреспондентов есть привилегия видеть удивительные вещи... — писал он. — Бедная английская публика, как тебя обманывают!»³⁷ Через несколько страниц викарий написал «Я не рассказал вам никаких ужасов. Я не видел их»³⁸.

В заключение «справедливого» рассказа автор, не будучи сторонником Коммуны, выразил свое отрицательное отношение к ней, но вместе с тем отдал должное ряду ее мероприятий. «Коммуна — это ошибка, — писал он, — но при ней Париж был чистым и нравственно здоровым»³⁹.

Остановимся еще на одной небольшой заметке и «Би-хайв», напечатанной 3 июня 1871 г. Это воспоминания преподавателя живописи в Оксфорде, прожившего в Париже весной 1871 г. целый месяц. Художник, как и многие другие свидетели, опровергал официальную информацию, которую называл «роковой ошибкой», происшедшей из-за неправильного определения участников революции. Корреспонденты, считал он, легкомысленно

отнесли к событиям в Париже. Главной силой восстания были не «бандиты», а «серьезные люди, решившие противоборствовать тираннии». В движении, естественно, не принимали участия «преусневающие дельцы, накапливающие деньги». Восставший «средний класс», продолжал преподаватель живописи, «стремился завоевать свободу и надеялся рано или поздно преуспеть в этом»⁴⁰. В рассказе, хотя и очень лаконичном, сквозило явное сочувствие «среднему классу».

Многих англичан, оказавшихся в революционные дни в Париже, интересовали прежде всего руководители восстания, поэтому они стремились под любым предлогом попасть в ратушу, лично познакомиться с членами Коммуны, поговорить с людьми, хорошо их знавшими. В некоторых воспоминаниях имеются интересные, яркие характеристики вождей революционного движения. По словам очевидцев, это были люди честные, неподкупные, эрудированные, с непоколебимой верой в правоту своего дела.

В 1892 г. вышла книга Альберта Вандэма «Англичанин в Париже». Ее автор в течение всего восстания оставался в городе. В одном из кафе он познакомился со студентом-медиком и с французским актером Джилом Роялом, англичанином по происхождению. Оба собеседника оказались людьми осведомленными, лично знакомыми с руководителями восстания. Студент, «до определенной степени сочувствовавший» Коммуне, был частым посетителем ратуши и считал многих коммунаров «безусловно талантливыми людьми». «Я знаю, — сказал он однажды А. Вандэму, — что среди вождей движения никогда не было пьянства, хотя английские писатели, часто плохо информированные, утверждают обратное»⁴¹. Из всех руководителей восстания студент больше всего восхищался Кюзере и был очень рад, что ему удалось познакомиться А. Вандэма с ним. Во время двухчасовой беседы, происходившей в кафе, Кюзере говорил о Коммуне с жаром, верой и убежденностью и произвел на нового знакомого впечатление человека начитанного, интеллигентного, прекрасно говорившего по-английски.

³⁴ Ibid., p. 243.³⁵ Ibid., p. 246.³⁶ Ibid., p. 247.³⁷ Ibid., p. 242.³⁸ Ibid., p. 248.³⁹ Ibid.⁴⁰ The Bee-Hive, 1871, 3 Jun., p. 10.⁴¹ Vandam A. An Englishman in Paris. London, 1892, vol. 2, p. 338.

У актера среди руководителей Коммуны были свои кумиры: «любивший прихвастнуть», но в то же время «безусловно очень храбрый» Домбровский и особенно Сес-силла, «скромный, но критичный», «блестящий математик и лингвист», «свободно говоривший на всех европейских и нескольких восточных языках». Он никогда не нуждался в переводчике и даже с Домбровским изъяснялся не на французском, а на польском языке. Джим Роял восхищался честностью Журда, «прекрасного администратора», «не взявшего ни крошки в свой собственный дом», хотя в течение двух месяцев он «мог легко набить себе карман»⁴².

Эдвард Боуэлл в своей лекции тоже с большим уважением вспоминал генерала Домбровского. «Это был простой солдат...— говорил он,— с самого первого до последнего дня он честно выполнял свое очень тяжелое дело во имя того, что считал прекрасным». Он не участвовал в политических столкновениях и спорах и «погиб в сражении»⁴³.

Следует отметить, что даже «собственные корреспонденты», чьи статьи создавали искаженные представления о революции в Париже и особенно о ее вождях, в неофициальных заметках и более поздних воспоминаниях писали не о «горстке бандитов», а о мужественных людях, готовых отдать жизнь за Коммуну. Так, в мемуарах военного корреспондента «Дейли ньюс» Арчибалда Фобса, приехавшего в Париж 19 мая 1871 г., описаны последние часы генерала Домбровского, обвиненного после смерти в трусости и подкупности, о чем писали многие английские газеты. На английского корреспондента, попавшего в штаб Домбровского, генерал произвел неизгладимое впечатление. Это был «настоящий мужчина», писал А. Фобс, и «блестящий офицер»; в нем чувствовалась наследственная военная выправка. Штаб Домбровского, по наблюдению А. Фобса, состоял из ему подобных 8—10 молодых офицеров. Английский корреспондент с негодованием отвергал самую мысль о возможном подкупе Домбровского. «Он погиб в бою перед самым падением Коммуны»,— писал он⁴⁴.

⁴² Ibid., p. 341. ⁴³ Bowen W. E. Op. cit., p. 354.

⁴⁴ Forbs A. Memories and Studies of War and Peace. London, 1895, p. 133, 140.

Приведенные выше документы показывают, что даже людям, далеким от сочувствия и поддержки Коммуны, было ясно, что в Париже не было разгула «бандитов» и «преступников», что к власти пришло революционное правительство, стремившееся провести ряд серьезных преобразований, что Коммуна была результатом губительной политики Тьера, поставившей под угрозу само существование только что завоеванной республики и открывшей возможность восстановления монархии.

Понять и объяснить события в Париже пытались представители самых разных слоев английского общества, в том числе правительственных кругов. 27 мая газета «Би-хайв» поместила небольшую заметку под заголовком «Член парламента о Коммуне». В ней цитировался рассказ Дж. Г. Вэлли, который пробыл в Париже четыре дня и уехал из него 18 мая. Свои впечатления, основанные «на беспристрастных наблюдениях в Париже», он изложил кратко, но определенно сразу же по возвращении в Лондон. «Я могу утверждать,— говорил он,— что Коммуна являет собой пример исключительно работоспособного правительства, настоящего „защитника порядка“». Любый город может только мечтать о такой власти»⁴⁵.

Дж. Г. Вэлли, естественно, не поддерживал наиболее радикальные мероприятия Коммуны. Он, как и многие, видел в ней прежде всего муниципалитет, пытавшийся окончательно и навсегда ликвидировать власть короля и церкви. Париж, писал Дж. Г. Вэлли, «борется на смерть за освобождение от господства версальского собрания, созданного кликой попов». Слом Вандомской колонны, «напрасной жертвы», член парламента объяснял, как, впрочем, почти все очевидцы, исключительным желанием продемонстрировать перед всей Европой мирные намерения парижского правительства, одобренные народом.

Английский государственный деятель попытался найти объяснение лживой информации, посылавшейся представителями прессы из Франции. «На все сведения, правильно освещавшие деятельность Коммуны,— писал он,— версальское собрание накладывало запрет, они не могли проникнуть за пределы Парижа». Это, продолжал он,

⁴⁵ The Bee-Hive, 1871, 27 May, p. 10.

«служит некоторым оправданием тех многочисленных проповедей против Коммуны, которые сочинялись „нашими собственными корреспондентами“»⁴⁶. Слова члена парламента только лишний раз демонстрировали английскому читателю, как искажались факты о событиях на континенте.

В парламенте не один Уэлли придерживался подобных взглядов. Из имеющихся в нашем распоряжении материалов ясно, что по крайней мере еще один член парламента — Чарльз Дилк тоже был в Париже во время Коммуны, притом дважды — в апреле и конце мая. Ч. Дилк поехал в Париж специально, чтобы самому на месте разобраться в ситуации. По возвращении он не выступил ни в парламенте, ни в печати, но, видимо, делился своими впечатлениями с друзьями и знакомыми, среди которых был и Фредерик Гаррисон. Свои впечатления он изложил в дневниках, а позднее в воспоминаниях, оставшихся в рукописи.

Ч. Дилк был в те годы одним из лидеров радикального крыла либеральной партии; позднее он отошел от своих радикальных позиций. В 1869 г., в результате нелегко доставшейся ему победы над политическим соперником, он был избран членом парламента от аристократического района Челси. Будучи буржуазным республиканцем, правда умеренного толка, Ч. Дилк окупился в борьбу за избирательные права рабочих. Парламентская деятельность отнимала много времени, тем более что он, помимо внутриполитических вопросов, занимался дипломатической работой. В 1869 г. он провел несколько месяцев в России, а на Лондонской конференции⁴⁷ выступал экспертом по русско-английским отношениям. Ч. Дилк внимательно следил за ходом франко-прусской войны и, как многие англичане, придерживался вначале прогерманской ориентации. В конце 1870 г. он поехал в Париж, оттуда в Страсбург и Мец. После захвата Наполеона III в плен Ч. Дилк еще раз побывал в Париже. За время поездок он убедился в полном разложении Второй империи и стал искренне сочувствовать французам. Усвоив со студенче-

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Лондонская конференция по вопросу об отмене Парижского трактата, запрещавшего России держать флот на Черном море проходила с января по март 1871 г.

ских лет еще от своего деда, что республиканская форма правления — самая передовая для развития страны, Ч. Дилк приветствовал провозглашение во Франции республики, хотя к правительству Тьера отнесся с недоверием.

На восстание 18 марта в Париже он отреагировал моментально и намеревался немедленно поехать во французскую столицу, но в связи с Лондонской конференцией 25 марта ему пришлось выступить в палате общин «по русскому вопросу». В его дневнике есть запись: «Не имея возможности уехать из Лондона в первые дни восстания 18 марта, я уехал в Париж со своим братом 2 апреля, и мы, добравшись до Крейж ночью, утром 3-го были уже в Сен-Дени»⁴⁸. К сожалению, в дневниках за 1871 г. под заголовком «Коммуна», написанным его рукой крупными буквами посреди страницы, записи обрываются, но к старости Ч. Дилк решил опубликовать свои мемуары. И вот в этих, более поздних, воспоминаниях на 36 страницах большого формата подробно описаны обе поездки.

Поскольку письма и отрывочные записи в дневниках того периода, дошедшие до нас, воспроизведены в мемуарах дословно, можно надеяться, что пропавшая часть также точно повторена автором воспоминаний.

Итак, 2 апреля к вечеру братья были уже в Крейе, откуда Ч. Дилк послал единственное письмо своей бабушке: «Мы уедем в Париж завтра утром. Нет никакой необходимости писать, да мы и не сможем писать Вам. Здесь пруссаки»⁴⁹. В дневнике за 1871 г. есть запись, помеченная 3 апреля: «Эштон и я сегодня в Париже. Коммуна. Я поеду в Версаль. Эштон останется здесь»⁵⁰. Перед отъездом Ч. Дилк оформил на свое имя документ корреспондента газеты «Дейли Ньюс»⁵¹. Имея еще и рекомендательное письмо к Флурансу, братья обеспечили себе возможность свободного передвижения по городу.

С первых часов пребывания в революционной столице Чарльз и Эштон были поражены популярностью Коммуны. «Мы насчитали 160 батальонов национальной

⁴⁸ The British Library, Department of Manuscripts (далее — B. L. D. M.). Dilke Papers, vol. LXI, add. M. S. 43929. p. 93.

⁴⁹ Ibid., vol. XXIX, add. M. S. 43902. p. 277.

⁵⁰ Ibid., p. 276. ⁵¹ Ibid., vol. LVIII, add. M. S. 43931. p. 133.

гвардии, и у всех были красные флаги. Буквально весь Париж был в движении», — вспоминал Ч. Дилк. Но дело было не только в этом: «26 марта за Коммуну проголосовало от 226 000 до 227 000 человек», хотя многие парижане к этому времени покинули город. После же разгрома Коммуны, когда «вернулись консерваторы и сделали попытку отыграться, общее число избирателей достигло лишь 186 000 человек»⁵². Эти цифры, по мнению автора мемуаров, красноречиво говорили о поддержке Коммуны почти всем населением Парижа.

В предместьях Парижа в Сен-Дени и Сен-Жермен, куда Дилк смог съездить за несколько дней пребывания в Париже, и в самой ратуше царило оживление и чувствовалась вера в победу революции.

Причиной восстания Ч. Дилк считал заключение Тьером кабального мира с Германией. Исходя из этого, он относил начало революции не к марту, а к февралю. Сам «Тьер отсрочил выступление против восставших до момента возвращения бывалых солдат, находившихся в плену в Германии», писал он⁵³. Парижане считали Тьера настоящим предателем, а версальцев называли «пруссаками». Для них борьба с версальцами была прямым продолжением войны, войны до победного конца. Предательство Тьера таило в себе опасность восстановления монархии. Парижане, читаем в воспоминаниях, «по-настоящему боялись, и не без основания, что назревает монархический заговор»⁵⁴. И хотя некоторые из восставших, в том числе «многочисленные иностранцы», преследовали, по мнению Ч. Дилка, более радикальные цели, «большинство участников, погибших позднее в сражениях, умерли с верой в республику»⁵⁵.

Во второй раз Ч. Дилк приехал в Париж один 25 мая, в самый разгар бомбардировки города. Он категорически отрицал наличие какого бы то ни было преднамеренного плана разграбления и поджога столицы со стороны коммунаров. У восставших «не было даже мысли о грабеже богатых», писал он⁵⁶.

Воспоминания Ч. Дилка подтверждают большой интерес англичан к событиям в Париже. Нельзя, естественно,

сказать, что, побывав в Париже, член английского парламента стал сторонником коммунаров. В его мемуарах нет таких откровений, но на Коммуну он смотрел как на явление чрезвычайное, вызванное необходимостью защитить только что завоеванную республику, и именно в этом видел ее положительное значение.

Дилк не прекращал парламентскую борьбу за избирательные права рабочих и не раз выступал на собраниях перед рабочей аудиторией. Одно из них проходило в Ньюкасле в конце октября 1871 г. Дилк, как всегда, отстаивал республиканские взгляды. Возможно, пример Франции еще больше укрепил его веру в преимущество республики перед монархией.

Консервативные круги видели в Дилке человека, подрывавшего самые основы английского общества. Брунов писал Горчакову из Лондона: «Печально говорить, но в Англии времена сильно изменились!». В качестве доказательства русский посол привел выступление «гэра Дилка» в Ньюкасле: оратор, «обращаясь с речью к многочисленным рабочим, осмелился открыто высказаться в пользу республиканской формы правления в предпочтении старым монархическим институтам страны». Слова Дилка, по мнению Брунова, были произнесены совершенно не вовремя, «так как потрясения, нанесенные Франции фатальным господством Парижской Коммуны, были еще слишком свежи»⁵⁷.

Не следует переоценивать приведенные свидетельства. Но, безусловно, все они оказывали определенное влияние на формирование общественного мнения Англии. Это было особенно важно в период борьбы за право коммунаров на политическое убежище. И если Ч. Дилк делился своими впечатлениями только в узких кругах, то Дж. Г. Вэлли выступил 25 мая в парламенте в защиту коммунаров. В своей речи он выразил надежду, что по отношению к ним «правительство ее величества... будет настаивать на амнистии такой же полной, какая была принята в свое время по отношению к участникам гражданской войны в Северных Штатах Америки»⁵⁸. Отве-

⁵² Ibid. ⁵³ Ibid., p. 145.

⁵⁴ Ibid. ⁵⁵ Ibid., p. 147. ⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1871 г. д. 68, л. 342.

⁵⁸ Hansard's Parliamentary Debates. 3rd Ser., vol. 206. 1871. 25 May, p. 1254.

чая на речь Дж. Вэлли, помощник министра иностранных дел Энфилд заявил о полном отказе правительства Великобритании посредничать «в переговорах французского правительства и повстанцев, особенно после их поражения»⁵⁹. Яснее сформулировать позицию английского правительства было бы трудно. И все же, как известно парламент был вынужден вскоре возвратиться к обсуждению вопросов, связанных с французскими эмигрантами. Одним из их парламентских адвокатов был Дж. Г. Вэлли.

Среди очевидцев Коммуны был английский журналист Роберт Рид, пытавшийся выступить в ее защиту во время восстания и посчитавший своим долгом рассказать всю правду о ней после подавления революции.

Роберт Рид прожил во Франции 17 лет. Во время гражданской войны он был специальным корреспондентом либеральной лондонской газеты «Дейли телеграф», куда посылал объективные отчеты о революционных событиях. Однако не все его корреспонденции из Парижа появлялись в газете в том виде, в каком он направлял их в редакцию, а зачастую их и вовсе не публиковали.

Находясь в Париже, Рид по собственной инициативе встречался с американским посланником Уошберном и английским послом Лайонсом и пытался убедить их предпринять решительные шаги, чтобы содействовать прекращению гражданской войны во Франции. Встреча Рида с Уошберном окончилась полной неудачей. Изложение беседы с американским посланником Рид передал по приезде в Лондон К. Марксу. На основании этой беседы и заявления Серрайе о посещении Уошберном заседания Коммуны Маркс написал воззвание «Г-н Уошберн, американский посол в Париже»⁶⁰, в котором раскрыл перед рабочим классом Америки истинное лицо «представителя американской республики»⁶¹.

После разгрома Коммуны Рид считал себя обязанным выступить в защиту Коммуны. 30 июня 1871 г. он написал К. Марксу: «Я полагаю, что мало кто знает об этих событиях больше, чем я, и я очень хочу предложить пуб-

лике ту информацию, которой я располагаю в защиту Коммуны.

Завтра вечером я намерен посетить заседание вашего подкомитета, чтобы выяснить, в какой мере Вы готовы объединить со мной усилия для этой цели»⁶².

На следующий день, 1 июля, Рид встретился с Марксом и Энгельсом. Ф. Энгельс в тот же день сделал запись этой беседы⁶³.

Рид рассказал о судьбе некоторых своих статей, часто публиковавшихся «в совершенно измененном виде». Он готов был «присягнуть, что при напечатании эти корреспонденции изменялись в невыгодную для Коммуны сторону»⁶⁴. Рид подробно описал свою встречу со знаменитым французским художником Густавом Курбе; он показал ему заметку версальского корреспондента «Дейли телеграф», который обвинял Курбе в уничтожении произведений искусства в Лувре. Возмущенный художник направил в адрес редактора газеты опровержение, но оно не было напечатано.

Роберт Рид принял решение отправиться в поездку по Англии с лекциями о Коммуне, он хотел раскрыть английскому народу правду о борьбе французских рабочих. На заседании Генерального Совета 4 июля 1871 г. К. Маркс рассказал членам Совета о беседе с Ридом и выразил уверенность, «что Рид будет действовать в интересах Интернационала». По предложению К. Маркса Риду было передано «для продажи 500 экз. воззвания»⁶⁵.

Во время поездки по стране Рид регулярно отправлял Марксу письма (они хранятся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). Рид сообщал о результатах своих выступлений. В большом письме от 14 июля 1871 г. из Бирмингема Рид рассказывал: «11 июля прочитал лекцию в Нортгемптоне для очень хорошей аудитории и безусловно изменил ее мнение на последние события»⁶⁶.

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17, с. 388—391.

⁶¹ Там же, с. 391.

⁶² Первый Интернационал и Парижская Коммуна. М., 1972, с. 533.

⁶³ Текст беседы впервые был опубликован в журнале «Коммунист» (1971, № 2).

⁶⁴ Первый Интернационал и Парижская Коммуна, с. 91.

⁶⁵ Там же, с. 40—41.

⁶⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2402.

В помещении Механик института, где состоялась лекция, «присутствовало достаточное число слушателей» лекция «представляла собой откровенную защиту Коммуны», закончно сообщала местная газета, вырезка из которой была послана К. Марксу в следующем письме из Бирмингема⁶⁷. В этом письме (21 июля 1871 г.) Рид рассказывал о своих усилиях организовать в Бирмингеме публичное собрание и созвать его в ратуше. Он хотел «заставить присутствовать на нем представителей прессы». Рид добивается широкого освещения своих лекций в газетах. Он писал Марксу: «Мы можем добиться того, чтобы наши голоса из Бирмингема были услышаны во всем мире». Рид предлагал вместо лекций проводить в городах большие публичные собрания. Он просил подержать материально его семью, чтобы он мог осуществить задуманное. «Это не мое личное дело, — писал Рид. — Это долг. При любых условиях я обязательно раскрою правду, но с Вашей помощью задача будет решена гораздо легче и быстрее».

Со слов Рида мы узнаем, что события в Париже глубоко волновали англичан: «На всех собраниях в Бирмингеме, на которых я побывал, я обнаружил, что подробности борьбы в Париже приобретают все более широкую известность...»⁶⁸.

Во время пребывания в Бирмингеме Рид выступил не только с лекцией, он опубликовал в местной газете «Бирмингем морнинг ньюс» статью в форме письма на имя главного редактора. В статье выражено «удивление» по поводу «легкомысленного понимания большинством провинциальных жителей» судьбы парижского архиепископа. Взятие заложников во время войны, писал Рид, было скопировано у немцев и применено с надеждой, хоть в какой-то степени смягчили зверства версальцев, чинимые над пленными коммунарами, но версальцев не остановило ничто. Коммуна несколько раз предлагала обменять архиепископа на Бланки. Многочисленные отказы Тьера продолжал Рид, доказывали его уверенность, что заложники находились в полной безопасности. До последнего дня коммунары надеялись на обмен архиепископа на

Бланки. Рид получил подтверждение этому во время беседы с членами Коммуны в ратуше. Коммунары «уважали законы вошпы и гуманизма цивилизованных наций», писал английский журналист, и все их поведение доказало это. «Перед всем миром, — заканчивал он свою статью, — я заявляю, что Тьер — виновник смерти архиепископа»⁶⁹.

Рид подчеркивал мирную политику Коммуны. «Со дня выборов до вступления армии в Париж никто не был убит», — писал он. Это подтвердил и секретарь английского посольства Эдуард Малет, безвыгодно остававшийся в Париже во время революции. В «длительной беседе» с Ридом Малет признал «полное отсутствие преступлений во французской столице» за все время «правления Коммуны»⁷⁰.

Во время поездки Рида по стране в газете «Дейли телеграф» появилась заметка, утверждавшая, что редакция газеты никогда не имела никаких дел с Робертом Ридом, который «читает лекции о Парижской Коммуне». Маркс сообщил Риду об этой заметке и через некоторое время получил ответ: «Дорогой доктор! Благодарю Вас за то, что Вы так быстро привлекли мое внимание к заметке в „Daily Telegraph“». В письме изложен текст опровержения, которое Рид направил в редакцию газеты: «Наиболее важные телеграфные сообщения о парижских новостях, опубликованные в Вашей газете за время, пока я был приглашен, написаны мною»⁷¹.

Роберт Рид много сделал для оказания помощи коммунарам. В письме от 14 июля из Бирмингема Рид сообщил К. Марксу, что может «обеспечить постоянную работу для одного-двух эмигрантов»⁷². В письме от 5 сентября 1871 г. он опять возвращался к этому вопросу: «Дорогой доктор! Я получил утром Ваше письмо и спешу сообщить, что, не теряя времени, я буду наводить справки относительно возможности размещения здесь наших братьев из Франции и сообщу Вам о результатах через день или два. Я думаю, что кое-что здесь можно

⁶⁹ The Birmingham Morning News, 1871, 18 Jul., p. 3.

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ Первый Интернационал и Парижская Коммуна, с. 551.

⁷² ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2402.

⁶⁷ К сожалению, название газеты в письме не упоминается.

⁶⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2414.

сделать, чтобы помочь эмигрантам, во всяком случае я сделаю все от меня зависящее»⁷³.

В связи с деятельностью Р. Рида следует обратить внимание на несколько газетных сообщений, опубликованных в «Дейли ньюс». Редакция в скобках называла их автора «наш специальный корреспондент». Имя его не указано, но стиль заметок, написанных в форме писем в редакцию, значительно отличался от остальных корреспонденций из Парижа. Быть может, они принадлежали Роберту Риду, сотрудничавшему и с «Дейли ньюс».

28 марта газета напечатала развернутое сообщение о только что прошедших выборах в Коммуну. «Никогда еще не был триумф революции таким полным... — говорилось в нем. — Спокойствие города и налаженность его жизни — это тоже своеобразная победа, которая завоеует сторонников по всей стране». Подобные же выступления, писал далее автор, «распространяются во всех больших городах»⁷⁴. Корреспондент сообщал, что «в некоторых районах Парижа были случаи неповиновения ратуше, но они, по его мнению, были вызваны в основном незнанием, что в Париже существует единственное правительство»⁷⁵.

Автор письма не верил в продолжительное правление Коммуны, он считал ее обреченной, но признавал законное право Коммуны на власть, поскольку она была избрана волей народа. Именно так, по его наблюдениям, воспринимали Коммуну и все парижане.

Во втором письме, опубликованном в том же номере газеты и, судя по стилю, того же корреспондента, говорилось: «Я никогда не видел Парижа более веселым, чем сейчас». Автор письма описывал солнечные воскресные улицы столицы, заполненные народом. «Все театры вновь открыты по вечерам», и город отличается от своего обычного облика лишь одним — «повсюду национальные гвардейцы... Став хозяевами Парижа и почувствовав это, они ведут себя вежливо и с достоинством»⁷⁶.

Такое бодрое описание города сильно отличалось от всех предыдущих сообщений о французской революции, особенно о первых днях Коммуны.

⁷³ Первый Интернационал и Парижская Коммуна, с. 578—579.

⁷⁴ The Daily News, 1871, 28 Mar., p. 3.

⁷⁵ Ibid. ⁷⁶ Ibid., p. 5.

30 марта, по-видимому, тот же «наш специальный корреспондент», обращаясь к читателям газеты, писал: «Вы, в Англии, не симпатизируете новой революции. Можете, если хотите, возражать против нее». Он понимал, что Коммуна не могла быть спокойно принята в Англии, и пытался объяснить, что собой представляет «правительство красных». Оно «отражает великую идею — идею, которая рано или поздно принесет свои плоды и победит», писал корреспондент. Он не расшифровывал слова «великая идея», но из довольно туманных и запутанных объяснений можно понять, что он, как и многие современники, воспринимал Коммуну как демократическую республику, осуществлявшую самоуправление. Правда, некоторые руководители, по его мнению, «хотели бы видеть победу своих социалистических и экономических теорий». Но в настоящее время, по словам корреспондента, речь не шла о социализме. «Признаюсь, — заканчивал он свое письмо, — я испытываю большой интерес к настоящей революции и отчасти симпатизирую ей»⁷⁷.

Письма, опубликованные в «Дейли ньюс», так не похожи на все остальные газетные сообщения, что могут быть отнесены к тем же объективным документальным свидетельствам очевидцев, появившимся все чаще на страницах английской периодической печати.

В числе англичан, оставшихся в Париже весной 1871 г., помимо пассивных наблюдателей, были и активные участники событий. Среди них следует выделить две категории: это, во-первых, врачи и медицинские работники, выполнявшие свой профессиональный долг, и, во-вторых, люди, сражавшиеся за Коммуну по своим политическим убеждениям. Остановимся прежде всего на первой группе.

Еще в начале франко-прусской войны в Париже были организованы один американский и два английских госпиталя, продолжавших функционировать и во время Коммуны. Во главе одного стоял доктор Джон Роуз Кормак. Под его началом работали врач Алан Герберт, две медицинские сестры Элен и Аннет Спаркс, доктор Дж. В. Смит, миссионер и врач У. Джибсон. Во время революции гос-

⁷⁷ Ibid., 30 Mar., p. 5.

питали оказывали медицинскую помощь как своим соотечественникам, так и раненым коммунарам.

Деятельность английских врачей во время франко-прусской войны и Парижской Коммуны довольно подробно осветил английский историк Элистар Хорн в двух монографиях: «Падение Парижа» и «Страшный год»⁷⁸. В книге «Падение Парижа» особенно много страниц посвящено работе медицинских учреждений в Париже. Обильные книги изобилуют описаниями ужасов войны и революции. Все документы, имевшиеся в распоряжении историка, использованы для описания жестокости французов. Отбрасывая исходную позицию автора, обратимся к документам. Они представляют большой интерес. Э. Хорн имел в своем распоряжении письма национального гвардейца, англичанина Эдвина Чайлда (не принимавшего участия в революции), бумаги доктора Алена Герберта, письма английского полковника Джона Стэнли, по прибытии в Париж включившегося в работу больницы американского посольства. Кроме того, Э. Хорн использовал воспоминания врача-терапевта О. В. Пауэла, изданные очень незначительным тиражом, воспоминания учителя Бенджамина Уилсона и книгу У. Джибсона, миссионера методистской церкви, прожившего в Париже с семьей в течение десяти лет.

Знакомство с мемуарной литературой, использованной Э. Хорном, приводит к выводу об определенном подходе к этим источникам. В работах цитируются только те места из воспоминаний Пауэла и Джибсона, где авторы описывали жестокие уличные сражения. Но в самих мемуарах есть и другие ценные сведения, например в книге доктора О. В. Пауэла⁷⁹, который приехал в Париж накануне революции 18 марта и до самого последнего дня Коммуны оказывал помощь раненым в разных госпиталях, больницах и медицинских пунктах города. В его рассказе дается подробное описание работы всех этих медицинских учреждений. Собственные наблюдения Пауэла подкреплены впечатлениями доктора Джона Мюрри, терапевта из лондонской больницы Мидсекс, приехавше-

го в Париж в мае и побывавшего в нескольких больницах и амбулаториях, а затем опубликовавшего свои впечатления в виде брошюры. В небольшой заметке, напечатанной 3 июня петитом в «Таймс», говорилось о докторе Джоне Мюрри, прибывшем недавно из Парижа и лечившем там коммунаров⁸⁰.

По наблюдениям англичан, медицинское обслуживание в Париже в первые дни Коммуны находилось на очень низком уровне. Не хватало врачей, медсестер, оборудования. Коммуна приняла ряд чрезвычайных мер. Еще во время осады Парижа пруссаками Медицинская школа была закрыта. Коммуна сделала все, чтобы открыть вновь Медицинскую школу. И хотя, писал Пауэл, студенты-медики в большинстве своем не поддерживали «слишком радикальные мероприятия» Коммуны, занятия в Медицинской школе не прекращались⁸¹.

К середине мая, когда шли жестокие бои с версальцами на улицах Парижа, в каждом районе были открыты амбулатории и гражданские больницы, куда принимались и раненые, а вблизи баррикад организованы специальные передвижные медицинские пункты с оказанием первой помощи.

И доктор Мюрри, и доктор Пауэл обратили внимание на то, что Коммуна с самого начала серьезно отнеслась к профилактике заболеваний. «Ночью все бульвары и главные улицы поливались водой,— писал Пауэл,— а по утрам мыли и остальные улицы»⁸². Для докторов это означало не только соблюдение элементарной чистоты — это означало и борьбу с возможными эпидемиями. И действительно, вспыхнувшая еще с 1869 г. эпидемия оспы была прервана именно в эти дни. Коммуна приняла решительные меры по борьбе с проституцией. С явным сожалением Пауэл записал в своих воспоминаниях: «Правление Коммуны было слишком коротким, чтобы дать какие-то устойчивые результаты»⁸³.

На последних страницах книги описаны жестокости версальцев при подавлении революции, не нашедшие у

⁷⁸ Horn A. The Fall of Paris. London, 1965; *Idem* The Terrible Year London, 1974.

⁷⁹ Powell M. D. Reminiscences of la Commune and the Second Siege of Paris, March to May 1871. Jersey, 1914.

⁸⁰ The Times, 1871, 3 Jun., p. 5.

⁸¹ Powell M. D. Op. cit., p. 4.

⁸² Ibid., p. 12.

⁸³ Ibid., p. 13.

автора оправдания. Английский врач не стал сторонником Коммуны, он называл революцию «ненужным кровопролитием», но, оказывая медицинскую помощь раненым, беседуя с людьми, жертвовавшими жизнью ради Коммуны, он был и поражен, и восхищен твердостью их духа и убежденностью в своей правоте.

Большой интерес представляют дневники главы английской методистской церкви в Париже Уильяма Джибсона, изданные год спустя отдельной книгой⁸⁴. Его внимание было сосредоточено на более обширных проблемах. В книге собрано много самых различных фактов — и незначительных, и важных. В унисон с другими наблюдателями английский священник подтверждал популярность Коммуны среди парижского населения, мужество ее защитников, огромную работу руководителей восстания по обеспечению чистоты и порядка в городе; он, как и все, негодовал по поводу бессмысленных зверств версальцев. Все эти повторяющиеся из одного документа в другой описания, конечно, очень важны для исследователя, но воспоминания Джибсона имеют и свою особенность.

Глава методистской церкви не только наблюдал и записывал факты, он апализировал все виденное. К какому же выводу он пришел? Восстание в Париже носило, по его мнению, не «местный» и даже «не чисто французский характер». Это не было и простым «выступлением плебса» против «патристов», а представляло собой «попытку партии красных республиканцев Европы осуществить свои цели». Восстание носило «интернациональный характер». Хотя, говорится в книге, большинство участников были французами, к восстанию присоединились «многие итальянцы, приверженцы Гарибальди», и английские «ультракрасные республиканцы»⁸⁵. Два «ведущих» руководителя восстания — Ключере и Домбровский были иностранцами. Первый — американец, второй — поляк. Джибсон подробно рассказывал об американской натурализации Ключере, считая, что участие в гражданской войне в Америке сделало его окончательно не только американцем, но и интернационалистом.

Что касается целей революции, то на завоевание муниципальных прав Джибсон смотрел лишь как на уступку парижанам, действительно стремившимся осуществить самоуправление. Этот лозунг был наиболее понятен и близок и привлек на сторону восставших большое число жителей столицы, хотя руководители Коммуны, по словам Джибсона, шли дальше и намеревались продолжать борьбу за социальное равенство.

Несмотря на явно критическое отношение к революции, Джибсон видел в Коммуне и положительные стороны. В своих рассуждениях он пришел к уже знакомому нам по другим источникам выводу: «Только Коммуна спасла для Франции республику... по крайней мере на ближайшие годы»⁸⁶. В этом он видел ее историческую миссию.

Джибсон, как уже говорилось, имел медицинское образование и в течение всей революции проработал в английском госпитале, где лечил не только своих соотечественников, но и коммунаров. Однако об этом в его воспоминаниях сказано очень скупо.

Во главе госпиталя стоял доктор Кормак. В мае, во время посещения больницы корреспондентом газеты «Морнинг пост», туда явился версальский офицер. Обнаружив среди пациентов раненых коммунаров, он потребовал немедленной выдачи их для допроса. Кормак решительно отказался пустить офицера к раненым, «находящимся в госпитале под флагом Англии и защитой Женевской конвенции»⁸⁷. Он тут же пошел в английское посольство за поддержкой, но получил отказ. Вернувшись, доктор не подчинился, а заявил: «Если раненых вывезут, я буду протестовать и публично и в частном порядке против грубых нарушений законов войны и гуманности»⁸⁸. Версальский офицер вынужден был пойти на некоторый компромисс. Он отдал приказ направить к коммунарам французского врача. Эпизод был изложен в газете «Морнинг пост» и перепечатан в ряде провинциальных газет.

Существует еще одно воспоминание, посвященное ме-

⁸⁴ Gibson W B A Paris During the Commune. 1871. London, 1872.

⁸⁵ Ibid., p. 101, 104.

⁸⁶ Ibid., p. 134.

⁸⁷ The Manchester Daily Examiner and Times. 1871, 30 May, p. 6.

⁸⁸ Ibid.

дицинскому обслуживанию во время Коммуны и ставшем известным весьма широкому кругу читателей. Речь идет о двух письмах английского студента-медика, оставшихся в Париже в течение двух весенних месяцев 1871 г. 13 и 14 июня «Дейли ньюс» опубликовала эти письма, которые были перепечатаны многими провинциальными газетами⁸⁹.

Студент, оставшийся в Париже «из соображений гуманности», предложил свои услуги в качестве врача и был направлен в один из парижских госпиталей. Когда он прибыл туда, то «был крайне удивлен, обнаружив хорошее оборудование и чистоту... Все необходимые принадлежности хирургии были на месте — шины, бинты, корпия, лекарства». По свидетельству студента, «не хватало только врачей». Большинство «французских докторов покинули Париж в первые часы восстания»⁹⁰. Их функции выполняли все, кто имел хоть какое-то отношение к медицине, «даже дантисты и парикмахеры». «Многие жизни не удалось спасти из-за плохой квалификации медицинского персонала», — писал студент⁹¹. Самое сильное впечатление на англичанина произвели сами участники революции. Он описывал смерть одного безвестного борца, сорокалетнего мужчины, обратившегося к нему с просьбой передать «моим друзьям, что я умер со словами „Да здравствует Коммуна!“».

Студент с удивлением и вместе с тем большим уважением говорил о мужестве, стойкости и непоколебимой вере в победу у всех коммунаров, с которыми ему пришлось встречаться.

Студенту-медику приходилось несколько раз обращаться в ратушу с различными просьбами для госпиталя. В одно из таких посещений он слышал выступление Делеклюза, к которому относился с нескрываемым уважением. «Я умру, — говорил старый революционер, — но я убежден, что за каждую каплю крови, пролитой коммунарами, поднимутся когда-то пять человек и воздвигнут то, что мы, не имея достаточно знаний, не сможем создать

сейчас»⁹². На что опиралась такая вера, английский студент понять не мог, но он откровенно восхищался Делеклюзом и искренне сожалел о его гибели.

Госпиталь, в котором работал молодой англичанин, разбомбили версальцы, но юпоша не изменил профессиональному долгу. К этому времени он встретил еще двух английских студентов (не имевших, правда, медицинского образования), и все трое, получив разрешение в ратуше, организовали медицинский пункт, где оказывали первую помощь нуждавшимся в ней вплоть до последнего дня существования Коммуны. Имя студента осталось неизвестным.

Среди сотрудников английского госпиталя был некто Адольфус Хэдегли Смит — будущий деятель социалистического движения⁹³. Даже из этих неполных данных видно, что во время Коммуны английские врачи и даже люди, не имевшие медицинской подготовки, безотказно лечили раненых.

Помощь коммунарам, оказанная английскими медиками, была особенно ценной в сравнении с предательским поведением тех французских врачей, которые уехали в Версаль. 27 мая газета «Би-хайв» писала: «Как оказывалась, медицинская служба в армии Коммуны осуществлялась в большой степени англичанами»⁹⁴. В этих словах была определенная доля истины.

Как видно из всего сказанного, во время Коммуны из Англии в революционный Париж совершалось своеобразное паломничество, что само по себе показывает большой интерес к французским событиям. Но принимали ли участие английские граждане в революционном выступлении французских рабочих? Этот вопрос интересовал как современников, так и более поздних исследователей.

Из воспоминаний очевидцев можно получить лишь неточные, отрывочные сведения об английских участниках восстания, причем их имена нигде не названы. В уже цитированной книге У. Джибсона говорилось о «многих английских красных республиканцах»⁹⁵, приехавших в Париж. Нельзя не согласиться с А. Л. Мортонем, писав-

⁸⁹ В том числе: *The Reformer*, Edinburgh; *The Birmingham Morning News*; *Nottingham and Midland Counties Daily Express*, etc.

⁹⁰ *The Daily News*, 1871, 15 Jun., p. 6.

⁹¹ *Ibid.*

⁹² *The Birmingham Morning News*, 1871, 14 Jun., p. 6.

⁹³ См. гл. IV.

⁹⁴ *The Bee-Hive*, 1871, 27 May, p. 10.

⁹⁵ *Gibson W. B. A. Op. cit.*, p. 120.

лим о «преувеличении священника»⁹⁶. Но об участии англичан в парижских событиях рассказывал не один У. Джибсон.

В мемуарах каштана Бинхэма, который аккуратно посещал зал суда во время судебного процесса над коммунарами, начавшегося в августе 1871 г., говорилось об участии в революции 500 иностранцев, «среди них семи англичан или, вернее, ирландцев»⁹⁷. Он упоминал о знакомстве в самом начале восстания со своим соотечественником, специально приехавшим в Париж для участия в революции. Капитан пытался «удержать его от ошибочного выбранного пути, но безуспешно»⁹⁸. Имя человека в книге не названо, о дальнейшей судьбе его Бинхэм не знал.

Английские историки не занимались специально изучением этого вопроса. Автор книги «История Парижской Коммуны 1871», изданной в 1896 г., Томас Марч, сославшись на официальный отчет, сделанный генералом Алпером в 1875 г. Национальному собранию, одним из первых указал на наличие среди иностранных борцов за Коммуну 27 англичан. Имена их не были указаны. На эту же цифру есть ссылки и в ряде других, более поздних работ английских историков, обычно без указания на источник⁹⁹.

Вопрос об участии англичан в Коммуне и сейчас представляет большой интерес. А. Л. Мортон в статье «Британия и Коммуна», опубликованной к столетию Коммуны писал: «Информация об этом была бы очень ценной»¹⁰⁰.

Какими же материалами мы располагаем? В парламентских отчетах за 1871 г. этот вопрос освещался очень скупо, исчерпывающих сведений об участии англичан в Парижской Коммуне в них нет.

Вскоре после подавления революции лорд Гамильтон сделал в парламенте запрос: «На чем основаны сведения, полученные из-за границы, что якобы в Парижской Коммуне принимало участие несколько тысяч английских

подданных?»¹⁰¹. Более или менее точного ответа он в то время не получил. 9 июня 1871 г. министр иностранных дел Гренвилль на вопрос члена палаты общин Эрли о числе арестованных в Париже британских подданных назвал число 15—20 человек, заявив при этом, что «две трети задержанных никакого отношения к событиям не имеют» и «в настоящее время в тюрьме находится один-единственный англичанин, да и тот — несчастный мальчик, схваченный на баррикаде в то время, когда он стрелял»¹⁰². Два арестованных английских офицера Ноэль и Чёрмсайд были задержаны на улице ошибочно и пробыли в тюрьме Сатори всего несколько часов. Об их аресте и освобождении членам палаты было зачитано письмо секретаря английского посольства в Париже Малета¹⁰³.

На этом же заседании, 9 июня, член парламента Ч. Дилк сделал еще один запрос. «Получил ли лорд Лайонс, — спрашивал Дилк у заместителя министра иностранных дел Энфилда, — какие-либо инструкции, дабы не допустить расправы с теми десятью или большим числом англичан, о которых пишут газеты, указывая, что они находятся в тюрьме Сатори и останутся там до судебного расследования?» Из ответа Энфилда следовало, что из 15 ранее арестованных четверо находятся уже на свободе, двое отправлены в Брест, а остальных должны скоро освободить¹⁰⁴. Ни одного имени названо не было и никаких более конкретных сведений члены парламента не получили.

Запросы членов парламента о численности англичан, участвовавших в парижских событиях, и о судьбе арестованных соотечественников были вызваны заявлением немецкого канцлера Бисмарка. По его словам, «Коммуне помогало около восьми тысяч англичан»¹⁰⁵. Цифра была явно сильно преувеличена. Министр иностранных дел Великобритании и его заместитель в своих ответах, ссылаясь на донесения английского посла в Париже, назвавшего эту цифру «безусловно ошибочной»¹⁰⁶, все же не давали никаких точных сведений о числе арестованных

⁹⁶ Marxism Today, 1971, Mar., p. 84.

⁹⁷ Bingham D. Recollections of Paris. London, 1896, p. 121.

⁹⁸ Ibid., p. 122.

⁹⁹ March Th. The History of the Paris Commune of 1871. London 1896, p. 348.

¹⁰⁰ Marxism Today, 1971, Mar., p. 84.

¹⁰¹ Hansard's Parliamentary Debates, 3rd Ser., vol. 206, 1871, 9 Jun., p. 1775.

¹⁰² Ibid., p. 1745.

¹⁰³ Ibid. ¹⁰⁴ Ibid., p. 1777. ¹⁰⁵ Ibid., p. 1775. ¹⁰⁶ Ibid.

и о их судьбе, хотя Гренвиль получал достаточно подробную и регулярную информацию из Парижа.

Внимание членов палаты общин было привлечено к одному эпизоду — аресту несовершеннолетнего Уильяма Лоу. По этому поводу давал подробные разъяснения Эдвард Шеффилд на заседании палаты 9 июня, а 16 июня Гренвиль доложил палате общин об освобождении «12-летнего мальчика, задержанного на баррикаде с пистолетом в руках»¹⁰⁷.

В центральную прессу, кроме того, что содержалось в очередных парламентских отчетах, никаких дополнительных сведений об английских участниках восстания не просочилось, за небольшим исключением. Так, газета «Би-хайв» 3 июня 1871 г. писала: «Среди арестованных на кладбище Пер-Лашез было 450 бельгийцев и англичан»¹⁰⁸.

Не так обстояло дело с провинциальными газетами. Например, в газете «Ливерпуль меркюри» за 3 июня появилась небольшая заметка под заголовком «Английские подданные и Коммуна». В ней, со ссылкой на «авторитетный источник», сообщалось, что среди участников восстания в Париже арестовано несколько жителей Лондона, Ливерпуля, Манчестера и Дублина, «уехавших не так давно во Францию». «Они, — говорилось в заметке, — без сомнения, сражались на стороне Коммуны»¹⁰⁹.

Через два дня эта же газета сообщала: «среди восставших есть англичане» из Лондона и Шеффилда. «Многие жители Шеффилда, — писал анонимный автор, — уехали в Париж после капитуляции города, однако большинство возвратилось». Все эти сообщения «вызвали большое возмущение в городе»¹¹⁰. 8 июня под заголовком «10 англичан арестовано в Париже» газета «Ливерпуль меркюри» перечисляла фамилии арестованных: «Дж. Рейнольдс, Уильям Лоу, Генри Чарльз Этерингтон, Эдвард Чарльз Этерингтон, Генри Смит Валетто, Ф. В. Анселл, Т. Голли и его сын, Джеймс Саутертон, Генри Грэхэм»¹¹¹.

Вторая небольшая заметка «Ирландская женщина на службе у коммунистов» сообщала, что в редакции газеты «Оффиспелль» работала ирландка Эллен Кэррол. Она переводила статьи из английских газет для редакции и делала «обзоры общественного мнения Англии по отношению к французским событиям»¹¹².

Газета «Шеффилд дейли телеграф» 5 июня 1871 г. подтвердила, что «среди участников восстания в Париже оказалось несколько англичан, главным образом жителей Лондона и Шеффилда»¹¹³.

Имелись ли серьезные основания для подобных сообщений? На этот вопрос отвечают документы министерства иностранных дел. В них, в частности, собраны письма английского посла во Франции за этот период, адресованные Гренвилю и с пометкой «личные».

В письме от 20 мая 1871 г., отправленном из Версаля, Лайонс писал Гренвилю: «Среди многочисленных пленных, взятых под стражу в Париже, есть английские подданные». Не дожидаясь распоряжений из Лондона, Лайонс обратился в министерство иностранных дел Франции и лично к Тьеру с просьбой передать подданных Великобритании в руки английского правосудия. К письму был приложен список арестованных. В нем повторялись фамилии, напечатанные в провинциальных газетах Англии, но список оказался более полным, в нем перечислено 12 человек: 1) Роберт Форстер, 2) Джером Эрнэл, 3) Дж. Б. Рейпольдс, 4) Уильям Лоу, 5) Генри Чарльз Этерингтон, 6) Эдвард Чарльз Этерингтон, 7) Генри Смит Валетте, 8) Ф. Б. Рассел, 9) Дж. Гэдвей и 10) его сын, 11) Джеймс Саутроу, 12) Генри Грэхэм¹¹⁴.

Лайонс в письме выражал надежду, что эти люди не причастны «к очень серьезным преступлениям» и могут быть вскоре освобождены. Интересно отметить, что ни английский посол, ни министр иностранных дел не только не были удивлены участием англичан в парижском восстании, но, видимо, считали это само собой разумеющимся. В том же письме Лайонс предупредил Гренвиля:

¹⁰⁷ Ibid., vol. 207. 1871. 16 Jun., p. 122.

¹⁰⁸ The Bee-Hive, 1871. 3 Jun., p. 7.

¹⁰⁹ The Liverpool Mercury, 1871. 3 Jun., p. 7. В. Л. С.

¹¹⁰ Ibid., 5 Jun., p. 7.

¹¹¹ Ibid., 8 Jun., p. 7.

¹¹² Ibid.

¹¹³ The Sheffield Daily Telegraph, 1871. 6 Jun., p. 3. В. Л. С.

¹¹⁴ Public Record Office. Foreign Office (далее — P. R. O. F. O.) — 27. 1865, № 679. 1871. 20 May, p. 6. Транскрипция имен в письмах Лайонса не всегда совпадает с транскрипцией в газетах.

«Есть основания предполагать, что большое число арестованных было направлено в Версаль и расстреляно солдатами при массовых казнях»¹¹⁵. В одном из ответных писем Гренвиля читаем: «Вы приняли правильное решение в отношении арестованных англичан. Я был чрезвычайно удивлен, узнав, что их так мало»¹¹⁶.

Итак, Гренвиль и Лайонс ожидали более активного участия соотечественников в парижском революционном движении, а посол оговаривал неточность полученных сведений и возможную гибель некоторых англичан во время массовых расстрелов. Представители британских властей, конечно, не были заинтересованы в том, чтобы имена английских борцов за Коммуну стали известны. Лайонс делал все возможное для освобождения соотечественников до начала судебного разбирательства и в ряде случаев добивался положительных результатов.

В его письмах есть сообщения об освобождении некоторых лиц, и вместе с тем в списках появляются новые имена. Несмотря на крайнюю осторожность, некоторые сведения о судьбе англичан в Париже получили огласку. Как уже говорилось, имя 12-летнего мальчика Уильяма Лоу стало известно членам парламента, и его судьба обсуждалась на нескольких заседаниях палаты общин. Шум, поднятый в связи с Лоу, мешал дипломатическим переговорам Лайонса в Париже. Он все еще надеялся замять дело об участии английских граждан во французских событиях и освободить подданных своей страны до начала официального следствия. В письме 9 июня Лайонс сообщал об освобождении У. Лоу, а 22 июня он запрашивал Гренвиля: «Могу ли я выступить во французской печати с категорическим возражением, будто лорд Энфилд сделал в палате общин заявление о том, что мальчик Лоу стрелял во французских солдат? Это произвело здесь очень неблагоприятное впечатление, особенно в связи с другими подданными Великобритании»¹¹⁷. И хотя посол не сделал подобного опровержения, он продолжал атаковать министерство иностранных дел, Тьера и Ж. Фавра бесчисленными ходатайствами и просьбами о

немедленном освобождении англичан из тюремного заключения.

Тем временем число арестованных увеличивалось. В списках появились новые имена: Альфонс Жозеф Аллен, Мэри Флитчер, Джеймс Батлер¹¹⁸. Арестованный вскоре Биснард оказался «английским врачом»¹¹⁹, его имя первоначально ошибочно было указано «Мауд или Вард»¹²⁰. Некоторые арестованные были отправлены на понтоны в Брест и Шербург. Несколько фамилий попало в списки по заявлениям родственников и знакомых, но их местонахождение не удалось установить, и они числились «пропавшими без вести».

В июне—июле 1871 г. Лайонс почти в каждом письме присылал новые списки. Начиная с 13 июня в них появились три рубрики: освобожденные; находящиеся под стражей; пропавшие без вести. Наиболее полный перечень имен был составлен 7 июля. В нем значились 9 «освобожденных», 24 «находящихся под стражей» и 2 «пропавших без вести». Кроме того, был еще составлен дополнительный список из четырех фамилий. Подданство этих лиц не было окончательно установлено. Так как с 7 июля никаких существенных изменений с арестованными не произошло и в октябрьском послании Лайонса все фамилии были перечислены в тех же рубриках, то приводим этот документ полностью.

Released

1. Arnol (Jerome)
2. Carrol (Miss Ellen)
3. Fletcher (M^s Mary)
4. Forster (Robert)
5. Lowe (Williams)
6. Reynolds (J. B.)
7. Southon (James)
8. Spencer Perceval (Mr N.)
9. Thomas (Alexander)

Still in Confinement

1. Allen (Alphonse Joseph)
2. Bayntour (Edward)
3. Benn (H.)

Освобожденные

1. Арнол (Джером)
2. Кэррол (мисс Эллен)
3. Флетчер (мисс Мэри)
4. Форстер (Роберт)
5. Лоу (Уильям)
6. Рейнольдс (Дж. Б.)
7. Саутон (Джеймс)
8. Спенсер
9. Томас (Александр)

Находящиеся под стражей

1. Аллен (Альфонс Жозеф)
2. Бейнтур (Эдвард)
3. Бенн (Х.)

¹¹⁵ Ibid., p. 5.¹¹⁶ P. R. O. F. O.—362/4, Grenville Papers, 1874, 4 Jun.¹¹⁷ Ibid.—27, 1866, N 766, 1874, 22 Jun.¹¹⁸ Ibid., 1865, N 692, 1874, 6 Jun.¹¹⁹ Ibid., 1865, N 735, 1874, 13 Jun.¹²⁰ Ibid., N 718, 1874, 9 Jun.

4. Besnard (Dr Alfred)	4. Беснард (д-р Альфред)
5. Butler (James)	5. Батлер (Джеймс)
6. Chilman (Frederick William)	6. Чилман (Фредерик Уильям)
7. Chilman (Jas. Robt Fred ^t)	7. Чилман (Я. Роб. Фред)
8. Eardley (Sir E. G. C.)	8. Эрдли (сэр Э. Дж. К)
9. Etherington (Ed. Ch.)	9. Этерингтон (Эд. Ч.)
10. Etherington (Henry Ch.)	10. Этерингтон (Генри Ч.)
11. Gautthier (Jules or Julien)	11. Готье (Жюль, или Жюльен)
12. Gadney (Tom)	12. Гэдни (Том)
13. Gadney (William)	13. Гэдни (Уильям)
14. Gardner (Edward)	14. Гарднер (Эдвард)
15. Graham (Henry)	15. Грэхэм (Генри)
16. Lawrence (Charles)	16. Лоуренс (Чарльз)
17. Mitchell (Edward)	17. Митчел (Эдвард)
18. Mitchell (George William)	18. Митчел (Георг Уильям)
19. O'Leary O'Brien (John)	19. О'Лори О'Бриен (Джон)
20. Osmond (Lewis)	20. Осмонд (Люис)
21. Robertson (Aimable Hippolyte)	21. Робертсон (Эймебл Гипполит)
22. Rupell (Francis Brady)	22. Рапелл (Френсис Брейди)
23. Spiteri (Paolo)	23. Спитери (Паоло)
24. Strutton (Charles)	24. Страттон (Чарльз)

Missing

1. Cohen (Walff)
2. Smith Valette (Henry)

Claimants respecting whom there is no sufficient presumption at present that they are entitled the British protection

1. Bocchini (Peter)
2. de Neumann (Arthur Ferdinand)
3. Polès
4. Rieder (Dr Joseph)¹²¹.

¹²¹ P. R. O. F. O.— 27, 1869, N 837, 1871, 7 Jul.

Пропавшие без вести

1. Кохэн (Вольф)
2. Смит Валетте (Генри)

Лица, чье подданство не было точно установлено

1. Боччини (Питер)
2. де Неймен (Артур Фердинанд)
3. Поле
4. Ридер (д-р Джозеф)

Английские дипломаты шли на все, добиваясь освобождения своих соотечественников из тюрьмы без огласки. В каждом случае Лайонс аккуратно докладывал Гренвиллю. Большой интерес представляет письмо от 29 июня, помеченное «особо секретно». Посол сообщает министру иностранных дел об освобождении некоего Александра Томаса. Эта фамилия впервые упомянута в письме от 20 июня. Имя оказалось вымышленным. Так называл себя при аресте сын английского генерал-майора Диксона. Он действительно был в армии Коммуны и сражался за ее дело на парижских баррикадах. Молодого Диксона узнал полковник Чёрмсайд, ошибочно схваченный версальцами и пробывший в тюрьме Сатори несколько часов. Чтобы освободить арестованного, было составлено свидетельство о его сумасшествии, представленное в качестве оправдательного документа французским властям. Сын генерала после освобождения был немедленно отправлен к отцу. Однако Лайонс, боясь огласки, предупреждал Гренвиля, что и «в дальнейшем среди освобожденных будет фигурировать „Томас Александр“, а не мистер Диксон»¹²². Нам неизвестно, как были освобождены другие англичане, но история с сыном генерала показывает, что все средства были пущены в ход, чтобы сократить до минимума число подследственных англичан.

Если в июне несколько запросов Лайонса было удовлетворено, то в июле положение изменилось к худшему. Французы все решительней отказывали Лайонсу. 7 июля в очередной депеше Лайонс пишет: «По причине серьезных ошибок, якобы сделанных ранее, французские власти решили больше ни одного из арестованных не освобождать вверде до законного расследования». К этому письму был приложен наиболее полный список «выверенный и написанный в алфавитном порядке»¹²³.

Все последующие попытки посла выволнить соотечественников до следствия успеха не имели. И все же в июле Лайонс вновь обратился с официальным письмом в министерство иностранных дел Франции и просил срочно рассмотреть вопрос о британских подданных. Не получив ответа, он написал личное письмо Ж. Фавру и

¹²² Ibid., 1866, N 798, 1871, 29 Jun.

7 Jul.

¹²³ Ibid., 1869, N 837, 1871,

вложил в него список с перечислением лиц, все еще находившихся в заключении. Лайонс просил аудиенции¹²⁴. Встреча состоялась 10 июля. Посол вручил министру еще один список арестованных английских граждан. Жюль Фавр обещал свое содействие и помощь, но предупреждал, что дело займет немало времени¹²⁵. Через неделю английский посол добился второй встречи с Фавром. Министр иностранных дел объяснил Лайонсу причину столь длительного пребывания английских подданных под арестом «большим числом заключенных, оказавшихся в руках властей», а также «трудностями, связанными с проведением предварительного расследования»¹²⁶. В тот же день Лайонс, явно неудовлетворенный результатами переговоров с Ж. Фавром, настоял на аудиенции у Тьера, который повторил по существу слова своего министра.

Итак, переписка Лайонса с Гренвилем, информация, просочившаяся в прессу, парламентские дебаты, а также, хотя и менее точные, свидетельства очевидцев дают основания сделать некоторые вполне обоснованные выводы, прежде всего об участии английских граждан в парижском движении 1871 г. Некоторые из них специально для этого приехали в Париж. Точную цифру участников восстания не представляется возможным дать даже на основании списков английского посольства, хотя в них содержится наиболее полная информация. Но, с одной стороны, не все указанные в списках лица были действительно активными участниками восстания, а с другой — среди освобожденных в первые дни могли быть настоящие борцы за Коммуну. Вполне допустимо и предположение Лайонса, что среди расстрелянных на улицах Парижа без суда и следствия могли быть и англичане. Были, возможно, и такие, кому удалось более или менее благополучно вернуться на родину.

Во всяком случае на вопрос об участии англичан в революционной борьбе французских рабочих мы можем сейчас дать положительный ответ.

Переписка Лайонса с Гренвилем приводит к еще одному важному выводу. Как уже говорилось выше, во

многих работах буржуазных исследователей, посвященных Парижской Коммуне и написанных в связи с ее столетним юбилеем, подчеркивается, что Коммуна не привлекала к себе такого пристального внимания современников, как это стали утверждать позже. В Англии, в частности, ей будто бы не придавали вообще серьезного значения.

Переписка Лайонса с Гренвилем доказывает как раз обратное. Министр иностранных дел был искренне «удивлен», узнав, как мало соотечественников оказалось в числе арестованных на улицах Парижа, он явно опасался более активного участия англичан в революции. Такая же реакция была у Лайонса. Следовательно, оба считали только что происшедшие события серьезным явлением, имевшим большое влияние и на другие страны, в том числе на Великобританию.

Лайонс прилагал все усилия для немедленного освобождения своих сограждан из-под ареста. И министр иностранных дел, и посол действовали крайне осторожно, следя за тем, чтобы как можно меньше информации проникло в печать, чтобы никакие сведения о судьбе английских граждан в Париже не стали предметом широкого обсуждения, не вызвали новых публичных выступлений. Информация такого рода могла бы способствовать усилению популярности только что подавленной революции.

Наконец, о том, насколько серьезно воспринимались события на континенте, говорят и письма Лайонса, в которых подробно описаны его беседы с Тьером об Интернационале, о чем будет сказано в следующей главе.

Итак, весной 1871 г. Париж посетило значительное число английских граждан. Часть из них оставалась лишь сторонними наблюдателями, некоторые приняли участие в событиях. Многие по возвращении домой сразу или несколько позже опубликовали в печати свои воспоминания. Живые отклики на Коммуну, в большей части противоречившие официальной информации, оказывали определенное влияние на формирование общественного мнения в стране.

¹²⁴ Ibid., 1869, N 862, 1871, 11 Jul. 1871, 18 Jul.

¹²⁵ Ibid.

¹²⁶ Ibid., N 889

ВЫСТУПЛЕНИЯ АНГЛИЙСКИХ РАБОЧИХ В ЗАЩИТУ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

В то время когда пролетариат Парижа взял власть в свои руки, в английском рабочем движении временно победили реформизм. Руководители тред-юнионов отказывались от революционных форм борьбы и проповедовали классовое сотрудничество. Однако находившийся в Лондоне Генеральный Совет I Интернационала во главе с К. Марксом оказывал значительное влияние на революционное крыло английского пролетариата, встретившего революцию в Париже полным одобрением. Огромная заслуга в организации движения солидарности с Коммуной принадлежит К. Марксу. С первых дней революции он направлял работу английских членов Генерального Совета, выступавших буквально на каждом митинге. После разгрома Коммуны Маркс возглавил движение за права коммунаров на политическое убежище. В ряде исследований, посвященных К. Марксу и истории I Интернационала, подробно освещается деятельность К. Маркса в этот период. Опираясь на эти труды, остановимся более детально на выступлениях английских рабочих в защиту Коммуны¹.

В связи с ростом республиканского движения в Англии и его влияния на рабочих I Интернационал занял по отношению к нему совершенно определенную позицию. Члены Генерального Совета возглавляли его левое крыло. Они посещали митинги, заседания республиканских клубов и выступали перед рабочей аудиторией с разоблачениями клеветнических заявлений английской прессы в адрес парижских коммунаров, делали доклады о событиях во Франции².

¹ См.: Парижская Коммуна 1871 года. М., 1961, т. 2, с. 249—268; История Парижской Коммуны 1871 г. М., 1971, с. 549—568; Кунина В. Э. Карл Маркс и английское рабочее движение. М., 1968, с. 326—348; Парижская Коммуна и марксизм. М., 1973, с. 152—189.

² См.: История Парижской Коммуны 1871 г., с. 628—637.

22 марта в Велингтон-мюзик-холле состоялся большой митинг, созванный в целях основания центрального республиканского клуба. Одним из организаторов митинга и его председателем был Дж. Одлер Газеты широко освещали собрание и комментировали выступления Дж. Одлера. «Присутствующие здесь, — говорил оратор, — не ставят на обсуждение вопрос о преимуществе республиканской формы правления над монархией или империей. Предполагается, что они давно решили это для себя»³. Центральный республиканский клуб создавался «для выработки республиканской программы, для подготовки к более широкому массовому митингу, на котором будет основана республиканская ассоциация». Одлер ссылаясь на письма, полученные им «от передовых рабочих нескольких промышленных городов Англии... готовых присоединиться к лондонскому движению».

Несмотря на критику в адрес правительства и существующего режима, газеты подчеркивали умеренный тон выступлений. Развитию республиканских взглядов правительственные круги не придавали особенно серьезного значения. Опасаясь тем не менее любых выступлений в защиту коммунаров, буржуазная пресса старалась либо скрыть, либо исказить факты.

Ведущая газета «Таймс», изложив речи ораторов и пересказав принятую резолюцию, ни словом не обмолвилась о некоторых более решительных заявлениях. Например, при голосовании резолюции член I Интернационала и активный деятель Лиги земли и труда Чарльз Уэйд предложил к слову «республика» доавить «социальная» и «демократическая». И хотя за это дополнение проголосовало 26 человек, а против — 50, требования левого крыла собрания прозвучали во всеуслышание⁴. «Таймс» умолчала также о выступлении секретаря Генерального Совета I Интернационала Дж. Хенлиза и французского революционера, будущего члена Коммуны Огюста Серрайе, находившегося в то время в Лондоне. Присутствовавшие с интересом выслушали сообщение последнего о событиях

³ The Times, 1871, 23 Mar., p. 10.

⁴ Ibid.

⁵ Генеральный Совет Первого Интернационала. 1870—1871: Протоколы. М., 1965, с. 113—114.

в Париже и единогласно приняли резолюцию с выражением сочувствия французским рабочим⁶.

Через два дня, 24 марта 1871 г., члены Генерального Совета приняли участие еще в одном республиканском собрании, проводившемся в течение двух дней в помещении Холл-оф-сайенс на улице Олд-стрит (Ист-Энд). Его организаторы предлагали основать Лондонский республиканский клуб. Почти все газеты поместили заметки об этом событии. В своей двухчасовой речи радикал Дж. Холиок объявил, что создаваемый клуб «намеревается распространять республиканские идеи в число английской молодежи, без красных флагов и фригийских колпаков», клуб не ставил цели свержения существующего правительства. Его задачи вполне мирные — познакомить рабочих с республиканской формой правления и подготовить их к будущей республике, т. е. к всенародному правлению. Бывший чартист Дж. Холиок с первых слов противопоставил цели будущего клуба целям парижских коммунаров. В том же духе выступил и Ч. Бредло.

Подробно изложив речи основных ораторов, корреспондент «Таймс» подверг их едкой критике, обличая «политические пороки республиканизма», которые, по его словам, привели «к полному крушению Франции». Он выражал надежду на отсутствие в Англии тех условий, которые были во Франции для распространения республиканских идей. Газета и на этот раз умолчала о заявлении неугомонного Чарльза Уэйда в защиту коммунаров, назвавшего именно их «настоящими республиканцами»⁸.

В марте 1871 г. широкую кампанию в защиту Коммуны развернула Лига земли и труда, основанная в 1869 г. при участии Генерального Совета I Интернационала⁹. С первых дней победы революции секции Лиги обсуждали французские события, заслушивали все сообщения, поступающие из Парижа. За первую неделю после победы революции, с 20 по 27 марта, в разных районах Лондона прошли многолюдные собрания рабочих, где вы-

⁶ Там же.

⁷ The Daily News, 1871, 25 Mar., p. 3.

⁸ Генеральный Совет Первого Интернационала. 1870—1871: Протоколы, с. 396, комментарий 164.

⁹ О Лиге земли и труда см.: Кунина В. Э. Указ. соч., с. 287—290.

ступали члены I Интернационала и Лиги земли и труда. Уже 20 марта на заседании секции Хампс-род член Лиги Брайзон сделал доклад о положении во Франции¹⁰.

Наиболее удобными были, естественно, выходные дни, и рабочие клубы и общества чаще всего собирались по воскресеньям¹¹. Только 26 марта в разных частях Лондона прошло несколько собраний с новостями о парижских событиях. На заседании дискуссионного общества «Робин Гуд» с сообщением о Парижской Коммуне выступил ткач Томас Моттерсхед, член Генерального Совета, один из организаторов Лиги. Он полностью одобрил парижское восстание и резко осудил английскую прессу. «Что касается наших газет, — сказал он, — меня не удивляет их точка зрения, когда я думаю о скрытом влиянии денежных тузов»¹².

Под председательством бывшего чартиста Уильяма Осборна 26 марта провела собрание Холборнская секция Лиги. Рабочие, сказал председатель, собрались для «защиты дела красных республиканцев Парижа»¹³. Осборн рассказал присутствовавшим, что так называемое республиканское правительство Тьера «обратится к крестьянству с призывом организовать добровольные отряды для похода на Париж, чтобы потопить молодую республику в море крови»¹⁴.

В полдень того же дня на площади Клеркенуэлл-грин — большой зеленой лужайке, не раз служившей

¹⁰ См.: Первый Интернационал и Парижская Коммуна, М., 1972, с. 187.

¹¹ В феврале — марте 1871 г. в рабочем районе столицы Клеркенуэлл функционировали три рабочих общества: Холборнская секция Лиги земли и труда, Лондонское патристическое общество и дискуссионное общество «Робин Гуд», которое, по словам А. Ротштейна, получило столь странное название, чтобы отвести всякие подозрения хозяина гостиницы, где происходили заседания. Общество собиралось по воскресеньям на улице Лидерлейн в гостинице «Nag's Head» (голова лошади). Штаб-квартирой двух первых клубов был популярный в рабочей среде гостинный двор «Hole-in the Wall» (пролом в стене). Состав их не был строго определен. Все они близко примыкали к I Интернационалу (Rothstein A. A. House on Clerkenwell Green. London, 1966, p. 35—43).

¹² The National Reformer, 1871, 2 Apr., p. 220. В. Л. С.

¹³ Ibid., p. 221.

¹⁴ Ibid.

местом сходов, собрались рабочие этого квартала, чтобы узнать подробности «невероятных событий в Париже за последнюю неделю»¹⁵ После этого ряда выступлений слово взял сапожник, старый чартист Джеймс Мерретт, член Лиги и I Интернационала. Он предложил принять резолюцию с осуждением «лондонской прессы, неправильно излагающей действия республиканцев в течение последних нескольких дней». Собрание выразило благодарность профессору Э. Бизли за его статьи в газете «Би хайв»¹⁶

Члены еще одной секции Лиги земли и труда в первое воскресенье собрались на вечернее заседание на улице Оксфорд-стрит и заслушали доклад финансового секретаря Генерального Совета Харриса о прошлых французских революциях. Основываясь на последних событиях, докладчик сказал: «Революция 1871 г. открывает новую эру — эру европейской демократии»¹⁷

1 апреля консервативный журнал «Сэтердей ревю» поместил на своих страницах заметку «Английские республиканские агитаторы». Не покусившись на выдумки и объявив члена Коммуны А. Асси «лидером Международной демократической ассоциации» журнал назвал Лигу земли и труда «английским отделением» этой ассоциации и уверял читателей, что цель Лиги и, «видимо, нового республиканского клуба» — установить «контроль над политикой правительства и совещаниями парламента». Намекая на тесную связь «английских республиканских агитаторов» с французскими повстанцами в статье говорится: «Каждое собрание черни на улицах или на Трафальгарской площади угрожает спокойствию в метрополисе»¹⁸

Через неделю секции Лиги подготовили еще несколько собраний посвященных парижским событиям. В Париже была провозглашена Коммуна, и рабочие Англии выразили полную солидарность с французским пролетариатом. На Оксфорд-стрит, Майл-энд, Хакни-роуд и улице Холборн — всюду звучали слова поддержки и одобрения действиям коммунаров. Докладчики Моттерсхед, Осборн, Брабизон Хейлз разъяснили слушателям цели и задачи

¹⁵ Ibid ¹⁶ Ibid ¹⁷ Ibid

¹⁸ The Saturday Review, 1871 1 Apr p 389

Коммуны, говорили об участниках революции, о намерениях версальского правительства. «Национальная гвардия — это вооруженные рабочие», — сказал Хейлз. В статье в Париже «было не движение какого-то сбоя или черни». Это была борьба «части рабочих, стремящаяся занять свое законное место в государстве»¹⁹. В живую и интересной лекции, получившей одобрение всех собравшихся, Томас Моттерсхед, выступавший на заседании Холборнской секции, назвал коммунарков «единственной истинной республиканской партией»²⁰.

На апрельских собраниях и митингах все настойчивее звучало предложение о проведении демонстрации в поддержку французских рабочих.

7 апреля 1871 г. по инициативе Лиги земли и труда на Трафальгарской площади состоялся митинг. Подожженой колонны Нельсона служило трибуной. Один из ораторов зачитал обращение, начинавшееся словами: «Свобода. Равенство. Братство». Далее следовал призыв к рабочим выразить «сочувствие французским братьям, которые борются сейчас за освобождение труда и победу действительной республики». Заканчивалось обращение словами: «Да здравствует всемирная республика, социальная и демократическая!»²¹.

Через два дня состоялся митинг на площади Клеркенуэлл-грин. Здесь собралось около 500 человек, в основном молодые рабочие из близлежащих районов Сент-Люк, Бетнал-грин. Среди них были ирландские рабочие, проживавшие в Ист-Энде. Посреди площади на фонаре подняли красный флаг, увенчанный фригийским колпаком у подножия импровизированной мачты соорудили трибуну. Председательствовавший на митинге Оуэн призвал рабочих выразить солидарность с теми, «кто борется в Париже за свободу»²². Член I Интернационала, один из руководителей Лиги земли и труда и ее казначей, Джон Уэстон, в своем выступлении причислил собственников к «грабителям», «ворам» и «даже убийцам». «Против них ведут борьбу коммунары», — сказал он в своей речи

ж. Уэстон горячо поддержал идею о проведении демонстрации 16 апреля в Гайд-парке.

Один из ораторов, Джеймс Мёррей, говоривший, по словам корреспондента «Пэлла Мэлла газет», «с большим энтузиазмом и убедительностью», назвал революцию в Париже «борьбой бедности с богатством»²³. После приятия резолюции в поддержку демонстрации был проведен сбор средств на ее организацию. Митинг закончился речью «Марсельезы»²⁴.

Пресса не могла умолчать о таких событиях. «Таймс», «Пэлла Мэлла газет» и другие поместили отчеты о рабочих митингах. Буржуазная пресса пыталась всячески снизить значимость проходивших собраний и митингов. Говоря о митинге 7 апреля, «Таймс» называла его «малочисленным», «Пэлла Мэлла газет» в заметке о выступлениях рабочих на митинге 9 апреля хотя и говорила о большом числе участников, но подчеркивала, что «слушателями в основном были зеленые юнцы»²⁵.

Журналисты пытались доказать, что правительство не принимает всерьез выступления рабочих и рост республиканских клубов, однако на деле все выглядело иначе. Именно в эти месяцы полиция стала угрожать владельцам помещений, где обычно происходили рабочие собрания. Хозяева получали предупреждения о возможном лишении лицензий, дававших право содержать гостинные дворы, кофейни, залы заседаний. Некоторых хозяев лишали лицензий без предупреждения. Но не всегда действия полиции заканчивались для нее успешно. Так, попытка закрыть известный в Лондоне зал — Холл-оф-сайенс — вызвала демонстрацию рабочих, запрет пришлось снять.

Действия английской полиции обсуждались на собраниях представителей ряда республиканских клубов, проходившем на улице Кёрби (район Клеркенуэлл) 7 апреля 1871 г. Председательствующий У. Осборн, изложив известные ему факты, предупредил об угрозе закрытия помещения, снятого одним из республиканских клубов в районе Бермондси (рабочий квартал на правом берегу Темзы)²⁶.

¹⁹ Первый Интернационал и Парижская Коммуна, с. 192.

²⁰ The National Reformer, 1871. 9 Apr., p. 237.

²¹ The Times, 1871, 8 Apr.; p. 9; The Graphic, 1871, 15 Apr., p. 33.

²² The Pall Mall Gazette, 1871, 10 Apr., p. 4.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid.

²⁵ The Times, 1871, 8 Apr., p. 9; The Pall Mall Gazette, 1871, 10 Apr.

²⁶ The Bee-Hive, 1871. 8 Apr., p. 13.

15 апреля 1871 г. «Пэлл Мэлл газет» поместила на первой странице большую статью без подписи под заголовком «Наши собственные красные» (Our Own Reds). Автор не пытался закрывать глаза на «рост республиканского духа». Скорее наоборот, он передал папирусный страх буржуазии перед распространением всякого рода «крамольных идей». Статья преувеличивала силу республиканских организаций и их влияние на пролетариат. «Республиканизм, — писал автор, — это прежде всего результат роста городов». И где же, как не в Англии, с ее развитыми промышленными центрами, имеется благодатная почва для его распространения? В качестве примера назывался город Ноттингем, «дух которого можно встретить в любой подобной ему общине нашего королевства»²⁷.

Нельзя отказать автору в правильном понимании процесса постепенного стирания национальных различий пролетариата и роста интернациональной солидарности, о чем говорится в статье. Разраставшаяся кампания в защиту Коммуны красноречиво подтверждала это.

В Париже внимательно следили за событиями в Англии и возлагали на нее большие надежды. 25 марта «Журналь офисиель», орган Парижской Коммуны, поместил большую статью под заголовком «Республиканское движение в Англии». В ней подробно описывался митинг 24 марта. 28 марта та же газета, ссылаясь на английскую прессу, сообщала читателям о подъеме демократического движения, об основании Республиканского клуба в Лондоне и открытии таких же клубов в Бирмингеме, Ньюкасле, Ноттингеме и других городах Великобритании²⁸.

Ведущую роль в организации народных масс играл I Интернационал. С первых чисел апреля Международная демократическая ассоциация²⁹ начала агитацию за проведение в столице массовой демонстрации в поддержку Коммуны, но члены ассоциации, не согласовав свои действия с I Интернационалом, не решились действовать без его поддержки. 11 апреля Генеральный Совет рассмотрел

вопрос об участии в демонстрации лондонских рабочих. На заседании были заслушаны и обсуждены документы, подготовленные членами Международной демократической ассоциации, прежде всего воззвание Г. Юнг критиковал его за «буржуазный дух», Т. Моттерсхед предложил воззвание «несколько сократить и сделать более острым»³⁰.

В нем чувствовалось влияние мелкобуржуазных элементов. В текст был внесен ряд существенных поправок. Генеральный Совет принял решение «использовать свое влияние для содействия успеху демонстрации»³¹.

К. Маркс из-за болезни на заседании не присутствовал.

16 апреля 1871 г. с утра моросил дождь, время от времени он переходил в настоящий ливень. Но, несмотря на плохую погоду, в 2 часа 30 минут в рабочем квартале Ст-Энда, на площади Финсбери, собралось около 300 человек. С оркестром, развернув знамена, демонстранты двинулись к площади Клеркенуэлл-грин, где к ним присоединились рабочие этого района, в том числе ирландцы.

В демонстрации приняли участие иностранцы. Американцы подняли свой звездно-полосатый флаг, поляки несли знамя с надписью «Польша». «Да здравствует Коммуна!» и «Всемирная социальная республика» было написано на транспарантах. Головные уборы участников кествия и лацканы пальто были украшены красными лентами. Под звуки «Марсельезы» демонстрация прошла почти через весь город. По центральному улицам Флит-стрит, Стрэнду, Пэлл Мэлл, Пикадилли она достигла Гайд-парка, где уже собралось около 2—3 тыс. рабочих. Здесь начался митинг. Его участники разбились на группы около двух трибун, сооруженных заранее из парковых скамеек и лотков уличных торговцев. Трибуны украшали красные флаги и фригийские колпаки. Начавшийся митинг возглавляли два председателя: Джон Уэстон и Джеймс Мёррей. С обеих трибун выступали ораторы, призывая народ выразить солидарность с Парижской Коммуной. В своей речи Джеймс Мёррей подчеркнул значение

²⁷ The Pall Mall Gazette, 1871, 15 Apr., p. 1.

²⁸ The Journal Officiel, 1871, 25 Mar., p. 200.

²⁹ Международная демократическая ассоциация объединяла мелкобуржуазных французских и немецких эмигрантов и английских республиканцев.

³⁰ Генеральный Совет Первого Интернационала. 1870—1871: Протоколы, с. 120.

³¹ Там же, с. 122.

демонстрации и назвал ее «самым важным событием, когда-либо имевшим место в этом парке», ибо она «проходит в защиту погрязших всего человечества»³².

Дж. Мёррей призывал рабочих Великобритании выразить поддержку «коммунарам Парижа», борющимся «не только за права одного города, а за права рабочего класса во всем мире»³³. Оратор осудил английских буржуазных республиканцев за отказ принять участие в демонстрации. Перед лицом всех рабочих они показали свое истинное лицо.

После целого ряда выступлений с обеих трибун было зачитано Обращение к членам Коммуны, Центральному комитету национальной гвардии и рабочему классу Парижа, принятое народом Лондона на публичном митинге и адресованное французским братьям.

«Мы шлем вам братский привет... — говорилось в документе, — и выражаем самую сердечную благодарность за великий подвиг, совершаемый вами во имя свободы всего человечества...»³⁴ Обращение клеймило версальцев, «ставших орудием европейских тиранов». Оно одобряло мероприятия Коммуны, в том числе отделение церкви от государства, решение продать дворцы и королевские земли в уплату военных долгов. Демонстранты выражали искреннее соболезнование и скорбь по поводу гибели «храброго Флуранса и многих других рабочих». «Их гибель тяжела для нас так же, как и для вас... — говорилось в Обращении, — и мы провозглашаем их мучениками во имя прогресса всего человечества»³⁵.

Рабочие осудили лживую английскую прессу, поддерживаемую правительством. «Но, если даже наше беспринципное правительство найдет возможность... ускорить вторжение иностранных войск и уничтожить ваши права, — говорили они, — мы, народ Лондона, верим в вашу борьбу за свободу во всем мире, за возрождение человечества. Мы выражаем настоящим свое восхищение величием вашего начинания и протягиваем вам честную руку дружбы и братства. Да здравствует Республика, демократическая и социальная»³⁶.

³² The Times, 1871, 17 Apr., p. 6.

³³ Ibid. ³⁴ Ibid. ³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid.

Обращение было горячо поддержано лондонскими рабочими. В толпе раздавались голоса, выражавшие «сердечное желание» установить «коммуны в Англии»³⁷. Демонстранты единодушно решили послать документ в Париж. С пением «Марсельезы» в сопровождении оркестра шествие направилось вдоль восточной части Гайд-парка к Мраморной арке.

На следующей неделе газеты различных направлений комментировали события воскресного дня. Большие и обстоятельные статьи появились в «Би-хайв», «Грэфик», несколько небольших заметок напечатала «Пэлл Мэлл газет».

Не обошла молчанием демонстрацию столичных рабочих и провинциальная пресса. Газета «Ливерпуль меркьюри» доказывала ненужность подобных выступлений, поскольку в Англии «многие республиканские принципы уже существуют». Но «красные республиканцы», а это

³⁷ Ibid.; The Bee-Hive, 1871, 22 Apr., p. 1.

«те же коммунары», обманывают народ, они ратуют «не просто за республику», а «за коммунистическую республику». Доказательством служат «флаги и речи воскресной демонстрации в Лондоне»³⁸. Еще резче писала оксфордская газета «Оксфорд андергрэдьюэйт джорнал». То, что произошло во Франции, не может случиться в Англии, говорил автор статьи «Республиканизм во Франции и в Англии». Сравнивая победу революции в Париже и демонстрацию в Гайд-парке, журналист поставил своей целью высмеять движение солидарности с Коммуной, унижить рабочих Лондона, показать их ничтожество, несостоятельность и полное отсутствие серьезных намерений.

Французские рабочие смогли взять власть в свои руки, говорил автор статьи, по двум причинам. Во-первых, они сами намного организованнее своих английских собратьев, они «по крайней мере пытались создать видимость правительства» и «делали все, чтобы сохранить порядок... этого отрицать нельзя». Во-вторых, французские правящие круги (а читатель должен был понять не высказанную прямо мысль — «в отличие от английских») оказались не на высоте. «Парижанам было безразлично, кто ими будет управлять... и они были, видимо, удовлетворены и этими хозяевами»³⁹.

Но Коммуна была в Париже, а митинги в ее поддержку — в Лондоне. Это вызывало негодование защитника английского политического строя. Чтобы доказать преимущество одной формы правления над другой, писал он, «недостаточно организовать процессию на Пикадилли и разлагольствовать в Гайд-парке». Чтобы разрушить «высокие здания», «блестящие традиции» английского Ульда жизни, надо иметь более серьезную подготовку⁴⁰.

17 апреля подробный отчет о демонстрации давал «Таймс», но это была только констатация факта, хотя и под определенным углом зрения, а на следующий день газета напечатала большую редакционную статью о демонстрации «профессиональных представителей классов, который в настоящее время приобретает повсюду большее

значение»⁴¹. Газета, как и прежде, пыталась свести на нет впечатление о демонстрации трудящихся столицы. Красные республиканцы, — говорилось в статье, — продемонстрировали свою слабость и малочисленность, демонстрация потерпела полный провал»⁴².

В том же духе высказывалась газета «Пост», статью в которой напечатала «Пэлл Мэлл газет» 17 апреля. Истинное отношение к демонстрации, пожалуй, лучше всего определила «Дейли телеграф». «Г-н Мёррей и его подвизники должны знать, — говорилось в статье, — что, если они только попытаются повторить действия Бельвиля соорудить баррикады на Клеркенуэлл-грин... они будут сметены разъяренным народом»⁴³. Выражая уверенность в невозможности повторения парижского восстания в Лондоне, газета показала вместе с тем, что именно такого повторения боятся правящие круги Англии. Все заметки отражали настороженность английской буржуазии, внимательно следившей за политическим подъемом народных масс Лондона, ее боязнь, как бы пример Парижа не подлил на революционную борьбу рабочих Великобритании. Вряд ли стали бы так шуметь газеты «респектабельной Англии», если бы вопрос шел о «небольшом числе рабочих и гораздо большем числе оборванцев», о «никому неизвестных ораторах», которых «даже гайд-парковская чернь» не желала слушать, как писал корреспондент «Таймс»⁴⁴.

Демонстрация 16 апреля произвела такое впечатление на английское общество, что министр внутренних дел Брус вынужден был послать объяснительную записку королеве Великобритании. Он в самых убедительных выражениях пытался доказать «незначительность так называемой республиканской демонстрации в Гайд-парке как по ее характеру, так и по числу участников». Революционные выступления во Франции, считал министр, постоянно оказывали влияние на Великобританию. Объясняя причины лондонской демонстрации «отражением парижских беспорядков», Брус добавлял: «Определенный подъ-

⁴¹ The Times, 1871, 18 Apr., p. 9.

⁴² Ibid.

⁴³ Цит. по: The Pall Mall Gazette, 1871, 17 Apr., p. 2.

⁴⁴ The Times, 1871, 18 Apr., p. 9.

³⁸ The Liverpool Mercury. 1871, 18 Apr., p. 6. В. Л. С.

³⁹ The Oxford Undergraduate's Journal, 1871, 20 Apr., p. 1013. В. Л. С.

⁴⁰ Ibid., p. 1014.

ем политического возбуждения... всегда следует ожидать, когда во Франции происходит очередная революция».

Письмо пролетариев английской столицы было получено в Париже, и 20 апреля 1871 г. газета «Журнал офисиель» напечатала текст Обращения⁴⁶. На очередном заседании Коммуны 21 апреля под председательством Варлена гражданин Малон внес предложение направить письмо с выражением благодарности английским республиканцам. Варлен зачитал письмо, адресованное в Лондон: «Парижская Коммуна с полным сочувствием приняла обращение английских республиканцев и шлет им в Парижа, сражающегося за коммунальные права и за освобождение пролетариата, свою искреннюю благодарность»⁴⁷. Было принято предложение составить адрес рабочим Великобритании и послать делегацию в Лондон, но Коммуна так и не смогла осуществить свое намерение.

Демонстрация 16 апреля показала потенциальные силы английского пролетариата и вместе с тем выявила его слабость: отсутствие самостоятельной рабочей партии, отход тред-юнионов от политической борьбы.

Движение солидарности с Парижской Коммуной захватило не только рабочих столицы. Выступления были и в других промышленных городах. К сожалению, в центральной прессе, в том числе и наиболее левой, события в провинциальных городах не освещались так подробно, как лондонские, да и рабочий класс в провинции был менее организован, чем в столице. И все же ряд свидетельств дает основание предполагать, что информация о Коммуне распространялась по всем промышленным городам Великобритании довольно быстро и вызывала сочувствие и симпатии рабочих. Некоторые сообщения об этом попадали и в газеты. В первых числах апреля газета «Нейшпир реформер» сообщила о заседании Гражданского клуба в Бирмингеме, где республиканец Дж. Моррис сделал доклад «О французской революции 1789 г.» и «совершенно по-новому осветил темные места в истории Франции». Докладчик остановился и на современных событиях. Он призывал слушателей не доверять газетной информации

⁴⁵ The Letters of Queen Victoria. 2nd Ser., vol. II. 1870—1878. London, 1926, p. 130.

⁴⁶ The Journal Officiel, 1871, 20 Apr., p. 251.

⁴⁷ Ibid., p. 258.

В Париже, сказал он, люди «не просто борются за свои права, а добиваются их ценою жизни»⁴⁸.

Даже в провинциальных газетах, отражавших консервативные взгляды английской буржуазии и смотревших на французские события глазами «Таймс», появлялись заметки, дающие некоторое представление об отношении к парижским событиям английской провинции. 10 апреля газета «Манчестер дейли экзаминер энд таймс» поместила подробный репортаж об открытии памятника на манчестерском кладбище Ардвин известному чартисту Эрнсту Джонсу, другу К. Маркса. Как сообщила газета, в честь этого события собралось очень много народа. Кое-кто специально приехал из других городов, в том числе Томас Райт из Бирмингема, автор большой статьи в защиту Коммуны, опубликованной позже в журнале «Фрейзерс мэгэзин».

Выступивший на траурной церемонии священник С. А. Стейнтал сказал, что Эрнст Джонс «всю жизнь боролся за права народа». Он и его сподвижники никогда не отступали от «великих принципов, за которые боролись в прошлые времена... и отдали за них свои жизни». С. А. Стейнтал напомнил собравшимся о событиях, «происходящих в настоящее время на континенте». От имени всех участников траурного митинга он выразил «протест против империализма, который в течение уже 20 лет стремится уничтожить великие принципы». Но пройдут годы, говорил оратор, и «общее благосостояние людей, основанное на равенстве прав, распространится по всей нашей прекрасной земле»⁴⁹. Полная перепечатка этой речи и более краткое ее изложение появились в некоторых провинциальных и столичных газетах⁵⁰.

Почти все провинциальные газеты поместили заметки о демонстрации 16 апреля, большинство из них было полностью перепечатано из ведущих буржуазных газет, прежде всего из «Таймс», без каких бы то ни было комментариев, но рабочие получили информацию о движении солидарности с Коммуной в столице.

⁴⁸ The National Reformer, 1871, 2 Apr., p. 238.

⁴⁹ The Manchester Daily Examiner and Times, 1871, 10 Apr., p. 4.

⁵⁰ The Reformer, Edinburgh, 1871, 15 Apr., p. 7; The Eastern Post, 1871, 15 Apr.

Некоторые письма из провинциальных городов были направлены в газету «Би-хайв» 22 апреля 1871 г. «Би-хайв» поместила два письма в поддержку Коммуны. Одно, присланное из Гуля (Йоркшир), благодарило редактора газеты за публикацию статей проф. Э. Бизли. Автор письма Джозеф Линер искренне верил, что эти статьи «присутствуют „Би-хайв“ популярности в рабочей среде». Письмо заканчивается пожеланием «успехов Парижской Коммуны и верой в победу республиканства во всем мире». Второе письмо из города Хаслингтона (Ланкашир), подписанное С. Ротвелом, выражало полную поддержку экономическим мероприятиям Коммуны и надежду на ее успех⁵².

Парижскую Коммуну поддерживала и перетовая частота ноттингемских рабочих. Об этом говорит деятельность рабочего-публициста Томаса Смита.

Советским историкам, занимающимся изучением рабочего движения Англии и историей I Интернационала, известны имя Томаса Смита и его брошюра «Письма к Коммуне». В. Э. Купина в работе «Карл Маркс и английское рабочее движение» и Ф. Г. Рябов в статье «Англия и Парижская Коммуна» называют Томаса Смита в числе защитников Коммуны, выступавших в английской прессе⁵³.

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма хранится несколько писем Т. Смита Карлу Марксу, частично опубликованных в сборнике документов «Первый Интернационал и Парижская Коммуна»⁵⁴. Знакомство с этими письмами, анализ статей Т. Смита и историческая литература, появившаяся за последние годы дали возможность проследить формирование его взглядов, происходившее под непосредственным влиянием революционной борьбы французских рабочих.

В связи со столетием Парижской Коммуны многие историки, в том числе английские, вновь обратились к изучению рабочего движения 70-х годов XIX в. Упомяну-

тые выше статьи коммуниста П. Уинкола посвящены рабочему движению в Ноттингеме, истории создания Ноттингемской секции I Интернационала и деятельности одного из основателей секции — Томаса Смита⁵⁵. Но если П. Уинколу не был известен даже год рождения Смита, то теперь, из книги переписи населения за 1871 г., хранящейся в отделе рукописей Публичной городской библиотеки Ноттингема, удалось почерпнуть некоторые его биографические данные.

⁵¹ The *Free Press* 1871 22 Apr p 14

⁵² *Ibid*

⁵³ См. Купина В. Э. Указ соч., с. 338—339; Рябов Ф. Г. Англия и Парижская Коммуна — В кн.: История Парижской Коммуны, 1871 г., с. 633

⁵⁴ См.: Первый Интернационал и Парижская Коммуна М., 1972

⁵⁵ Wyncoll P. The First International and Working Class Activity in Nottingham 1871—1873 — *Marxism Today*, 1968, Dec., p. 372—379; *Idem*. Thomas Smith: A Working Class Defender of the Commune.— *Ibid*, 1971, Mar., p. 86—89.

В 1871 г. Томасу Смиту было 39 лет. Он был женат и имел двух детей: четырехлетнюю дочь и трехлетнего сына⁵⁶. Семья жила в одном из самых бедных кварталов города, недалеко от текстильной фабрики, специализировавшейся на выделке кружев. Гамбл-стрит, где жил в эти годы Т. Смит, и весь прилегающий к ней квартал были плотно застроены стандартными двухэтажными многоквартирными домами, не имевшими никаких удобств. В них ютились семьи рабочих⁵⁷.

Томас Смит был мелким уличным торговцем углем. В те годы угольные шахты находились прямо на окраине Ноттингема. Смит, развозя на тележке уголь, переходит из дома в дом и знал, естественно, многих рабочих. По соседству с ним, согласно переписи населения улицы Гамбл за 1871 г., жили: столяр, типографский рабочий сапожник, кружевница, слуга, фабричный рабочий, портфельщик, рабочий-ремонтник, грузчик на складе⁵⁸.

Занятие Смита ставило его в особые условия, и не удивительно, что он стал одним из политических организаторов местных рабочих. Человек любознательный и способный, Смит, видимо, много читал, занимается самообразованием и в 70-е годы был весьма грамотным, начитанным человеком, внимательно следившим не только за политической жизнью в стране, но и за международными событиями.

Коммуна произвела на Т. Смита большое впечатление, и он написал и опубликовал в местной газете «Ноттингем энд мидлэнд каунтис дейли экспресс» пять статей посвященных событиям в Париже.

Первая статья «Революция в Париже» была напечатана 25 марта 1871 г., т. е. спустя всего семь дней после победы парижских рабочих. На исторических примерах прошлого Франции Томас Смит показал борьбу народа за политические свободы. Основную цель борьбы на современном этапе автор статьи усматривал в уничтожении централизованного государства и завоевании самоуправ-

ления. Мысль эта не была новой, многие современники парижских событий видели в Коммуне прежде всего борьбу за децентрализацию.

Трижды провозглашала Франция республику, говорил в статье Т. Смит, и дважды ее уничтожали путем усиления централизации. «Наполеон I и Наполеон III, опираясь на армию и разоружив народ, потопили республику в крови на парижских улицах»⁵⁹. Национальное собрание, продолжал автор, тоже намеревалось учинить расправу над восставшими и разгромить Третью республику. Тьер пытался действовать теми же методами, т. е., разоружив народ и уничтожив свободу слова и печати, укрепить централизованную власть. Однако современное революционное движение выдвинуло совершенно новое требование — создание такого института, который сохранил бы республику и превратил Францию в «свободное государство». Таким институтом, по мнению Смита, была Коммуна. Вслед за другими английскими республиканцами Т. Смит увидел в Коммуне республиканское государство типа Америки или Швейцарии, которые автор живо идеализировал.

Статья «Революция в Париже» является скорее выражением сочувствия парижским рабочим и веры автора в справедливость их борьбы, чем анализом этой борьбы, который Т. Смит дал в последующих заметках. Но уже здесь автор высказывал мысль, развитую им позже, о закономерности революционных выступлений на всем протяжении истории Франции.

Вторая статья — «Борьба в Париже» — была опубликована 13 мая 1871 г. Автор радовался успехам Коммуны и надеялся на дальнейшие победы. «После восьмидневных сражений, — писал он, — нет никаких намеков на прекращение борьбы»⁶⁰. Статья представляет собой своеобразную попытку дать классовый анализ современных событий. Как и раньше, Смит обращается к прошлому Франции и с точки зрения расстановки классовых сил анализирует революцию 1848 г. «Средний класс... думал, что сможет создать свою республику и использовать кре-

⁵⁶ Census Returns for Nottingham, 1871

⁵⁷ В начале 1978 г. та сторона улицы, где находится дом Смита, была снесена. На противоположной стороне сохранились дома для рабочих, функционирует и соседняя фабрика по выделке кружев

⁵⁸ Census Returns for Nottingham, 1871.

⁵⁹ The Nottingham and Midland Counties Daily Express, 1871, 25 Mar. p. 3.

⁶⁰ Ibid., 13 May, p. 3.

стыяство и духовенство против рабочих больших городов»⁶¹. Когда же Наполеон Бонапарт начал расправу, чтобы задушить республику, только рабочий класс выступил на ее защиту, стремясь спасти и сохранить завоеванную свободу. Радикально настроенная в 1848 г. буржуазия, потеряв веру в установление своей собственной республики, не поддержала в 1871 г. Тьера, но и не встала на защиту Коммуны. Крестьянство, проводил автор статьи, «в своей массе не сбросило еще с себя политической апатии» и тоже не выступило на стороне Коммуны⁶². Тьер нашел поддержку в отсталых сельскохозяйственных районах Франции, в остатках армии, разбитой во время франко-прусской войны. По справедливому мнению автора, Тьер не смог бы одолеть восставший Париж, если бы Бисмарк не вернул военнопленных. Запугивая народ Коммуной, распространяя клевету о ней, Тьер рекрутировал союзников в наиболее отсталых областях страны.

В настоящее время, приходил к выводу Т. Смит результат борьбы всецело зависит от того, «что предпримут большие города», т. е. поддержат ли остальные французские города революционную столицу. В этом он видел «долг» промышленных городов Франции. «Но даже если Национальное собрание сломит Париж... и Франция будет отброшена назад... произойдет новый взрыв, начнется новая революция... пока, наконец, свобода... не восторжествует»⁶³.

Идеализируя Швейцарию, Т. Смит выражал надежду, что ее близость к Франции может оказать благотворное влияние. Он считал, что эта страна «с ее кантонами, федеральным правительством, небольшими налогами, малочисленной армией и с ее свободой» будет стимулировать борьбу за децентрализацию Франции⁶⁴.

Но самые большие надежды Смит возлагал на деятельность самой Коммуны. Ее существование привлекало все новых и новых борцов за свободу. «Кто может сомневаться, — спрашивал он, — в том, что Коммуна завоевывает в свои ряды тысячи новообращенных каждый день?»⁶⁵.

Несмотря на попытку Т. Смита проанализировать борьбу в Париже с точки зрения расстановки классовых сил, он не пришел к постоянному пониманию классовой основы Парижской Коммуны. В последующих статьях Т. Смит возвращался к этим вопросам и развивал их. И хотя рассуждения автора нечетки и во многом, с точки зрения современного читателя, пахвы, его вера в торжество человеческого разума, в установление свободы и справедливости на земле и сейчас покоряют убежденностью и искренностью.

Вскоре после разгрома Коммуны, 7 июня 1871 г., в «Ноттингем энд мидлэнд каунтис дейли экспресс» была опубликована третья статья Т. Смита — «Недавняя борьба в Париже»⁶⁶. Статья написана ярко, эмоционально, с большим подъемом. Искреннюю скорбь о героях Коммуны и глубокое презрение к ее палачам выразил Т. Смит в самых первых словах статьи: «Город-мученик, борец за свободу, еще раз подвергся страшной пытке... Еще раз враги свободы и справедливости, противники прогресса показали миру... что единственным их аргументом являются кровь и убийство»⁶⁷.

Автор, как и в предыдущих работах, для понимания современного положения Франции обращался к анализу исторических событий, в них он искал причину революции 18 марта. Он рассказывал, как в ходе революционной борьбы Париж завоевывал в упорных боях одну свободу за другой. Каждый раз реакционные силы объединялись для уничтожения очередного завоевания. Не последнюю роль в этом грязном деле играло духовенство. Автор «Писем» — непримиримый враг духовенства. Его он считал главным союзником буржуазии. «Они всегда рядом, когда надо пролить кровь народа», — писал Смит⁶⁸.

Недалекое будущее виделось Т. Смицу «тяжелым и темным», он был уверен, что Национальное собрание подавит революцию «до конца», но в то же время верил, что волю Парижа нельзя сломить окончательно, ибо каждый раз Париж, «разбитый и растерзанный», вставал вновь на борьбу за свободу и справедливость. «И если ему судь-

⁶¹ Ibid.⁶² Ibid.⁶³ Ibid.⁶⁴ Ibid.⁶⁵ Ibid.⁶⁶ Ibid., 7 Jul., p. 3.⁶⁷ Ibid.⁶⁸ Ibid.

бой предназначено еще раз пролить кровь за человечество и прогресс, он без колебания сделает это», — писал Т. Смит⁶⁹.

Если в первых статьях Т. Смит показывал закономерность революции, происходившей в Париже, основываясь на историческом развитии Франции, то в последующих произведениях он развивал эту мысль и доказывал закономерность революционного развития на протяжении всей истории человечества. В статьях «Недавняя борьба в Париже» и «Закон революции» автор, анализируя революционную борьбу во Франции за последние 80 лет, приходил к выводам о неизбежности революционных движений вообще.

В статье «Недавняя борьба в Париже» Т. Смит изложил свое понимание революционной борьбы. Все цивилизованные государства, писал он, проходят пять этапов политической борьбы, причем каждая страна по-своему. Так как во Франции это развитие проходило наиболее полно и последовательно, Т. Смит строил свою схему на ее примере.

Каждый этап политической борьбы имеет свою цель. На первом этапе это завоевание свободы совести, т. е. свободы мысли; цель второго этапа — уничтожение рабства и завоевание равенства всех перед законом; на третьем этапе решается вопрос «освобождения земли», т. е. завоевание права на землю.

Вопрос о собственности на землю Т. Смит выделял особо. По его мнению, ни один человек не может иметь «абсолютного права» владения землей. Земля по природе своей не может быть частной собственностью одного человека. «Ни один человек никогда не создавал ее», и пользоваться ею можно только по прямому назначению: для ее обработки и сбора урожая. Т. Смит считал незаконной аренду земли и резко осуждал лендлордов, живущих на доходы от аренды. Земля, по мнению Т. Смита, должна стать «национальной собственностью», только «нация» может ею распоряжаться, сдавать в аренду и даже продавать, но купить ее могут только «настоящие земледельцы». Отрицая право частной собственности на землю, Томас Смит в то же время вставал на защиту лю-

⁶⁹ Ibid.

бой другой формы частной собственности и проводил резкую грань между этими двумя понятиями⁷⁰.

Цель четвертого этапа политической борьбы, по схеме Т. Смита, национальный суверенитет, то в понимании автора означало «уничтожение всех привилегированных каст, превосходства одного класса над другим»⁷¹.

Наконец, цель пятого этапа состоит в осуществлении «федерализма». Под этим словом Т. Смит понимал самоуправление. За образец государственного устройства Т. Смит, видимо, брал Швейцарию которую наряду с Америкой считал страной, «наиболее успешно продвигающейся вперед по пути социального совершенства», так как эти страны, по мнению Т. Смита, уже завоевали национальный суверенитет⁷².

В статье «Закон революции» Т. Смит развивал мысль о взаимосвязи политической и социальной борьбы. Социальную революцию он считал «исполнением» и развитием политической революции и в то же время основой и фундаментом каждого следующего этапа политической борьбы. Т. Смит тщательно анализирует социальные явления и показывал их развитие и зависимость от определенных этапов политической борьбы.

На первом этапе социальной революции встает вопрос о необходимости всеобщего образования, мужского и женского. Это, говорил Т. Смит, является продолжением и завершением первого этапа политической революции. Только в тех странах, где наиболее полно завоевана свобода совести и мысли, может вставать вопрос о всеобщем образовании.

Уничтожение рабства, как завершение второго этапа политической борьбы, непременно ставит вопрос об освобождении женщины, что и является целью соответствующей ступени социальной революции.

Целью третьего этапа социальной революции Т. Смит считал освобождение труда. Эту задачу можно осуществить только после перехода земли в полное распоряжение государства. Эмансипация труда немислима без всеобщего

⁷⁰ Ibid

⁷¹ Под словом «каста» Т. Смит подразумевает класс, часто смешивая эти понятия и подменяя одно другим.

⁷² The Nottingham and Midland Counties Daily Express, 1871, 7 Jul. p. 3.

го образования и равноправия женщины, т. е. без осуществления двух первых этапов социальной революции.

Четвертый этап социальной революции — «борьба за суверенность рас, за освобождение всего человечества, за равенство всех наций и ликвидацию господства одной нации над другой» — может быть начат только после осуществления в каждой стране национального суверенитета нации. Завершение этого этапа социальной революции приведет, по мнению Т. Смита, к прекращению войн⁷³.

Вопрос о войнах Т. Смит рассматривал с последовательно классовых позиций. Он подчеркивал, что никогда вся нация не бывает заинтересована в войне. Война ведется только в интересах «привилегированных каст». Только уничтожение классового неравенства приведет к окончательному прекращению войн между народами.

Пятый, и последний, этап социальной революции может быть осуществлен только тогда, когда во всех странах будет завоевано самоуправление — «краеугольный камень политической революции»⁷⁴. Свободные нации объединятся в федерацию, члены которой будут равны. Создание федерации ознаменует завершение социальной революции.

По схеме Смита во время двух первых этапов социальной революции происходит освобождение личности, завоевываются «индивидуальные свободы». В период двух заключительных этапов идет борьба за «свободы общественного порядка». Третий этап — этап «освобождения труда» — рассматривается Смитом как переходный: человек выступает здесь и как индивидуум, и как член общества.

Таковы, по мнению Т. Смита, «законы развития великого движения человечества, называемого Революцией, состоящего из двух ветвей, политической и социальной, каждая из которых имеет пять основных задач и целей»⁷⁵.

Т. Смит был убежден, что поступательный ход истории вперед к прогрессу нельзя остановить. Завоевание полной свободы человека, а именно это является конечной целью политической революции, осуществление подлинного равенства людей, что является основной задачей

⁷³ Ibid., 9 Jun., p. 3.

⁷⁴ Ibid.

⁷⁵ Ibid.

социальной революции, «послужат основой для братства всех людей на земле»⁷⁶. Так заканчивал Т. Смит свои теоретические рассуждения.

Убежденный республиканец, Т. Смит видел в Коммуне не уничтожение республики, в чем ее обвиняли некоторые деятели республиканского движения в Англии, а наоборот, именно в Коммуне он видел воплощение надежды на сохранение и укрепление республики.

Теория революционных движений, изложенная Т. Смитом, отражает утопические, наивные взгляды автора. Революция рассматривалась им совершенно независимо от экономического развития общества, и, хотя Т. Смит почти вплотную подошел к пониманию роли классовой борьбы в революционном движении, он не смог понять классовой сути Коммуны, не увидел пролетарской основы нового государства. И все же важно подчеркнуть, что именно тогда, когда в Париже впервые победила пролетарская революция, представитель рабочего класса Англии попытался осмыслить это событие, обобщить опыт революционной борьбы и прийти к выводу о неизбежности революций в развитии общества, вывести свой «закон революции».

В последней статье «Революция во Франции», опубликованной 13 июля 1871 г., Смит проанализировал причины поражения Коммуны. Шаг за шагом прослеживал он недавние события в Париже. Революция, вызванная поражением французской армии во франко-прусской войне, началась, по мнению Смита, преждевременно, нация не была готова к ней. Это и было основной причиной поражения Коммуны. Революция осталась незавершенной, но в самой гибели Коммуны заложена неизбежность продолжения борьбы.

Выявив интересы различных классов на всех этапах революционной борьбы, автор статьи приходил к очень интересному и важному заключению о всевозрастающей политической сознательности крестьянства, которая еще не проявилась, по уже чувствуется. «Крестьяне, — говорилось в статье, — хотя и кажутся сейчас покорными рабами духовенства, показали, что у них есть свои собственные стремления, которые они будут отстаивать»⁷⁷. В со-

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ Ibid., 13 Jul., p. 3.

временном положении Франции Т. Смит видел «зародыш для новой революционной борьбы», в которой «на одной стороне окажутся крестьяне и рабочие, на другой — священники и знать»⁷⁸.

И хотя Т. Смит сделал такой глубокий вывод о будущей расстановке классовых сил, он, продолжая оставаться верным своей схеме, видел основную причину революции не в экономическом развитии общества и классовой борьбе, а в необходимости достижения тех целей и решении тех задач, которые возникали как бы сами по себе на каждом этапе революции.

Томас Смит придавал большое значение своим статьям. Он, как и многие другие передовые рабочие Англии, был хорошо осведомлен о деятельности I Интернационала и с глубоким уважением относился к Карлу Марксу. 30 июня 1871 г. он писал ему: «Не раз встречая Ваше имя в связи с защитой социальных и политических реформ, я беру на себя смелость и посылаю Вам письмо, которое я написал на имя редактора газеты „Ноттингем экспресс“. Я надеюсь, что Вы сочтете его достойным Вашего внимания»⁷⁹.

Из второго письма к Марксу от 4 июля 1871 г. ясно, что К. Маркс одобрил «письмо в редакцию» и в свою очередь отправил в Ноттингем Воззвание I Интернационала, за что Т. Смит выражал большую благодарность. С письмом он переслал в Лондон опубликованную в «Ноттингем энд мидлэнд каунтис дейли экспресс» статью «Революция во Франции», а также две другие, «написанные... во время гражданской войны во Франции». Он просил К. Маркса прочитать и их⁸⁰.

На К. Маркса статьи Т. Смита произвели самое благоприятное впечатление. В одном из писем он назвал его сочинения «очень ценным произведением»⁸¹. К. Маркс познакомил с ними Э. С. Бизли. 27 июля 1871 г. Э. С. Биз-

⁷⁸ Ibid.

⁷⁹ Цит. по: Marxism Today, 1968, Dec., p. 373.

⁸⁰ Первый Интернационал и Парижская Коммуна, с. 536.

⁸¹ Весной 1872 г. газета «Интернейшл геральд» напечатала слова К. Маркса в рекламном объявлении по поводу брошюры Т. Смита. Само письмо К. Маркса, к сожалению, не сохранилось (см. газету «Интернейшл геральд», восьмую страницу за все летние месяцы 1872 г.).

ли писал К. Марксу: «Я возвращаю Вам письмо Смита. Он действительно высокообразованный и хорошо информированный человек. Я хотел бы думать, что в его классе много подобных людей»⁸².

Смит интересовался литературой, посвященной только что прошедшим событиям. В письме от 12 октября 1871 г. он спрашивал К. Маркса: «Не сможете ли Вы мне сказать, переведена ли статья Мадзини против Коммуны, напечатанная в итальянской прессе, на английский язык. Если да, то где ее можно найти?»⁸³.

Позднее Т. Смит решил переиздать свои письма. 29 августа 1871 г. он писал К. Марксу: «Я собираюсь опубликовать все письма в виде брошюры. Мои друзья горячо поддерживают это намерение»⁸⁴. Спустя полтора месяца он вновь возвратился к этому вопросу. Его интересовало мнение Маркса. «Как Вы думаете, — писал он 12 октября 1871 г., — согласится ли какой-нибудь лондонский издатель напечатать мои размышления? Считаете ли Вы, что в изложении есть новые мысли и искренность и это может заинтересовать читателя?»⁸⁵.

Смит был заинтересован в продаже брошюры. «Я был бы рад, — говорил он в том же письме, — всю прибыль внести в фонд эмигрантов»⁸⁶. Для брошюры было написано предисловие. Оно начиналось вопросом «Что такое республика?». Именно на него автор предлагал читателям найти ответ в «Пяти письмах о Коммуне», объединенных в одной книге.

Человечество в своем развитии, говорил Т. Смит, проходит различные этапы, но все они направлены к одной «великой цели» — установлению республики. Исходя из того, что в Азии, по его убеждению, «почти прекратился прогресс», автор останавливается на истории Европы, выделяя в ней три больших периода. Первый охватывает историю Греции и Рима, где зародилась республиканская форма правления. Причину гибели античных республик Смит видел в отсутствии там подлинной демократии. Их

⁸² ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2424.

⁸³ International Institute of Social History (далее — IISH). Amsterdam. Young Papers, N 4090, 1871, 12 Oct.

⁸⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 142/2.

⁸⁵ IISH. Young Papers, N 4090, 1871, 12 Oct.

⁸⁶ Ibid.

гибель не означала непригодности «республиканских институтов». Это был «предварительный эксперимент, приоткрытие к великому сдвигу народов Европы, идущих к истинной демократии... которая является основой современной, или революционной, эры»⁸⁷.

Второй этап истории Европы Т. Смит начинал с падения Римской империи и заканчивал Реформацией. Все основы демократии были начисто забыты за этот продолжительный период, и только Реформация дала толчок новому этапу развития общества. Она «провозглашала начало новой эры в истории человечества», которую автор назвал «революционной эрой»⁸⁸. «Пять писем о Коммуне» посвящены анализу третьей и последней эры развития общества. Было бы трудно ожидать от ноттингемского рабочего последовательно научного понимания исторического процесса. У Т. Смита были еще сильны мелкобуржуазные республиканские иллюзии. Для понимания будущего Смит предлагал обращаться к изучению прошлого «не в классовом аспекте», а изучать прежде всего «великие движения, которые сотрясали всю нацию до ее самых сокровенных глубин»⁸⁹.

Когда Т. Смит обращался к «нации» в целом, он забывал о ее классовом делении, хотя в некоторых случаях он подходил к рассмотрению конкретных явлений с последовательно классовых позиций. Это прежде всего относится к его анализу причин возникновения войн, о чем уже говорилось выше. Нельзя не согласиться с П. Уинклом, который называл Т. Смита «эмбриональным марксистом»⁹⁰.

Следует также отметить, что если первые статьи Т. Смита были подчинены одной цели — защите Коммуны от многочисленных и грубых нападок со стороны буржуазной прессы, то дальнейшее изучение революции в Париже привело его к анализу не только современных событий, а исторического процесса в целом. Конечную цель человечества он видел в установлении «демократической и социальной республики»⁹¹. Подводя итоги своей работы, Т. Смит видел главную ее цель в том, чтобы

⁸⁷ *Smith T.* Letters on the Commune. Nottingham, 1872, p. 4.

⁸⁸ *Ibid.*, p. 3.

⁸⁹ *Ibid.* ⁹⁰ *Marxism Today*, 1971, Mar., p. 87. ⁹¹ *Smith T.* Op.

показать путь, по которому идут все европейские народы, «помочь рассеять туман над будущим»⁹².

С лета 1871 г. Т. Смит довольно часто писал К. Марксу. Его живо интересовала деятельность Международного Товарищества Рабочих, документы I Интернационала, статьи самого К. Маркса. Несмотря на постоянную занятость, К. Маркс, видимо, отвечал аккуратно и посылал своему ноттингемскому корреспонденту самые последние материалы, связанные с Коммуной. 18 июня 1871 г. Смит благодарил его за статью об Уоллберне⁹³, а в письме от 29 августа просил прислать «должину или две членских карточек Международного Товарищества»⁹⁴.

Безусловно, Т. Смит — редкое исключение. Однако его настроения разделяли передовые рабочие Ноттингема, составившие ядро Ноттингемской секции I Интернационала, основанной в ноябре 1871 г. Ее возглавил друг Т. Смита Самуэль Паркер. По инициативе секции в марте 1872 г. «Письма о Коммуне» Смита были напечатаны отдельной брошюрой. Тогда же была опубликована «Ноттингемская программа», написанная тем же Т. Смитом. Она состояла из пяти пунктов, соответствовавших пяти этапам смитовской схемы революционной борьбы. Оба произведения стали программными документами секции.

Среди английских рабочих того времени было не так много образованных и политически грамотных людей, способных, подобно Смицу, выразить свое отношение к французским событиям в виде статей. Таких документов, естественно, очень мало. Не так много ораторов выступало и на рабочих митингах. В газетах встречаются, как правило, одни и те же имена. Как же относилась основная масса английского пролетариата к Парижской Коммуне? На этот вопрос попытался дать ответ Томас Райт в статье «Английский рабочий класс и Парижская Коммуна», опубликованной в июньском номере за 1871 г. либерального журнала «Фрейзерс мэгэзин». Автор статьи — «квалифицированный рабочий», как он себя называет, кузнец по профессии, причислял себя к верхушке рабочего класса, т. е. был образованным, имел высокую квали-

cit., p. 3. ⁹² *Ibid.*, p. 4.

⁹³ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2408; ф. 21, ед. хр. 142/2.

⁹⁴ Цит. по: *Marxism Today*, 1968, Dec., p. 373.

фикацию и получал хороший (для рабочего) заработок (определение самого Райта)⁹⁵.

Из статьи видно, что автор беседовал со многими рабочими, сам не раз был участником митингов в защиту Коммуны, следил за событиями во Франции. Т. Райт поставил перед собой цель — показать отношение среднего рабочего Англии к Коммуне. Автор рассматривал только позиции среднего английского рабочего. Рабочая аристократия, состоящая из наиболее грамотных и влиятельных в своей среде людей, не могла, по мнению автора, сочувствовать Коммуне из-за боязни, как бы коммунары не посягнули на частную собственность. Что же касается самых бедных, неграмотных рабочих, «ничего не понимающих в политике», то они просто не интересовали Райта.

Излагая свои наблюдения и анализируя факты, он хотел доказать правительству, насколько глубоко проникли идеи Парижской Коммуны в среду английских рабочих. Будучи умеренным республиканцем и реформистом, он призывал правительство серьезней отнестись к влиянию французских идей на английских рабочих и принять необходимые меры для предотвращения возможного повторения событий в Англии.

Автор не сомневался в искреннем сочувствии английских рабочих Коммуне и обещал читателю объяснить причину такого отношения. Средний английский рабочий, говорилось в статье, в политическом развитии стоит гораздо ниже своего французского собрата, а поэтому ему недоступно понимание коммунистических основ Коммуны. Однако, писал автор, не соглашаясь во всем с Парижской Коммуной, «рабочие питают теплые чувства и бесспорные симпатии к коммунистам на более широкой основе. Они считают их истинными патриотами и настоящими республиканцами». Английские рабочие смотрят на коммунистов с восхищением как на людей, «обладающих силой бороться и умирать за свои идеи»⁹⁶.

Пролетариат Великобритании особенно симпатизирует Парижской Коммуне за ее желание «уничтожить между-

⁹⁵ См. о нем: *The English Defence of the Commune 1871*. London, 1971, p. 131.

⁹⁶ *Frazer's Magazine*. New Series, vol. IV. June to December. London, 1871, p. 63.

народное соперничество... объединить интересы и действия рабочих всего мира», писал Т. Райт⁹⁷.

Определив классовый характер парижского восстания, автор статьи показывал, почему английский рабочий класс поддерживал Коммуну. «Это была... битва между двумя партиями, разъединяющими до сих пор мир, — писал Т. Райт, — между „теми, кто хочет“, и „теми, кто имеет“... „Те, кто имеет“, объединились по всему миру для битвы против Коммуны, выразившей интересы „тех, кто хочет“»⁹⁸. Поняв это, английские рабочие встали на сторону Коммуны. Так называемые республиканцы, избранные французским народом, поверившим их стремлению защищать республику, не оправдали доверия. Они предали страну. Увидев, что родине грозит гибель, французские рабочие подняли восстание и «сражались храбро и бескорыстно». Именно так воспринималась причина парижской революции в Англии, писал Райт. Пролетариат Британии признал истинными республиканцами только коммунаров, спасших Францию от восстановления монархии.

Английские рабочие с самого начала приветствовали Коммуну и ни разу не осудили ее действий. Неправильное понимание их отношения происходило из-за возмущительного освещения событий английской прессой. «Любой, — писал Райт, — кто попытался бы сделать вывод об общественном мнении по газетам, которые, как считается, отражают его, решил бы, что у всех Коммуна вызывает лишь ужас и порицание»⁹⁹. Однако это заключение неправильно. Никто в печати не отразил истинного отношения английского пролетариата к Коммуне. «Если бы можно было проникнуть в рабочую среду, — писал далее автор статьи, — поспеть с рабочими за обедом или завтраком, отправиться с ними в читальный зал, заглянуть в здание тред-юнионов, побывать в кассе взаимопомощи, где они собираются, посидеть с ними у домашних очагов. Тот, кто мог бы это сделать в метрополисе, особенно в районах Блэк Кантри, Тайна, Клайда, в промышленных городах Ланкашира, понял бы из непринужденных разговоров с людьми, что общественное мнение, изложенное в газетах, — это мнение горсточки

⁹⁷ Ibid. ⁹⁸ Ibid., p. 65. ⁹⁹ Ibid.

людей... что симпатии народа на стороне коммунаров»¹⁰⁰.

Нарисовав убедительную картину широкого распространения идей Парижской Коммуны в рабочей среде, Райт говорил о надежде пролетариата на продолжение революции: «Английский рабочий класс... верит, что Коммуна не убита, а только ранена»¹⁰¹.

Статья написана для того, чтобы показать правительству Гладстона истинное положение дел в стране, ибо глава правительства должен строить свою внутреннюю политику, основываясь на правильном понимании общественного мнения. Автор верил в возможность коренных изменений сверху и считал, что кардинальные реформы следует провести до взрыва снизу. В противном случае в Англии могут повториться парижские события. И хотя у Т. Райта много ошибочных положений, спорных моментов и есть, безусловно, некоторые преувеличения, статья представляет большой интерес, поскольку это свидетельство человека, тесно связанного с рабочей средой. Она показывает, как глубоко волновали английский пролетариат события в Париже и насколько были близки ему идеи и дела Парижской Коммуны. В 1873 г. статья Т. Райта в несколько измененном виде была опубликована в журнале «Our New Masters».

В конце апреля — начале мая движение в поддержку французской революции несколько ослабло, но с новой силой оно поднялось после вступления версальцев в Париж. Английский пролетариат гневно выступил против массовых расстрелов, происходивших во французской столице. Новый подъем движения возглавил I Интернационал. На заседании Генерального Совета 23 мая 1871 г. К. Маркс, недавно вернувшийся к работе после болезни, высказал опасение, что Коммуна доживает последние дни. «...Но если Коммуна будет разбита, — говорил он, — борьба будет только отсрочена. Принципы Коммуны вечны и не могут быть уничтожены; они вновь и вновь будут заявлять о себе до тех пор, пока рабочий класс не добьется освобождения»¹⁰².

На заседании Совета рассматривался вопрос о необходимости выступить с решительным протестом против зверской расправы версальского правительства над коммунарами. К. Маркс считал невозможным посылать протест версальскому правительству, так как это означало бы его признание. Он предлагал членам Совета — англичанам «созвать публичный митинг или направить делегацию по этому вопросу к английскому правительству»¹⁰³.

После падения Коммуны I Интернационал во главе с К. Марксом развернул активную деятельность в защиту спасшихся коммунаров. В эти дни в английской прессе появилось сообщение о циркуляре Ж. Фавра по поводу коммунаров-эмигрантов. Как известно, обращение французского министра иностранных дел было встречено сочувственно правительством Бельгии.

26 мая член парламента, консерватор лорд Эльхо сделал запрос об отношении английского правительства к вопросу о праве французских коммунаров на политическое убежище в Великобритании. Поддерживая решение бельгийского правительства, он сказал: «Я хочу знать, какую линию намеревается проводить правительство по отношению к авторам таких действий, которые цивилизованный мир не может рассматривать иначе чем величайшее преступление»¹⁰⁴. На столь откровенно сформулированный вопрос лорд Эльхо не получил такого же категорического ответа. Министр внутренних дел Брус заявил, что английское правительство не имеет права «запретить этим людям, если им удастся спастись, вступить на территорию страны»¹⁰⁵. Но он предлагал предать спасшихся суду и получить официальное заключение о характере их преступлений.

Пролетариат Великобритании не стал дожидаться решения Гладстона. Он начал новую атаку на правительство. Митинги и собрания выносили резолюции действовать без промедления и заставить премьер-министра отказаться от выдачи коммунаров версальцам, не дать опозорить страну.

¹⁰⁰ Ibid., p. 66. ¹⁰¹ Ibid., p. 65.

¹⁰² Генеральный Совет Первого Интернационала. 1870—1871: Протоколы, с. 143—144; см. также: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. т. 17, с. 629.

¹⁰³ Генеральный Совет Первого Интернационала. 1870—1871: Протоколы, с. 145.

¹⁰⁴ The Times, 1871, 27 May, p. 7. ¹⁰⁵ Ibid.

28 мая вопрос о праве «политических изгнанников всех наций на убежище» обсуждался на заседании одной из секций Лиги земли и труда¹⁰⁶. Все члены секции высказались за предоставление этого права французским коммунарам. 30 мая на заседании Всеобщей республиканской лиги¹⁰⁷ решался вопрос о проведении демонстрации в поддержку коммунаров-эмигрантов¹⁰⁸.

31 мая по инициативе I Интернационала на улице Хай Холборн, 256 было созвано многолюдное собрание рабочих по вопросу об отношении к французским эмигрантам. Обсуждались два предложения: либо провести публичную демонстрацию в поддержку коммунаров, либо послать депутацию к государственному секретарю по иностранным делам и, если ответ будет отрицательным, провести демонстрацию. На собрании были оглашены письма Дж. С. Милля и Ф. Гаррисона¹⁰⁹. Большинство голосов прошло второе предложение. Собрание получило широкое освещение в прессе. Большая заметка появилась в «Би-хайв». О нем писали «Таймс», «Дейли ньюс» и другие лондонские газеты.

3 июня в парламенте снова был сделан запрос «о выдаче коммунаров» французскому правительству. Член парламента Бёрк просил разъяснить палате представителей, к какому выводу пришло правительство и намерено ли оно выступить посредником между правительством Тьера и повстанцами. Ответ министра внутренних дел Бруса свидетельствовал о том, что роль посредника правительством Великобритании отвергнута, а по вопросу об эмигрантах никакого решения принято еще не было¹¹⁰.

Правительство не спешило с ответом, а между тем негодование пролетариата по поводу массовых расстрелов и казней во французской столице значительно возросло. Различные рабочие общества и клубы проводили одно за

¹⁰⁶ Первый Интернационал и Парижская Коммуна, с. 201.

¹⁰⁷ Всеобщая республиканская лига, основанная в конце апреля 1871 г. и объединявшая крайне умеренных республиканцев Ч. Брэдло, Дж. Оджера и других, в вопросе о судьбе французских эмигрантов заняла правильную позицию и играла активную роль в проведении митингов протеста и осуждения британского правительства.

¹⁰⁸ The Bee-Hive, 1871, 3 Jun., p. 5. ¹⁰⁹ См. гл. II.

¹¹⁰ The Times, 1871, 3 Jun., p. 6.

другим собрания в знак протеста против бесчинств версальцев. Члены I Интернационала не пропускали ни одного митинга. Выступавшие ораторы упрекали английское правительство в бездействии.

4 июня на многолюдном собрании, организованном Всеобщей республиканской лигой, была принята резолюция, обвинявшая версальцев в бесчеловечности и жестокости. Правительство Тьера, говорилось в нем, «заставило своих солдат убивать без всякого различия взятых в плен мужчин, женщин и детей». Резолюция требовала предпринять решительные шаги для немедленного прекращения расправ над парижанами. «Правительства Европы, — говорилось в резолюции, — не заявившие своего протеста по этому поводу, стали соучастниками преступления»¹¹¹.

Утром того же дня состоялся митинг на Клеркенуэлл-грин. Здесь присутствовало большое число ирландских рабочих. Католическое духовенство Ирландии всячески разжигало религиозные чувства соотечественников. Члены I Интернационала в своих выступлениях обращали особое внимание на единство классовых интересов рабочих всех наций. Расстрел заложников — католических священников, в том числе и парижского архиепископа, был использован церковью в собственных интересах. Ирландцы намеревались выступить на митинге с осуждением Коммуны. Передовые английские рабочие прилагали все усилия для предотвращения нежелательных столкновений по национальным и религиозным мотивам.

Председатель митинга, Дж. Джонсон, выступая в защиту коммунаров, сказал: «Хотя красное знамя сброшено, принципы Коммуны будут жить вечно»¹¹². Отвечая на выпады ирландских католиков против французских революционеров, он призывал не верить тому «вздуру», который пишут газеты с намерением «натравить людей друг на друга». Английское правительство, говорил он, стало бы действовать так же, как версальское, был бы подходящий предлог. Надо помнить о классовой солидарности. «Рабочий класс Англии, — заверял Дж. Джонсон ирландских рабочих, — испытывает искренние чувства к своим ирландским братьям»¹¹³. Все выступившие на ми-

¹¹¹ Первый Интернационал и Парижская Коммуна, с. 205.

¹¹² The Bee-Hive, 1871, 10 Jun., p. 12.

¹¹³ Ibid.

тинге англичане поддержали речь председателя. Несмотря на попытки некоторых католиков сорвать митинг, он прошел под лозунгом защиты коммунаров и закончился выражением полной солидарности с ними.

На следующий день, 5 июня, Комитет секции Ист-Энд Лиги земли и труда созвал собрание рабочих, проходившее под председательством члена Генерального Совета I Интернационала Дж. Хейлза. Оно энергично протестовало «против зверских убийств жителей Парижа версальскими войсками»¹¹⁴. Выступавшие заявляли, что сделают «все возможное, чтобы помочь тем, кому удастся достигнуть Англии»¹¹⁵.

7 июня Генеральный Совет Интернационала созвал второе совещание рабочих и представителей различных республиканских и демократических организаций в связи с получением официального правительственного ответа на письмо, составленное Дж. Хейлзом в соответствии с резолюцией предыдущего собрания, проходившего 31 мая, и направленное на имя Гладстона и Гренвиля с просьбой принять депутацию рабочих.

Ответ за подписью секретаря Гренвиля Алжернона Уэйта в витиеватых выражениях объяснял молчание Гладстона «недомоганием». Ввиду же отсутствия Гренвиля, находившегося с королевой в Шотландии, принять депутацию никто не мог. Из письма было ясно, что требования рабочих не прошли незамеченными. «...Пожелания, изложенные вами, — писал Алжернон Уэйт, — будут ему (Гладстону. — Н. Е.) переданы, хотя г-н Гладстон не может сказать, что в его силах будет выполнить их»¹¹⁶.

После бурного обсуждения собрание приняло решение временно не предпринимать дальнейших действий. Однако волна протеста не прекратилась. 8 июня на улице Олд-Бейли под председательством У. Оуэна проходило республиканское собрание. Выступавшие, в том числе Дж. Джонсон, обвиняли европейские правительства в соучастии в преступлениях версальских властей. В единогласно принятом решении содержалось требование «предотвратить выдачу эмигрантов»¹¹⁷.

¹¹⁴ Первый Интернационал и Парижская Коммуна, с. 205.

¹¹⁵ Там же, с. 206.

¹¹⁶ The Bee-Hive, 1871, 10 Jun., p. 5.

¹¹⁷ The Daily News, 1871, 9 Jun., p. 2.

В воскресенье, 11 июня 1871 г., в различных районах Лондона опять проходили собрания и митинги в поддержку коммунаров. На собрании секции Лиги земли и труда в Майл-Энд был заслушан «Обзор событий Парижской Коммуны» и вынесена резолюция с гневным осуждением «г-на Тьера за зверства, совершенные в Париже»¹¹⁸. На заседании Лондонского патриотического общества выступавшие говорили о злодеяниях, совершенных в Париже, о массовых убийствах пленных, о расстрелах невинных мужчин, женщин и детей. Они осуждали английское правительство, которое «не употребило своего влияния, чтобы сдержать неистовство версальского правительства...»¹¹⁹. Члены общества вынесли решение продолжить заседание на следующей неделе и открыть прения по вопросу «О положении в Париже»¹²⁰.

В этот же день состоялся еще один многочисленный митинг на Клеркенуэлл-грин. Как и неделю назад, ирландские католики пытались все внимание сосредоточить на расстреле парижского архиепископа и, осудив Коммуну, заняться рассмотрением внутренних проблем, прежде всего экономических. Французские дела, говорили они, не должны отвлекать пролетариат Великобритании от насущных вопросов. Однако английские рабочие дали собранию нужное направление и предотвратили назревавшие столкновения. Так как решение правительства по поводу эмигрантов все еще оставалось неясным, вновь был поднят вопрос о демонстрации в защиту коммунаров. Дж. Джонсон, выступивший, как всегда, очень эмоционально, подчеркнул международное значение Парижской Коммуны, «сражавшейся не только за Париж, а и за дело рабочих Англии и Германии»¹²¹. Его выступление, проникнутое духом интернационализма, было красноречивым ответом на шовинистические вылазки ирландских католиков. Рабочие приняли решение провести демонстрацию в следующее воскресенье.

Однако демонстрация не была подготовлена, и через неделю, 18 июня, вместо нее на Клеркенуэлл-грин снова

¹¹⁸ Первый Интернационал и Парижская Коммуна, с. 207.

¹¹⁹ Там же, с. 208.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ The Daily News, 1871, 12 Jun., p. 3.

начался митинг. На нем присутствовало свыше тысячи человек, которые выразили полную солидарность с коммунарами.

Еще через два дня на улице Бувери-стрит рабочие слушали страстную речь Дж. Джонсона в защиту эмигрантов. Он с презрением отзывался о тех, кто «теперь, когда Коммуна пала, отрекается от нее»¹²². Напомнив решение Коммуны разрушить Вандомскую колонну, он заявил, что в Лондоне тоже следовало бы снести «некоторые памятники, которые ничего, кроме позора, не символизируют». Собрание приняло резолюцию, предложенную Дж. Джонсоном. В ней говорилось: «Английское правительство, не выступившее с протестом против версальцев и не отозвавшее английского посла, стало соучастником преступления»¹²³. Хотя против такой резкой резолюции высказывались возражения, она была принята. В заключение были зачитаны письма Ч. Дилка и Вэлли. Оба члена парламента выразили сожаление, что не смогли присутствовать на собрании. По мнению Вэлли, «правительство коммунаров» явилось «примером работоспособности, проявленной им в течение всего периода правления»¹²⁴.

25 июня рабочие, собравшиеся на Клеркенуэлл-грип, наметили провести демонстрацию на Трафальгарской площади в ближайшее воскресенье.

Под влиянием массового единодушного выступления рабочих английское правительство, как известно, отказалось выдать французскому правительству коммунаров прибывших в Англию. Демонстрация становилась не нужной, цель была достигнута.

Кампания в защиту эмигрантов продемонстрировала с одной стороны, разобщенность и идейную раздробленность пролетариата, а с другой — показала, каких результатов можно достичь общими усилиями. Различные общественные организации действовали единым фронтом, и именно это принесло успех. Все диктовало настоятельную необходимость создания собственной рабочей партии, более тесно связанной с I Интернационалом, доказавшим на деле преданность делу рабочего класса.

¹²² The Pall Mall Gazette, 1871, 21 Jun., p. 6.

¹²³ Ibid.

¹²⁴ Ibid.

В июньские дни, в разгар кампании в защиту Парижской Коммуны, было опубликовано Воззвание I Интернационала «Гражданская война во Франции», написанное К. Марксом. Его единогласно приняли на заседании Генерального Совета 30 мая 1871 г., где К. Маркс впервые его прочитал. Тогда же было вынесено решение напечатать 1000 экземпляров Воззвания.

Значение работы «Гражданская война во Франции» трудно переоценить. К. Маркс дал в этом произведении глубокий анализ Парижской Коммуны, показал ее классовую сущность, ее значение для рабочего движения. Коммуна была «по сути дела, — писал он, — правительством рабочего класса, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего; она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда»¹²⁵. К. Маркс рассматривал революцию 18 марта как первую революцию, «в которой рабочий класс был открыто признан единственным классом, способным к общественной инициативе...»¹²⁶.

«Гражданская война во Франции» стала программным документом I Интернационала. Под Возванием были поставлены подписи всех членов Генерального Совета. По существовавшим правилам официальные документы подписывали все члены Совета, в том числе и отсутствовавшие на заседании. Правило неукоснительно соблюдалось. Так было и на этот раз.

Однако вскоре в печати появилась статья радикала Дж. Холиока, окончательно перешедшего к этому времени в лагерь либеральной буржуазии. Дж. Холиок резко критиковал Воззвание I Интернационала. Он ссылался на разговор «с одним из подписавших» и «даже не читавших» Воззвание. Опираясь на этот разговор, Дж. Холиок обвинял Генеральный Совет в своеволии. Члены Совета, говорил он, не считаются с мнением «уважаемых вождей рабочего класса»¹²⁷.

20 июня в присутствии Дж. Оджера и Б. Лекрафта Генеральный Совет обсудил статью Дж. Холиока. Дж. Од-

¹²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17, с. 346.

¹²⁶ Там же, с. 347—348.

¹²⁷ The Daily News, 1871, 20 Jun., p. 3.

жер не отрицал данного им ранее согласия подписать Воззвание. Б. Лекрафт, всегда выступавший в прошлом в поддержку Коммуны, признал, что не читал «Гражданской войны», а сделал заключение о брошюре по отзывам в печати. Оба единогласно были исключены из Совета

27 июня Генеральный Совет I Интернационала направил письмо в газету «Дейли ньюс» с разъяснением поведения бывших членов Совета Б. Лекрафта и Дж. Оджера. В письме был назван автор Воззвания — «д-р К. Маркс»¹²⁸

На этом же заседании было решено отпечатать еще 2000 экземпляров «Гражданской войны», так как весь первый тираж к этому времени уже разошелся. В объявлении о выходе в свет Воззвания говорилось: «Это должен прочитать каждый рабочий Великобритании».

«Гражданская война во Франции» оказалась пробным камнем, выявившим истинных революционеров, настоящих вождей английского пролетариата и отошедших от него временных попутчиков. Оно вызвало настоящую бурю возмущения в английском буржуазном обществе «С тех пор как существует Лондон, ни одно печатное произведение не производило такого сильного впечатления, как воззвание Генерального Совета Интернационала», — писал Ф. Энгельс¹²⁹. Как известно, в английской прессе появилась масса фальшивых документов, приписываемых К. Марксу. Интернационал обвиняли во всевозможных преступлениях. В июне—июле К. Маркс написал десяток опровержений в «Таймс», «Пэлл Мэлл газет», «Стэндард», «Ивнинг стэндард» и другие газеты. Против Интернационала ополчилась не только английская и французская буржуазия, но и весь буржуазный мир.

17 июля 1871 г., во время свидания Лайонса с Тьером по поводу освобождения арестованных английских граждан¹³⁰, Тьер, дав очередное обещание ускорить рассмотрение этого вопроса, направил разговор по другому руслу. Он хотел убедить английского дипломата в настоятельной необходимости объединить силы против Интер-

национала. Он обвинял Интернационал в организации восстания. Это был, по мнению Тьера, самый опасный враг не только французской, но и всей европейской буржуазии. Глава французского правительства предлагал объявить открытую войну Интернационалу. «Самую принадлежность к обществу во всех странах следует считать серьезным преступлением». Во Франции, говорил он, «уже существует наказание за принадлежность к секретному обществу»¹³¹, но было бы лучше, если бы повсюду сам факт членства в Интернационале был строго наказуем¹³². Только так можно разделиться с обществом, «которое организует забастовки, призывает к насилию и является распространителем самой опасной доктрины действия, подрывающей основы порядка и цивилизации»¹³³. Тьер говорил, что влияние Интернационала «распространилось по всей Европе и он имеет большое число ответвлений»¹³⁴. Интернационал, по его словам, могущественная организация, обладающая большими денежными средствами.

Лайонс не дал Тьеру никаких конкретных обещаний, но поддержал его мысль о необходимости всем правительствам «действовать согласованно .. и сообщать друг другу имеющиеся достоверные сведения о планах и действиях ассоциации»¹³⁵. В конце беседы Тьер еще раз подтвердил свое обещание Лайонсу «сообщить всю информацию, относящуюся к Интернационалу»¹³⁶.

С июня в Англию стали прибывать первые эмигранты. Теперь надо было решать практические вопросы: находить для прибывших жилье, устраивать на работу, оказывать денежную помощь на первое время. Все эти вопросы обсуждались на заседании Генерального Совета 6 июня 1871 г. Здесь же был организован сбор средств для французских коммунаров.

Рабочие организации и республиканские клубы принимали участие в сборе средств для приезжавших в Англию эмигрантов. Сначала деньги вносились непосредственно секретарю Генерального Совета, а позднее был организован Комитет эмигрантов. Со всех сторон сюда поступали посильные вклады. Из скудных средств рабочие

¹²⁸ Генеральный Совет Первого Интернационала. 1870—1871: Протоколы, с. 156—159 и 161—163; см. также: *Кунина В. Э.* Указ. соч., с. 340—343.

¹²⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 17, с. 386.

¹³⁰ См. гл. III.

¹³¹ P. R. O. F.— 27, 1869, N 891, 1871, 18 Jul.

¹³² Ibid.

¹³³ Ibid.

¹³⁴ Ibid.

¹³⁵ Ibid.

¹³⁶ Ibid.

выделяли долю в помощь французским коммунарам, демонстрируя классовую солидарность. Красноречивым примером этому служат письма Т. Смита К. Марксу, в которых он отправлял денежные переводы в фонд эмигрантов. В письме от 18 июля 1871 г. говорилось: «Вложенный в письмо почтовый перевод на два фунта — для комитета эмигрантов»¹³⁷. Т. Смит извинялся за незначительную сумму. «Все мои товарищи и я сам, — писал он, — рабочие, но я постараюсь собрать немного больше денег»¹³⁸. 12 сентября 1871 г. он послал еще один фунт стерлингов¹³⁹, и в письмо от 10 ноября была вложена «небольшая сумма денег... для эмигрантов»¹⁴⁰.

К. Маркс и Ф. Энгельс лично занимались трудоустройством прибывающих в Англию коммунаров. По предварительной договоренности их направляли в Лондон, Ноттингем, Бирмингем и другие промышленные города. Несмотря на трудные для рабочего движения Великобритании 70-е годы, английский пролетариат под руководством I Интернационала продемонстрировал международную солидарность рабочих.

Год спустя, в начале 1872 г., Генеральный Совет I Интернационала принял решение отметить годовщину Коммуны массовым митингом в Лондоне. Для этого была создана специальная комиссия в составе: Г. Юнга, члена Генерального Совета I Интернационала, Дж. Мак-Доннела, деятеля ирландского рабочего движения, Дж. Милнера, тоже ирландца, и некоторых других.

12 марта Генеральный Совет обсудил повестку дня и порядок выступлений. Среди выступавших был К. Маркс. Для митинга сняли зал Сент-Мартинс-холл. Однако именно в эти дни правительство развернуло широкую кампанию против публичных демонстраций в общественных садах и парках, против любых политических собраний в кофейнях, ресторанах, гостиницах и других общественных помещениях.

Газета «Би-хайв» печатала одну за другой статьи, в которых сообщалось о запретах, наложенных на хозяев тех общественных зданий, где обычно собирались республи-

канцы. Так был закрыт известный в рабочих кругах популярный двор «Hole in the Wall» (пролом в стене), где неизменно проходили собрания, причем хозяйке гостиницы было предложено сменить название и впредь именовать таверну «Crown» (корона). В результате такой политики хозяин Сент-Мартинс-холла в последнюю минуту отказался сдать зал.

Один из членов Комитета эмигрантов предложил перейти в помещение клуба эмигрантов на Френсис-стрит, 31. Здесь было довольно тесно, и не все собравшиеся смогли разместиться в помещении. Однако, несмотря ни на что, митинг был проведен. С речами выступали английские рабочие и французские эмигранты. Митинг принял ряд резолюций, в которых Парижская Коммуна была охарактеризована как заря «великой социальной революции, которая навсегда освободит человечество от классового общества»¹⁴¹.

*

Разгром Коммуны не означал ее полного поражения. Ее идеи оказали большое влияние на рабочий класс всей Европы, в том числе и Англии. И хотя в 70-х годах английское рабочее движение переживало временное загибание, Коммуна не была забыта. Стараниями К. Маркса и других членов I Интернационала, а также коммунаров-эмигрантов ежегодно торжественно отмечалась годовщина провозглашения Коммуны, несмотря на запрет публичных выступлений на площадях и в парках. Память о Коммуне бережно хранилась, имена ее героев почитались, история парижской революции служила предметом изучения и анализа передовыми представителями пролетариата.

В 80-е годы, годы подъема социалистического движения, идеи Коммуны вновь ожили в Англии, а 18 марта стало днем солидарности рабочих.

Первая большая демонстрация, проведенная социалистами, состоялась в марте 1884 г. по случаю годовщины смерти К. Маркса и в память погибших коммунаров. Одним из ее организаторов был известный поэт-социа-

¹³⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2408.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же, ед. хр. 2520. ¹⁴⁰ Там же, ф. 21, ед. хр. 142/3.

¹⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 18, с. 51.

лист У. Моррис. Описывая демонстрацию в письме к своему другу, он рассказывал о многолюдном шествии к Хайгетскому кладбищу: «Нас было довольно много, я думаю, в процессии участвовало не менее тысячи человек, а когда мы дошли до места, то вместе с любопытствующими нас было больше 2—3 тыс.»¹⁴².

Начиная с участия в этой демонстрации У. Моррис на всю жизнь связал свое имя с Парижской Коммуной. У. Моррис родился в 1834 г. в семье преуспевающего лондонского дельца, который дал ему хорошее образование — он окончил университет в Оксфорде. Мать мечтала о карьере священнослужителя для сына, но У. Моррис решил по-иному. Он посвятил себя искусству, а позднее политике. 1871 г. Моррис провел в Ирландии и был всецело поглощен бедственным положением страны. Человек глубоких чувств, энергичный и ищущий, в конце 70-х годов он занялся общественно-политической деятельностью. Будучи членом Ассоциации по восточному вопросу и ее казначеем, У. Моррис со свойственной ему тщательностью изучил причины русско-турецкой войны и без колебаний примкнул к тем, кто пытался предотвратить войну между Россией и Англией.

В 80-е годы У. Моррис знакомится с социалистами. В 1883 г. он становится членом Социал-демократической федерации, а позднее одним из организаторов Социалистической лиги, и с 1885 г. Моррис — редактор ее печатного органа «Коммонуил», выходявшего один раз в месяц.

Все эти годы У. Моррис не перестает заниматься поэзией. Обратившись к изучению Парижской Коммуны, поэт создает замечательное произведение «Пилигриммы надежды». Поэма печаталась отдельными выпусками в течение 1885—1886 гг. в газете «Коммонуил». Она представляет собой серию отдельных стихотворений, связанных воедино образами героев.

Первое стихотворение — «Вести мартовского ветра». В нем говорится о «мартовском ветре», который принес призыв всем рабочим объединяться для борьбы за правое дело:

For it breath the message: «Rise up on the morrow
And go your ways toward the doubt and the strife;

¹⁴² Цит. по: Marxism Today, 1971, Mar., p. 85.

Join hope to our hope and blend sorrow with sorrow,
And seek for men's love in the short days of life...»¹⁴³.

Герой поэмы У. Морриса — Ричард — простой лондонский рабочий. У него семья: жена и маленький сын. Он, так же как герой книги Л. Линтон, знакомится с французским эмигрантом-социалистом Артуром. Когда Артур сообщает своим английским друзьям о событиях в Париже, они решают вместе уехать во Францию. Ричард перед отъездом говорит: «Мы поедем все трое, чтобы умереть там!». «Нет, — восклицает Артур, — чтобы жить и быть счастливыми как настоящие люди!». В Париже Ричард с восторгом приветствует победу коммунаров. Он верит, что вскоре вся Франция будет так же свободна, как Париж, и что не за горами то время, когда свобода восторжествует на всей земле:

There was now no foe and no fool in the city,
and Paris was free
And t'en as she is this morning, tomorrow
all France will be.
We heard, and our hearts were saying, «In a little while
all earth» —
And that day at last of all days I knew
What life was worth¹⁴⁴.

Парижская Коммуна разгромлена. На баррикадах погибает жена Ричарда и Артур. Убитый горем Ричард возвращается в Англию, но на родине он не смирился.

¹⁴³ The Commonweal, 1885, Mar., p. 12.

Он (ветер) возвестил: «Поднимайтесь все завтра
И идите навстречу сомнениям, к борьбе,
Объедините воедино все огорчения и надежды,
Боритесь за любовь и счастье на земле»

¹⁴⁴ The Commonweal, 1885, Sep., p. 80.

Не осталось врагов и глупцов в этом городе,
Париж стал совсем свободным.
И таким, каким сегодня стал Париж,
Назавтра будет вся Франция,
«А в недалеком будущем и вся земля», —
Слышим мы голос наших сердец.
Этот день показал мне наконец,
Для чего стоит жить.

Он ставит перед собой цель вырастить из сына борца за дело рабочих, за свободу на всей земле:

I came to my son, and myself to get stout and strong,
That two men there might be hereafter to battle against the wrong
And I cling to the love of the past and the love of the day to be,
And the present, it is but the buiding of the men to be strong in me ¹⁴⁴.

Интересно отметить, что сюжет поэмы У. Морриса перекликается с сюжетом книги Линн Линтон. В обоих произведениях героем является молодой человек — англичанин, приезжающий во Францию для борьбы против врагов рабочего класса за счастливое будущее человечества. Поэма была эмоциональным откликом поэта на Коммуну.

Но У. Моррис был не только поэтом, он был одним из лидеров социалистического движения Англии. В 1886 г. исполнялось 15 лет со дня провозглашения Коммуны. Английские социалисты готовились к торжественному юбилею. У. Моррис с головой окунулся в работу. 20 февраля 1886 г. в письме к секретарю Социалистической лиги Д. Р. Магону У. Моррис сообщал: «Я написал бы более длинное письмо, но чрезвычайно занят: я пишу брошюру о Коммуне, которая должна появиться к 18 марта, однако это меня совершенно не утомляет» ¹⁴⁶.

18 марта брошюра была опубликована под названием «Краткий отчет о Парижской Коммуне». Ее написали три социалиста — Б. Бакс, В. Дэвид и У. Моррис. В брошюре не только описаны события, но и дана их оценка.

«Коммуна в Париже означала основание нового мира для рабочего класса; продолжение ее существования означало бы низвержение классового общества», — гово-

рилось в брошюре ¹⁴⁷. Авторы считали, что настало время дать правильное освещение «этой величайшей трагедии нового времени» и показать ее значение для революционной борьбы английских рабочих. «Рабочие, говорящие на английском языке, — писали авторы, — цель нашей статьи — показать Коммуну в настоящем свете как героическую попытку уничтожить несправедливость цивилизации; показать ее как факел, освещающий путь к полному освобождению труда и уничтожению национальной розни...» ¹⁴⁸.

18 марта 1886 г. в помещении института Саут-плейс институт состоялось торжественное собрание. Оно прошло с большим успехом и имело широкий отклик в печати. 25 марта У. Моррис писал Д. Р. Магону: «Надеюсь, ты слышал, какой большой успех имело собрание, посвященное Коммуне» ¹⁴⁹. В письме другому корреспонденту У. Моррис еще раз вспоминал о большом успехе собрания и отмечал, что «зал был переполнен» ¹⁵⁰.

Орган Социал-демократической федерации «Джастис» поместил подробный отчет о празднествах: «Партер и галерея были переполнены, и даже в проходах стояли люди... с самого начала было ясно, что все присутствующие охвачены сильным волнением и глубоко переживают событие» ¹⁵¹. Среди ораторов были Эвелинг, Том Манн, Квелч, П. Кропоткин. Речи произносились на французском, немецком и итальянском языках. Газета отмечала хороший перевод, сделанный заранее. Участники митинга единодушно приняли резолюцию, в которой, в частности, говорилось, что собравшиеся отдают должное уважение тем, «кто пал за свободу и эмансипацию труда...». Резолюция гласила: «Следует извлечь урок из событий 1871 г. ... свободы можно достичь лишь путем одновременного и организованного выступления, поэтому собрание призывает рабочих всего мира к объединению» ¹⁵².

¹⁴⁴ The Commonweal, 1886, Mar., p. 85.

Я вернулся к сыну и к самому себе,
Чтобы стать сильным и решительным,
Чтобы в будущем двое мужчин могли
Бороться против зла и несправедливости.
Я остался верным прошлой любви и
Буду верным любви грядущей,
А сейчас я закаляю в себе сильного
Человека.

¹⁴⁶ Цит. по: Page A. R. William Morris, the Man and the Myth. London, 1964, p. 59.

¹⁴⁷ *Bax B., Morris W., David V. A Short Account of the Commune. S. I., 1886, p. 65.*

¹⁴⁸ *Ibid.*, p. 79.

¹⁴⁹ Цит. по: Page A. R. *Op. cit.*, p. 60.

¹⁵⁰ *Morris W. The Letters of W. Morris to his Family and Friends. London, 1950, p. 250.*

¹⁵¹ *The Justice*, 1886, 27 Mar., p. 4.

¹⁵² Page A. R. *Op. cit.*, p. 60.

Помимо отчета о собрании, «Джастис» напечатала передовицу, посвященную 15-й годовщине Коммуны, где говорилось: «Социалисты всего мира празднуют Парижскую Коммуну... представленную такими героями, как Делеклюз и Флуранс» Коммуна должна была служить «поучительным уроком» для рабочих всех стран¹⁵³.

На страницах «Джастис» в связи с Коммуной встречается имя журналиста Адольфуса Смита, очевидца революционных боев в Париже, работавшего во время Коммуны в одном из госпиталей¹⁵⁴. Он свободно владел и английским, и французским языками. По возвращении в Лондон А. Смит возглавил вечернюю школу, организованную для изучения английского языка французскими эмигрантами¹⁵⁵. В 1885 г. он написал большую статью о Коммуне. «Несмотря на реакцию, последовавшую за подавлением Коммуны,— писал А. Смит,— во всех странах разрослось рабочее движение и появились рабочие партии, и социалистическая агитация так распространилась, что угрожает теперь всем тронам и господствующим классам»¹⁵⁶.

Социалистические газеты отмечали на своих страницах не только день победы пролетариата, но и дни его поражения, обычно статьи шли под заголовком «Кровавая неделя». В одной из них, обрамленной траурной рамкой, 30 мая 1885 г. «Джастис» сообщала читателям о «новой кровавой расправе, имевшей на днях место в Париже» На процессию, медленно двигавшуюся к кладбищу Пер-Ла-шез, напала полиция. «Поводом к нападению на безоружную толпу,— писала газета,— послужило красное знамя». Его развернул один из участников шествия. В результате столкновения 4 человека (в том числе одна женщина) было убито и 37 ранено.

От имени английского пролетариата статья выражала протест против новых кровавых злодеяний парижской полиции. «Мы,— говорилось в ней,— спешим выразить французским товарищам наши искренние дружеские чувства и твердое намерение осуществить вместе с ними

¹⁵³ The Justice, 1886, 20 Mar., p. 1.

¹⁵⁴ См гл III

¹⁵⁵ Harrison F Autobiographic Memoirs. London, 1911, p. 32.

¹⁵⁶ The Justice, 1885, 21 Mar., p. 4.

общее дело... уничтожить навсегда тиранию и всякое классовое угнетение»¹⁵⁷.

С активизацией социалистического движения росла и популярность Коммуны. С каждым годом все большее число промышленных городов Англии отмечало ее победу. Если в 1886 г. «Джастис» в разделе «Митинги и собрания» указала, помимо Лондона, только пригород Батерси, где проходил митинг, посвященный революции 18 марта, то через год в сообщениях о торжествах в память Коммуны «Джастис» называла такие крупные индустриальные центры, как Гуль и Норвич, а в 1888 г. газета получила отчеты о торжественных собраниях из Бирмингема, Лидса, Глазго, Норвича, Ноттингема и Дублина. Повсюду собрания проходили с большим подъемом при полной аудитории. Резолюции, принятые на них, отражали возрастающую популярность социалистических идей. Торжества обычно заканчивались пением «Марсельезы» и других революционных песен.

Одним из активных участников социалистического движения 80-х годов был друг У. Морриса, художник Уолтер Крейн. Он стал социалистом под непосредственным влиянием У. Морриса, о чем искренне писал в воспоминаниях. Там же он изложил свое отношение к Парижской Коммуне. Это было событие «величайшего значения, так откровенно показавшее надежды человечества, особенно рабочего класса, как ни одно предшествующее ему событие», — писал У. Крейн. Коммуна, «просуществовавшая четыре месяца», была «выжжена огнем» и «затоплена кровью» своими же соотечественниками. Ее «идеи и дела были совершенно неверно поняты и представлены английской прессой». Только по истечении нескольких лет начали понимать «ее подлинные цели, трудности и ошибки». Стало наконец ясно, что Коммуна «была попыткой основать истинно гражданское государство на основе коллективного владения и коллективного труда», писал художник¹⁵⁸.

17 марта 1888 г. «Коммонуил» поместила на целую страницу плаката Уолтера Крейна с надписью: «Дань уважения Англии французской Коммуне. Посвящается рабо-

чим обеих стран». На переднем плане изображена женщина, увенчанная лавровым венком, символизирующая Коммуну. Она держит ленту с надписью: «Да здравствует Коммуна!»¹⁵⁹. По обе стороны от нее — коленопрекленные фигуры рабочих. Слева — француз. В одной руке у него знамя, в другой горящий факел — символ революции. Справа — англичанин. Он держит кирку с лопатой и высоко над головой поднимает фригийский колпак — символ свободы. В статье, напечатанной в той же газете, читаем: «Париж поднял красное знамя на такую высоту, с которой никакая сила не сможет его сорвать»¹⁶⁰. Социалисты 80-х годов подхватили знамя Коммуны. Ее идеи, ее борьба служили им путеводной звездой.

¹⁵⁷ Ibid., 30 May, p. 1.

¹⁵⁸ Crane W. An Artist's Reminiscences. London, 1907, p. 102.

¹⁵⁹ The Commonweal, 1888, 17 Mar., p. 81.

¹⁶⁰ Ibid., p. 84.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Знакомство и тщательное изучение самых разнообразных материалов о Парижской Коммуне, которые были опубликованы в 1871 г. в Англии, приводит к заключению, что события во Франции привлекли пристальное внимание всех классов и политических партий. Не будет преувеличением сказать, что буквально все газеты и журналы за 1871 г., как лондонские, так и провинциальные, были заполнены сообщениями о революционной борьбе французских рабочих.

В Англии — цитадели капитализма — правительство могло бы игнорировать революционные выступления французских рабочих, если бы это был «просто бунт черни», как писали британские газеты в первые дни. Но даже правящие круги понимали, что это не просто «бунт». Имея в руках такое мощное оружие, как пресса, они начали формировать общественное мнение, направленное против революции в Париже. Были предприняты отчаянные попытки не пропустить ни слова правды о событиях во Франции. Но сделать это оказалось весьма трудно.

В Лондоне находилась штаб-квартира I Интернационала — его Генеральный Совет. Здесь жили и работали вожди мирового пролетариата. Неустанно разясняя рабочим суть происходящей борьбы, К. Маркс и Ф. Энгельс сумели организовать широкое движение солидарности с коммунарами. Маркс вел постоянную работу с английскими членами Генерального Совета, выполнявшего до 1872 г. одновременно и роль Британского Совета.

В трудных условиях временной победы реформистского направления в английском рабочем движении члены I Интернационала использовали все возможные формы влияния на пролетариат (широкая пропаганда целей Парижской Коммуны, разоблачение клеветнических выпа-

дов буржуазной прессы, установление тесной связи с рабочими организациями) и направляли его выступления. Движение солидарности охватило не только Лондон, но и другие промышленные города Англии. Опубликованное в эти дни Воззвание I Интернационала «Гражданская война во Франции», написанное К. Марксом, быстро распространилось по стране и содействовало популяризации идей Парижской Коммуны.

Движение солидарности получило правильное направление и добилось ряда успехов, особенно на последнем этапе — в борьбе за права эмигрантов.

Официальное общественное мнение, так тщательно создававшееся буржуазной прессой, под влиянием демонстрации пролетарской солидарности во многом изменилось в пользу коммунаров.

Коммуна вызвала активную деятельность радикально настроенной английской интеллигенции. Ряд статей в ее защиту, опубликованных в либеральной печати, отражал взгляды левого крыла буржуазных публиканцев, не побоявшихся открыто заявить о своих симпатиях к Коммуне. К ним примыкали и некоторые известные английские писатели. Литературные и публицистические произведения этой эпохи живо передают настроения прогрессивных кругов английского общества, искренне поддерживавших движение солидарности пролетариата с парижскими рабочими.

Немалую роль сыграли свидетельства беспристрастных очевидцев, прибывших из революционного Парижа и опубликовавших свои впечатления. Из донесений английского посла в Париже Лайонса стало известно, что некоторые английские граждане приняли активное участие в революционном выступлении французских рабочих. Защитники Коммуны трактовали ее по-разному и подчеркивали различные моменты в ее деятельности, но все они выражали глубокое уважение и даже восхищение мужеством и героической борьбой коммунаров. К. Маркс по этому поводу писал: «Разнообразие истолкований, которые вызвала Коммуна, и разнообразие интересов, нашедших в ней свое выражение, доказывают, что она была в высшей степени гибкой политической формой...»¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17, с. 345—346.

Коммуна произвела, и притом не только в пролетарских слоях, гораздо более глубокое впечатление и вызвала более широкие отклики, чем принято думать. В результате организованных демонстраций, митингов, собраний и выступлений в печати правительство Великобритании вынуждено было признать право коммунаров на политическое убежище. Парижская Коммуна обострила классовые противоречия в Англии и содействовала росту политической сознательности пролетариата.

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17.

Маркс К. Г-н Уолшберн, американский посол в Париже.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17.

Маркс К. Заявление Генерального Совета в редакцию газеты «Times».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17.

Маркс К. Наброски «Гражданской войны во Франции».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17.

Маркс К. Письмо Генерального Совета в редакцию газеты «Standard».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17.

Маркс К. Редактору газеты «Daily News».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17.

Маркс К. Редактору «Pall Mall Gazette» Гринвуду.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17.

Маркс К. Резолюции митинга в честь годовщины Парижской Коммуны.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 18.

Маркс К. Капитал, гл. 13.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23.

Энгельс Ф. Воззвание «Гражданская война во Франции» и английская пресса.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17.

Энгельс Ф. Выступление Мадзи-

ни против Интернационала.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17.

Энгельс Ф. Заявление Генерального Совета по поводу письма Холиока.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17.

Энгельс Ф. Письмо Генерального Совета в редакцию газет «Spectator» и «Examiner».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17.

Энгельс Ф. Англия в 1845 и 1885 годах.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21.

Энгельс Ф. К годовщине Парижской Коммуны.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21.

Энгельс Ф. Протекционизм и свобода торговли. Предисловие к брошюре: Карл Маркс. «Речь о свободе торговли».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21.

Маркс К., Энгельс Ф. Заявление Генерального Совета по поводу циркуляра Жюлья Фавра.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 17.

Маркс К., Энгельс Ф. Письма за 1871 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 33.

Архив Маркса и Энгельса, 1934, т. III (VIII).

Ленин В. И. Что делать?— Полн. собр. соч., т. 6.

Ленин В. И. Три конспекта доклада о Парижской Коммуне.— Полн. собр. соч., т. 8.

Ленин В. И. План чтения о Коммуне.— Полн. собр. соч., т. 9.

Ленин В. И. Заключительная

часть к статье А. В. Луначарского «Парижская Коммуна и задачи демократической диктатуры». — Полн. собр. соч., т. 11.

Ленин В. И. Предисловие к русскому переводу писем К. Маркса к Л. Кугельману. — Полн. собр. соч., т. 14.

Ленин В. И. Уроки Коммуны. — Полн. собр. соч., т. 16.

Ленин В. И. Памяти Коммуны. — Полн. собр. соч., т. 20.

Ленин В. И. Карл Маркс. — Полн. собр. соч., т. 26.

Ленин В. И. О задачах РСДРП в русской революции. — Полн. собр. соч., т. 31.

Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции. — Полн. собр. соч., т. 31.

Ленин В. И. О пролетарской милиции. — Полн. собр. соч., т. 31.

Ленин В. И. Государство и революция. — Полн. собр. соч., т. 33.

Ленин В. И. Подготовительные материалы к книге «Государство и революция». — Полн. собр. соч., т. 33.

Ленин В. И. О компромиссах. — Полн. собр. соч., т. 40.

Ленин В. И. Письмо к рабочим Европы и Америки. — Полн. собр. соч., т. 37.

Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. — Полн. собр. соч., т. 37.

Источники

Архивные материалы

Архив внешней политики России (АВПР)
ф. Канцелярия, 1871 г., д. 50, 66, 67, 68, 69, 74, 86.

ф. Канцелярия, 2-я газетная экспедиция 1871, д. 219, 220, 221.

Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ)

ф. 459 (А. С. Суворин), ф. 345 (О. А. Новикова), ф. 1158 (С. М. Степняк-Кравчинский).

Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, ф. 21.

The British Library, Department of Manuscripts. Dilke Papers, vol. XVII add. M. S. 43890; vol. XXV add. M. S. 43898; vol. XXIX add. M. S. 43902; vol. XXXVI add. M. S. 43909; LVIII Add. M. S. 43931; LXI add. M. S. 43929.

Public Record Office, Foreign Office 362/4, 1871 (Granville Papers); 27, 1871: 1865, 1866, 1867, 1869, 1870, 1871, 1872.

British Library of Political and Economic Science. Department of Manuscripts. The Frederic Harrison's Papers (44Ls), Mill-Taylor Collection (vol. II).

London University College. Department of Manuscripts, Watson Library. Beesly Papers (N 1—6, N 23—27, N 33—36, 37—43).

Пресса

Газеты

The Bee-Hive, London, 1871—1875.

Birmingham Morning News, 1871.
Brighton Daily News and South Sussex Gazette, 1871.

The Bristol Daily Post, 1871.
The Commonweal, London, 1885—1888.

The Daily News, London, 1871.
The Daily Telegraph, London, 1871.

The Edinburgh Review or Critical Journal, 1871.

L'Endépendance, Bruxelles, 1871.

The Evening Standard, London, 1871.

The International Herald, London, 1872—1873.

L'Italie, Bruxelles, 1871.
Journal Officiel, Paris, 1871.

Justice, London, 1885—1888.

Liverpool Mercury, 1871.
Manchester Daily Examiner and Times, 1871.

The National Reformer, London, 1871.

Le Nord, Bruxelles, 1871.
The Northampton Herald, 1871.

Nottingham and Midland Counties Daily Express, 1871.

The Oxford Undergraduate's Journal, 1871.

The Pall Mall Gazette, London, 1871.

Reformer, Edinburgh, 1871.
Republican, London, 1871.

Reynold's Newspaper, London, 1871.

The Scheffield Daily Telegraph, 1871.

The Times, London, 1871.

The Western Daily Press, Bristol, 1871.

Журналы

The Academy, London, 1871.

The Contemporary Review, London, 1871.

The Economist, London, 1871.

The Fortnightly Review, London, 1871.

Frazer's Magazine, London, 1871.
Gentleman's Magazine, London, 1871.

The Graphic, London, 1871.

The Illustrated London News, London, 1871.

The Punch, London, 1871.

The Quarterly Review, London, 1871.

The Saturday Review, London, 1871.

Опубликованные документы

Генеральный Совет Первого Интернационала. 1870—1871. Протоколы. М., 1965.

Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны. М., 1941.

Первый Интернационал и Парижская Коммуна. М., 1972.

Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 г. М., 1959. Т. 1, 2.

Царская дипломатия и Парижская Коммуна. М.; Л., 1933.

Blue-books. Accounts and Papers. Franco-Prussian War. Session 9 February—21 August 1871. London, 1871. Vol. LXXI.

The English Defence of the Commune 1871. London, 1971.

Guendalla Ph. The Queen and Mr. Gladstone (1845—1879). London, 1933.

Hansard's Parliamentary Debates, 3rd Ser. London, 1871, vol. 204, 205, 206.

Дневники, мемуары, переписка

Волин Б. Парижская Коммуна по донесениям царского посла. М., 1926.

Тирниц А. фон. Воспоминания. М., 1957.

И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1969. Т. 2.

Bingham D. Recollections of Paris. London, 1896.

Bowen W. E. Edward Bowen. A Memoir. London, 1902.

Crane W. An Artist's Reminiscences. London, 1907.

Forbes A. Memories and Studies of War and Peace. London, 1895.

Gibson W. B. A. Paris during the Commune, 1871. Being Letters from Paris and its Neighbourhood. London, 1872.

Gladstone W. E. The Political Correspondence of Mr. Gladstone and Lord Granville. London,

1952. Vol. 1. 1868—1871; Vol. 2. 1871—1876.
- Hamilton G.* Parliamentary Reminiscences and Reflections 1868 to 1885. New York, 1917.
- Harrison F.* Memoirs and Thoughts. London, 1906.
- Harrison F.* Authobiographic Memoirs. London, 1911.
- The Holstein Papers: the Memoirs, Diaries and Correspondence of Frederick von Holstein, 1837—1909. Cambridge, 1955. Vol. 1.
- Letters from the Berlin Embassy (1871—1874, 1880—1885). Washington, 1944.
- Letters from Paris, 1870—1875. London, 1942.
- Letters of G. Meredith. New York, 1912. Vol. 1.
- The Letters of W. Morris to his Family and Friends. London, 1950.
- Memoirs of M. Thiers, 1870—1873. London, 1915.
- Meredith G.* The Letters. Oxford, 1970. Vol. 1.
- Mill S.* Authobiography. London, 1873.
- Morley J.* Recollections. London, 1929. Vol. 1, 2.
- Powell M. D.* Reminiscences of la Commune and the Second Siege of Paris, March to May 1871. Jersey, 1914.
- Ruskin J.* The Diaries. Oxford, 1958. Vol. 2.
- Ruskin J.* The Letters to Lord and Lady Mount Temple. Ohio, 1964.
- Ruskin J.* The Wellington Letters. Cambridge, 1969.
- Swinburne A.* Letters. New Haven, 1959. Vol. 2. 1869—1875.
- Queen Victoria.* The Letters. Ser. 2. London, 1926. Vol. II. 1870—1878.
- Vandam A.* An Englishman in Paris. London, 1892. Vol. 2.
- A Victim of Paris and Versailles, pt I—II.—Mackmillan's Mag., London, 1871. Sep.—Oct.
- Washburne E. W.* Recollections of a Minister to France (1869—1877). New York, 1889. Vol. 2.

Публицистика.

Художественная литература

- Меридир Дж.* Карьера Бьючепана. СПб., 1876.
- Bridges J. H.* Illustration of Positivism. London, 1907.
- Bulwer-Lytton E.* The Parisians. Boston, 1872; Leipzig, 1873.
- Harrison F.* The Meaning of the History and other Historical Pieces. London, 1911.
- Hopkins G. M.* Poems. London, 1949.
- Linton E. L.* The True History of Joshua Davidson. Leipzig, 1873.
- Mill J. S.* August Comte and Positivism. London, 1880.
- Morris W.* How I became a Socialist. Biographical Scatches. London, 1896.
- Morris W.* Selections. Moscow, 1959.
- Morris W., Bax B., David V.* A Short Account of the Commune. S. I., 1886.
- Ruskin J.* Fors Clavigera. Synnyside (Orpington, Kent), 1871—1877.
- Swinburn A. Ch.* Collected Poetical Works. London, 1924. Vol. 1, 2.
- Swinburn A. Ch.* Songs before Sun rise. London, 1875.
- Далин В. М.* Новое о Верморе-ле.—Новая и новейшая история, 1977, № 2.
- Дебидур А.* Дипломатическая

Литература

- Бродский В.* Художники Парижской Коммуны. М., 1970.
- Галеви Э.* История Англии в эпоху империализма. М., 1937.

- история Европы. М., 1947. Т. 2. Европа в новое и новейшее время. М., 1966.
- Ерофеев Н. А.* Очерки по истории Англии. М., 1959.
- История международного и национально-освободительного движения. М., 1962.
- История Парижской Коммуны 1871 г. М., 1971.
- Кан С.* Маркс как организатор помощи жертвам версальского террора. М., 1931.
- Кунина В. Э.* Карл Маркс и английское рабочее движение. М., 1968.
- Кунина В. Э.* Парижские коммунары в лондонской эмиграции. Кругок социальных исследований.—В кн.: Европа в новое и новейшее время. М., 1966.
- Кунина В. Э.* Из истории деятельности Маркса в Генеральном Совете I Интернационала (октябрь 1871 — август 1873).—В кн.: Из истории марксизма. М., 1973.
- Мортон А. Л., Тейл Дж.* История английского рабочего движения, 1770—1920. М., 1959.
- Мортон А. Л.* От Мелори до Элиота. М., 1970.
- Парижская Коммуна и марксизм: (Очерки). М., 1973.
- Парижская Коммуна 1871 года. Т. 1, 2. М., 1961.
- Парижская Коммуна 1871 года. М., 1970.
- Рогштейн А. Ф.* Очерки по истории рабочего движения в Лондоне. М.; Л., 1925.
- Рябов Ф. Г.* Маркс, Энгельс и борьба английских рабочих за признание Республики во Франции.—В кн.: Из истории марксизма. М., 1961.
- Рябов Ф. Г.* Маркс, Энгельс и борьба английских рабочих за защиту Французской республики и Парижской Коммуны (1870—1871): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1963.
- Ausubel H.* In Hard Times. New York, 1960.
- Best G.* Mid-Victorian Britain, 1851—1875. London, 1971.
- Bourne H. R. F.* English Newspapers. Chapters in History of Journalism. New York, 1966. Vol. 2. 1820—1887.
- Cole G. D. H.* The British Working Class Movement. London, 1944.
- Collins H., Abramsky Ch.* K. Marx and the British Labour Movement. London, 1965.
- Dowell Mc R. B.* British Conservatism, 1852—1914. London, 1959.
- Dutt R. P.* The Commune and Today.—Labour Mon., London, 1971, Mar.
- Edwards S.* The Paris Commune 1871. London, 1971.
- Frank H.* The Political Influence of Queen Victoria, 1861—1901. London, 1955.
- Gordon L.* The Paris Commune then and now.—Mon. Rev., London, 1968, vol. 20, N 6.
- Hamer D. A.* Morley John. Liberal Intellectual in Politics. Oxford, 1968.
- Hardie F.* The Political Influence of Queen Victoria, 1861—1901. London, 1935.
- Harrison R. E. S.* Beesly and Karl Marx.—International Review of Social History, Amsterdam, 1959, N 4.
- Harrison R.* Before the Socialists. Toronto, 1965.
- Harrison R.* The English Workmen and the Paris Commune.—The Spokesman, London, 1971, N 13/14.
- The History of the Times: Vol. 1—5. London, 1939. Vol. 2. 1841—1884.
- Hobsbaum E.* The Age of Capital. London, 1970.
- Horne A.* The Fall of Paris. London, 1965.

- Horne A.* The Terrible Year. London, 1971.
- Hutchins Sh.* The Commundard Exiles in Britain.—Marxism Today, 1971, Mar.
- Jellinek F.* The Paris Commune of 1871. London, 1971.
- Jenkins R.* Sir Charles Dilke. A Victorian Tragedy. London, 1958.
- Knaplund P.* Gladstone's Foreign Policy. London, 1970.
- Lindsay J.* The Commune of Paris and English Literature.—Marxist Quart., 1954, vol. 1, N 3.
- Lindsay J.* George Meredith. London, 1956.
- Maccoby S.* English Radicalism, 1853—1886. London, 1938.
- March Th.* The History of the Paris Commune of 1871. London, 1896.
- Mason E. S.* The Paris Commune. New York, 1930.
- Millman R.* British Foreign Policy and the Coming of the Franco-Prussian War. Oxford, 1965.
- Morley J.* The Life of William Ewart Gladstone. London, 1903. Vol. 2. 1859—1888.
- Morris W.* 1834—1934. Some Appreciations. Walthamstow, 1934.
- Morton A. L.* The Matter of Britain. Essays in a Living Culture. London, 1966.
- Morton A. L.* Britain and the Paris Commune.—Marxism Today, 1971, Mar.
- Mueller I. W. J. S.* Mill and French Thought. Urbana, 1956.
- Newton L.* Lord Lyons. A Record of British Diplomacy. London, 1913. Vol. 1, 2.
- Page A. R.* William Morris, the Man and the Myth. London, 1964.
- Ramsay A. A. W.* Idealism and Foreign Policy. London, 1925.
- Revolution and Reaction. The Paris Commune, 1871/Ed. J. Hichs, R. Tucker. Univ. Mass., 1973.
- Rothstein A.* A House on Clerkenwell Green. London, 1966.
- Rothstein A.* Paris Commune—British Witnesses.—Labour Mon., 1971, Mar.
- Ritz J. J.* Robert Bridges and Gerard Hopkins. 1863—1889. London, 1968.
- Schulkind E.* The Paris Commune of 1871. London, 1971.
- Schults L. R.* Crusader in Babylon. Lincoln, 1972.
- Scott J. W. R.* The Life and the Death of a Newspaper. London, 1952.
- Temperley H.* The Victorian Age in Politics, War and Diplomacy. London, 1935.
- Tompson E. P.* William Morris. Romantic to Revolutionary. London, 1955.
- Tribe D.* President Ch. Bradlaugh, M. P. London, 1971.
- Wyncoll P.* The First International and Working Class Activity in Nottingham 1871—1873.—Marxism Today, 1968, Dec.
- Wyncoll P.* Thomas Smith: A Working Class Defender of the Commune.—Marxism Today, 1971, Mar.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамски Ч. 9
 Аллен А. Ж. 151
 д'Анетан 91
 Анселл Ф. В. 148
 Аппер 146
 Арнол Дж. (Эрнэл Дж.) 149, 151
 Асси А. 37, 160
- Бабеф Г. 58
 Бакс Б. 202, 203
 Баррер К. 90, 94
 Батлер 151, 152
 Бах И. А. 13
 Бейджот У. 48
 Бейнтур Э. 151
 Бени Х. 151
 Бёрк 190
 Беснард А. (Биснард) 151, 152
 Бизли Э. С. 8, 12, 69—77, 81, 82, 87, 88, 93—98, 113, 160, 172, 182
 Бинхэм Д. 146
 Бисмарк О. 6, 96, 126, 147, 176
 Блан Л. 28, 70, 94
 Бланки Л. О. 37, 75, 136, 137
 Боборькин П. Д. 69—71
 Боуэн У. Э. 117, 118, 120, 128
 Боуэн Э. 116—118, 120, 128
 Боччини П. 152
 Брабизон 159, 160
 Бриджис Дж. Г. 88—90, 95, 99, 113
 Бриджис Р. 69, 110
 Бродский В. 50
 Бруннов Ф. И. 23, 35, 36, 41, 45, 61, 133
 Брус Г. О. 45, 169, 189, 190

- Бредло Ч. 63—64, 158, 190
 Бульвер-Литтон Э. 65
- Вандэм А. 127, 128
 Варлен Л. Э. 18, 41, 170
 Вебб Б. 12
 Вебб С. 12
 Виктория, королева 23, 34, 35, 61, 169, 170
 Врублевский В. 93
 Вэлли Дж. Г. 129, 130, 133, 134, 194
- Гамильтон Г. 19, 146
 Гарднер Э. 152
 Гарибальди Дж. 142
 Гаррисон Р. 10, 11, 68, 71, 76, 78, 93, 96, 97,
 Гаррисон Ф. 12, 61, 69—71, 78—87, 90, 93—98, 105, 113, 130, 190, 204
 Герберт А. 139, 140
 Гладстон У. 5, 6, 12, 15, 17, 19, 33—35, 64, 91, 93, 188, 189, 192
 Гопкинс Дж. М. 110, 111
 Горчаков А. М. 23, 35, 45, 133
 Готье Ж. 152
 Грант У. С. 17
 Гренвиль Дж. 11, 14, 23, 33—35, 41, 61, 147—150, 153—155, 192
 Гринвуд Ф. 15
 Груссе П. 90
 Грэхэм Г. 148, 149, 152
 Гэдвей Дж. 149
 Гэдни Т. (Годни Т.) 148, 152
 Гэдни У. 152

Указатель имен

Далин В. М. 71
 Дантон 58
 Датт П. Р. 11
 Делейн Дж. Т. 14
 Делеклюз Л.-Ш. 94, 144, 145, 204
 Джеленик Ф. 10
 Джибсон У. 139, 140, 142, 143, 145, 146
 Джонс Э. 171
 Джонсон Дж. 191—194
 Дизраэли Б. 15, 17
 Диккенс Ф. В. 91
 Диккенс Ч. 91
 Диксон 153
 Дилк Ч. 6, 12, 94, 112, 130—133, 147, 194
 Дилк Э. 112, 131
 Домбровский Я. 128, 142
 Дэвид В. 202, 203

Ерофеев Н. А. 5, 6
 Ессоп А. 107, 109

Журд Ф. 18, 48, 128

Кафьеро К. 97
 Квелч Г. 203
 Ключере Г.-П. 94, 127, 142
 Кокрейн Б. 34
 Коллинз Г. 9
 Конгрив Р. 69, 87
 Конт О. 67—71, 73, 82, 83
 Кормак Дж. Р. 139, 143
 Кохэн В. 152
 Крейн У. 205, 206
 Кромптон Г. 69, 95
 Кропоткин П. А. 203
 Кугельман Л. 8
 Кунина В. Э. 8, 9, 68, 156, 158, 172, 196
 Курбе Г. 135
 Кэррол Э. 149, 151

Лайонс Р. Б. П. 11, 33, 41, 134, 147, 149—151, 153—155, 196, 197, 208
 Ла Сессилиа Н. 93, 128
 Леконт К.-М. 18
 Лекрафт Б. 195, 196
 Ленин В. И. 6, 7, 8
 Лийдсей Дж. 11, 86, 105—107, 109, 110
 Линер Дж. 172
 Линкольн А. 80
 Линтон В. Дж. 103
 Линтон Э. Л. 103, 104, 201, 202
 Лиссагарэ П.-О. 90
 О'Лори О'Бриен Дж. 152
 Лоу У. 148—151
 Лоуренс Ч. 152
 Лоусон Л. 19

Магон Д. Р. 202, 203
 Мадзини Дж. 61—63, 183
 Мак-Доннел Дж. 198
 Мак-Магон М.-Э.-П.-М. 40
 Макс Ф. А. 105, 106
 Малет Э. Б. 137, 147
 Малон Б. 170
 Манн Т. 203
 Манфред А. З. 13
 Маркс К. 3, 4, 7—9, 12, 36, 37, 41, 59, 62, 66, 67—69, 71, 76, 77, 81, 83, 84, 87, 93, 94, 96, 97, 102, 134—137, 156, 165, 171, 172, 182, 183, 185, 188, 189, 195, 196, 198, 199, 208, 209
 Марч Т. 146
 Марш Дж. 120, 121
 Маршалл 93, 94
 Маршалл Ф. 117
 Мередит Дж. 105—111
 Мередит М. Э. 110
 Мёррей Дж. 160, 163, 165, 166, 169

Указатель имен

Милль Дж. С. 12, 61, 69—71, 91, 92, 190
 Милнер Дж. 198
 Митчел Г. У. 152
 Митчел Э. 152
 Морисон Дж. К. 90
 Морли Дж. 12, 61, 70, 71, 77—81, 85, 93, 96, 98, 109
 Моррис Дж. 170
 Моррис У. 12, 200—203, 206
 Мортон А. Л. 11, 13, 99, 101, 145, 146
 Моттерсхед Т. 159, 160, 162, 165
 Мэзон Э. С. 9
 Мюлер И. В. 92
 Мюрри Дж. 140, 141

Наполеон III 23, 63, 92, 130, 175
 Наполеон Бонапарт 175, 176
 Невиль Х. 71
 Неймен де А. Ф. 152
 Нортон Ц. Е. 86
 Ноэль 147
 Ньютон Л. 6, 33, 41

Оджер Дж. 157, 190, 195, 196
 Онегин А. 112
 Осборн У. 159, 160, 163
 Осмонд Л. 152
 Остин Ч. 90
 Оуэн У. 162, 192

Паркер С. 185
 Пауэл О. В. 140, 141
 Пейдж А. Р. 202, 203
 Пиа Ф. 94, 103
 Пикар Э. 118
 Поле 152
 Понсонби 23, 34, 35
 Поттер Дж. 63—65
 Прудон П.-Ж. 28

Райт Т. 171, 185—188
 Ральстон У. Р. С. 111, 112
 Рапелл Ф. Б. 152
 Рассел Ф. Б. 149
 Рейнольдс Дж. Б. 148, 149, 151
 Рёскин Дж. 99—102, 111
 Рид Р. 134—138
 Ридер 152
 Ритц Дж. Дж. 111
 Робертсон Э. Г. 152
 Россети У. М. 63
 Ротвел С. 172
 Ротштейн А. Ф. 11, 13, 67, 116, 159
 Роял Дж. 127, 128
 Рулан 18
 Рябов Ф. Г. 8, 9, 172

Саутон Дж. (Саутертон Дж., Саутроу Дж.) 148, 149, 151
 Серрайе О. 134, 157
 Симпсон У. 50—52, 55, 56
 Скотт Дж. У. Р. 15
 Смит А. 204
 Смит А. Х. 145
 Смит Дж. В. 139
 Смит Т. 172—185, 198
 Смит Валетте Г. (Смит Валетто Г.) 148, 149, 152
 Спаркс А. 139
 Спаркс Э. 139
 Спенсер П. 70, 151
 Спитери П. 152
 Стейнтал С. А. 171
 Степняк-Кравчинский С. М. 109, 110
 Сторр Дж. 71
 Страттон Ч. 152
 Стэнли Дж. 140
 Суворин А. С. 112
 Суинберн А. 62, 63, 65

Указатель имен

- Томá К. 18
Томас А. (Диксон) 151, 153
Тургенев И. С. 111, 112
Тьер Л.-А. 16, 17, 19, 20, 22, 28—
31, 33, 35—37, 41, 46, 51, 57,
63, 75, 79, 82, 85, 92, 94, 114,
118, 124, 129, 131, 132, 136, 137,
149, 150, 154, 155, 159, 175, 176,
190, 191, 193, 196, 197
- Уайтхэд 19
Уилсон Б. 140
Уинкол П. 11, 13, 173, 184
Уошберн Э. Б. 134, 185
Уэйд Ч. 157, 158
Уэйт Г. А. 192
Уэстон Дж. 162, 163, 165
- Фавр Ж. 91, 93, 118, 150, 153,
154, 189
Флетчер М. (Флигчер М.) 151
Флуранс Г. 115, 131, 166, 204
Фобс А. 128
Форстер Р. 149, 151
Фортескью Н. 12
Франкель Л. 8, 41
Фроуд Дж. А. 64, 65, 124
- Харрис Дж. 160
Хейлз Дж. 157, 160, 162, 192
Холиоок Дж. 158, 195
- Clapham J. N. 5
Court W. H. B. 5
Checkland S. G. 5
Knaplund P. 6
- Холл С. 54, 56
Холм Дж. 71
Хорн Э. 10, 140
Хоуптон А. Б. 56
- Цебрикова М. 109
- Чайлд Э. 140
Чёрмсайд 147, 153
Чернышевский Н. Г. 110
Чилмэн Ф. У. 152
Чилмэн Я. Р. Ф. 152
- Шулькин Е. 12
Шульц Л. Р. 15
- Эвелинг Э. 203
Энкариус Г. 8
Эльхо Ф. У. Г. 189
Энгельс Ф. 3, 4, 7—8, 9, 37, 41,
66—68, 76, 77, 83, 84, 96, 97, 134,
135, 188, 195, 196, 198, 199,
208, 209
Энфилд 134, 147, 148, 150
Эрдли Э. Дж. К. 152
Эрли 147
Этерингтон Г. Ч. 148, 149, 152
Этерингтон Э. Ч. 147, 149, 152
- Юнг Г. 8, 13, 67, 165, 198
- Knowles L. C. 5
Millman R. 6
Ramsay A. A. W. 6